

"Жаннетт Уоллс - Серебряная звезда"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
Topreading.ru

Джаннетт Уоллс

Серебряная звезда

© Сошинская К., перевод на русский язык, 2014

© ООО «Издательство «Э», 2015

Джону, за его помощь в создании Бин и за его любовь к ней.

Безупречная и незатейливая правда редко безупречна и никогда не проста.

Оскар Уайлд

Глава 1

Моя сестра спасла мне жизнь, когда я была маленькой. Вот что тогда случилось. После семейной ссоры мама решила среди ночи уехать с нами из дома. Она положила меня в сумку для переноски детей, поставила ее на крышу машины и стала укладывать какие-то вещи в багажник, а затем усадила на заднее сиденье Лиз, которой было три года. В то время у мамы был трудный период жизни, много было такого, о чем следовало подумать – безумие, безумие, безумие, говорила она позднее. Совершенно забыв обо мне – мне было всего лишь несколько месяцев, – мама тронулась с места.

Лиз звала меня, показывая на крышу автомобиля. Сначала мама не поняла, что говорит Лиз, но потом, сообразив, что наделала, ударила по тормозам. Сумка съезжала вперед на капот, но поскольку я была привязана, со мной все было в порядке. Я даже не плакала. Впоследствии, когда бы мама ни рассказывала эту историю, которую находила забавной и изображала в драматических деталях, ей нравилось благодарить добрую Лиз за ее ум. Если бы не сестра, то эта сумка слетела бы вниз и со мной было бы покончено.

Лиз живо помнила все это, но не считала смешным. Она спасла меня. Вот какой сестрой была Лиз. И вот почему, когда ночью началась вся эта кутерьма, меня не беспокоило то, что мама уехала на четыре дня. Я больше волновалась из-за наших пирогов с курицей.

Я ненавидела, когда корочка на наших пирогах с курицей подгорала. Но таймер в тостере духовки сломался, так что в этот вечер я посматривала на маленькое стеклянное окошко, потому что как только эти пироги начинали становиться коричневыми, за ними надо было следить.

Лиз сидела за столом. Мама уехала в Лос-Анджелес, на какое-то прослушивание в студии звукозаписи на роль певицы бэк-вокала.

- Думаешь, она получит работу? – спросила я сестру.

- Понятия не имею, – ответила Лиз.

- А я думаю, да. У меня есть хорошее предчувствие.

Мама вообще часто уезжала в город с тех пор, как мы приехали в Лост-Лейк, маленький город в Колорадо-Дезерт, в южной Калифорнии. Обычно мама уезжала на одну или две ночи, но никогда не уезжала так надолго. Мы не знали точно, когда она должна вернуться, и поскольку телефон был отключен – мама спорила с телефонной компанией из-за каких-то ее звонков на дальние расстояния, – у нее не было возможности нам звонить.

И все-таки это не казалось чем-то очень важным. Мамина карьера всегда отнимала у нее много времени. Даже когда мы были совсем маленькими, у мамы была приходящая няня или подруга, которая присматривала за нами, пока она улетала в какое-то место вроде Нэшвилла – Лиз и я привыкли оставаться одни. Ответственность лежала на сестре, поскольку ей было пятнадцать лет, а мне только исполнилось двенадцать, но я была не из тех деток, которых надо нянчить.

Когда мама уезжала, мы ели только куриные пироги. Я любила их и могла есть каждый вечер. Лиз говорила, что если у тебя есть стакан молока и куриный пирог, то у тебя имеется обед, в который входят четыре группы продуктов – мясо, овощи, крупа и молочное – в общем, совершенная диета.

Пироги было весело есть. У каждой из нас был свой собственный пирог в аккуратной тарелочке из фольги, и с ним можно было делать все, что угодно. Мне нравилось разламывать корочку и смешивать вместе кусочки моркови, горошек и желтый жирок. Лиз считала, что смешивать все вместе – это дикость. Корочка становилась мокрой, а для сестры самым вкусным в этих пирогах был контраст между хрустящей корочкой и начинкой. Лиз предпочитала оставлять корочку нетронутой и отрезала каждый кусок в форме изящного клинышка.

Как только корочки пирогов становились золотисто-коричневыми, а их краешки становились почти подгоревшими, я говорила сестре, что все готово. Она вынимала пироги из духовки, и мы садились за пластиковый стол.

Во время обеда, когда мама уезжала, нам нравилось играть в игры, которые придумывала Лиз. Одна игра называлась «Жуй – Плюй». Надо было дожидаться, когда у другого участника игры был полный рот еды или молока, и тогда ты старался заставить его рассмеяться. Иногда я смеялась так сильно, что молоко выливалось у меня из носа.

Другая игра, которую изобрела Лиз, называлась «Ложь». Один человек произносил два утверждения – одно правдивое, второе лживое, другой человек задавал пять вопросов об этих утверждениях, и потом должен был предположить, какое из них лживое. Обычно Лиз выигрывала и в этой игре, но, как и в «Жуй – Плюй», неважно было, кто выиграл. Весело было просто играть. Этим вечером я разволновалась, потому что придумала то, что мне казалось невероятно трудной задачей: когда лягушка глотает, ее глаза проваливаются в рот, а еще – у лягушки зеленая кровь.

– Это легко, – сказала Лиз. – Зеленая кровь – ложь.

– Просто не верится, что ты сразу догадалась!

– Мы разрезали лягушек на уроках биологии.

Я продолжала говорить о том, как смешно и чудно, что лягушка пользуется глазами для глотания, когда мама вошла в дверь, с белой коробкой, перевязанной красным шнурком, в руках.

– Лимонный пирог для моих девочек! – объявила она, поднимая коробку. Лицо ее сияло, она легкомысленно улыбалась. – Особый случай, потому что наша жизнь вот-вот изменится.

Мама нарезала пирог, раздала нам по куску и стала рассказывать, что когда она была на звукозаписывающей студии, то встретила одного человека. Марк Паркер был продюсером звукозаписи пластинок, он сказал, что она не должна выступать певицей бэк-вокала. У нее слишком характерный голос, чтобы стоять за спиной солистов.

- Марк объяснил, что я создана не для того, чтобы играть вторую скрипку для кого бы то ни было, - добавила мама. У нее есть качества звезды. В тот же вечер он пригласил ее на обед, и они разговаривали о том, как помочь ее карьере. - Он очень остроумный и забавный, - сказала мама. - Вы будете в восторге от него.

- Это серьезно или пустая болтовня? - спросила я.

- Осторожнее, Бин, - сказала мама.

Бин - не настоящее мое имя, но все так меня называют. Бин.

Это не я придумала. Когда я родилась, мама назвала меня Джин, но когда меня увидела Лиз, то назвала меня Джин-Бин, потому что я была крошечной, как фасолинка, и потому что это было в рифму - Лиз всегда все рифмовала - и потом мое имя укоротилось до Бин. Но иногда Лиз называла меня Бинерище, или Бин - Голова Фасольная, или, когда я принимала ванну, Чистюлька-Бин, или Тошная Бин, потому что я была очень худой, или Королева-Бин, просто чтобы мне было приятно, или Упрямец-Бин, если я была в плохом настроении. Однажды я отравилась какой-то едой, и она назвала меня Гриин Бин (Зеленая Бин), а потом, позже, когда мне стало еще хуже и я уже обнимала унитаз, назвала меня Гриинище Бин.

Лиз не могла удержаться, чтобы не играть словами. Вот почему она любила название нашего нового города, Лост-Лейк[1].

- Давайте поищем это озеро, - говорила Лиз. - Интересно, кто его потерял? Может, озеро должно спросить, куда ему идти?

Мы приехали в Лост-Лейк из Пасадены четыре месяца назад, в 1970 году. Мама утверждала, что перемена декораций должна дать нам свежий старт на следующие десять лет.

Город был очень чистеньким, по моему мнению. Большинство живущих тут людей были мексиканцами, они держали кур и коз у себя во дворах, где и сами практически жили, готовя на гриле и танцуя под мексиканскую музыку, которая громко трубила из радиоприемников. По пыльным улицам бродили кошки и собаки, оросительные каналы несли воду на поля с посевами. Никто косо не смотрел на тебя, если ты надевал поношенное платье старшей сестры или если твоя мама ездила в старом коричневом «Дарте». Наши соседи жили в небольших глинобитных домах, а мы арендовали бунгало из шлакоблоков. Это была мамина идея покрасить блоки в бирюзовый цвет, а дверь и подоконники - в оранжевый.

- Давайте даже не притворяться, что мы хотим смешаться со всеми, - сказала она.

Мама была певицей, сочинительницей песен и актрисой. Правда, она никогда не снималась в кино и не записывала пластинок, и ненавидела, когда ее называли «подающей надежды». По правде сказать, она была старше людей, о которых так писали в киножурналах, которые она покупала. Скоро ей должно было исполниться тридцать шесть лет, и она выражала недовольство тем, что певцы, такие, например, как Дженис Джоплин и Джони Митчелл, были по крайней мере на десять лет моложе ее.

Однако мама всегда утверждала, что ее большой прорыв прямо тут, за углом. Иногда после прослушивания ей отказывали, но обычно она приезжала домой и, качая головой, говорила, что парни на студии, эти уставшие критиканы, хотели еще раз посмотреть, как она пробьется. В общем, мамина карьера не приносила большие доходы – пока что. Мы жили на ее наследство. Денег не хватало, и, когда мы приехали в Лост-Лейк, бюджет наш был скромным.

Когда мама не ездила в Лос-Анджелес – что было утомительно, поскольку ехать надо было около четырех часов в каждом направлении, – она любила долго спать и проводить день, сочиняя песни, играя их на одной из ее четырех гитар. Ее любимая, «Зимэйтис», стоила приблизительно так же, как годовая плата за аренду. Еще у нее были «Гибсон Южный Джабмо», «Мартин», медового цвета, и испанская гитара, сделанная из бразильского палисандра. Если мама не пела свои песни, то работала над музыкальной пьесой, основанной на ее жизни. Пьеса эта была об ее уходе из чопорной, консервативной семьи южан, о разрыве с мужем и о связи со смертельно усталыми друзьями – вместе со всеми усталыми скандалистами, которые не дотягивали до уровня настоящего друга, – и о том, как она обнаружила свое истинное призвание в музыке. Мама назвала пьесу «Находка волшебства».

Мама всегда говорила, что тайна процесса творчества состоит в том, чтобы найти волшебство. Это, говорила она, так же нужно было искать и в жизни. В музыкальной гармонии, в каплях дождя на твоём лице и солнце на твоих голых плечах, в утренней росе, от которой промокают тапочки, в полевых цветах, какие ты собираешь вдоль дороги, в любви с первого взгляда и в грустных воспоминаниях о том, кто ушел.

– Найди волшебство! – восклицала мама. – И если не можешь найти его, тогда сам создай.

Маме нравилось говорить, что мы трое – волшебство. Она уверяла нас, будто неважно, насколько известной она стала, ничто никогда не будет более важным для нее, чем две ее девочки. Мы племя троих. Три – совершенное число. Святая Троица, три мушкетера, три Волхва, три поросенка, три комика, тройное «ура», три чуда. Мы трое – это все, что нам нужно.

Но это не удерживало маму от того, чтобы уезжать на свидания с приятелями.

Глава 2

Несколько следующих недель мама повторяла, что Марк Паркер «открыл» ее. Она говорила об этом, будто в шутку, но можно было бы сказать, что это была своего рода сказка, которая ей нравилась. Это было мгновение волшебства.

Мама начала чаще ездить в Лос-Анджелес – иногда на день, иногда на два-три дня – и когда возвращалась, то была переполнена рассказами о Марке Паркере. Он необыкновенный парень, утверждала она. Он работал с ней над партитурой пьесы «Найди Волшебство», сокращая стихи, подталкивая ее к правильной фразировке и шлифовке пьесы. Фактически Марк был автором многих стихов, говорила она нам. Однажды она привезла нам альбом и вытащила оттуда листы нотной бумаги. Марк обвел стихи любовных песен и нацарапал рядом с ними: «Я писал это о тебе уже до того, как встретил тебя».

Специальностью Марка была аранжировка. Однажды мама привезла второй альбом группы «Токинс», с их хитовой пластинкой «Ночью лев спит». Марк делал аранжировку этой песни, которую записывали дважды. Сначала «Токинс» не хотели использовать версию Марка, но он уговорил их и спел что-то на бэк-вокале. Если прислушаться, то можно услышать его баритон.

Мама была все еще весьма хороша. Она стала королевой на встрече выпускников ее школы в Виргинии, где она выросла, и можно было понять почему. У нее были большие глаза орехового цвета, волосы с прядями цвета солнца, дома она завязывала волосы «хвостиком», но когда ездила в Лос-Анджелес, то расчесывала и взбивала их. За годы мама прибавила несколько фунтов, но утверждала, что вес придает ей раскованности, а певице это никогда не помешает.

Марку нравилась ее внешность, говорила нам мама, и после того, как она начала встречаться с ним, она стала выглядеть моложе и легче двигаться. Когда она приезжала домой и описывала, как Марк катал ее на яхте или запекал устрицы и как она учила его танцевать, глаза ее оживлялись. Маму звали Шарлотта, и Марк изобрел для нее коктейль из персиковой водки, бурбона, гренадина и колы, который назвал «Потрясающая Шарлотта».

Однако не все в Марке было совершенным. У него имелась и темная сторона, объясняла мама. У него бывало плохое настроение, как у всех настоящих художников, но такое бывало и у нее, и им, в их сотрудничестве, приходилось переживать моменты бури. Иногда мама звонила Марку – она оплатила долги, так что у нас снова работал телефон, – и мы с Лиз слышали, как она кричит в трубку что-то вроде – «Эту песню нужно заканчивать аккордом, но не уменьшать силу постепенно!» или «Марк, ты слишком много ждешь от меня!» Это творческие разногласия, объясняла мама. Марк готов был сделать пленку к показу ее лучших песен для больших дисков, и было естественно, что у настоящих художников возникают страстные споры, когда наступает срок окончания работы.

Я все спрашивала маму, когда же мы с Лиз увидим Марка Паркера. Мама отвечала, что Марк очень занят, постоянно летает то в Нью-Йорк, то в Лондон и у него нет времени на то, чтобы добраться до Лост-Лейка. Я предложила нам самим поехать в Лос-Анджелес, чтобы там встретиться с ним, но мама покачала головой.

– Бин, по правде говоря, он ревнует к тебе и к Лиз, – сказала она. – Он говорил мне, что думает, будто я слишком много говорю о девочках. Боюсь, что Марк может быть собственником.

После двух месяцев встреч с Марком мама вернулась домой и сказала нам, что, несмотря на его беспорядочное расписание и характер собственника, Марк согласился приехать в среду в Лост-Лейк, чтобы встретиться со мной и Лиз после школы. Мы все втроем провели вечер вторника, отчищая наше бунгало, засовывая хлам в кладовку, смывая кольца грязи в кухонной раковине и в туалете, передвигая мамино лиловое кресло с бабочками, чтобы закрыть пятно, где она пролила чай на коврик, оттирая грязь вокруг дверных ручек и на подоконниках, распутывая мамины колокольчики, звонившие на ветру, и соскабливая с пола старые засохшие следы игры «Жуй – Плюй». Мы работали и пели «Ночью львы спят». Начинили вместе: «В джунглях, в могучих джунглях...» Затем Лиз пела «о-уим-о-уэ о-уим-о-уэ о-уим-о-уэ» за хор. Мама поражала своим «а- уооо-уооо-уооо» на высоких нотах, и я вступала с басом – «ии-дам-бам- бьюэй».

На следующий день после уроков, я поспешила домой. Я училась в шестом классе начальной школы, а Лиз была новичком в средней школе, так что я всегда первой приходила домой. Мама говорила нам, что Марк ездит на желтом «Триумфе», но единственной машиной, которая стояла в этот день перед бунгало, был наш старый «Дарт». Когда я вошла в дом, то увидела маму сидящей на полу в окружении беспорядочно разбросанных книг, пластинок и листов

нотной бумаги. Похоже было, что мама плакала.

- Что случилось? - спросила я.

- Он уехал.

- То есть?

- Мы поругались, я говорила тебе, что он бывает в дурном настроении. - Завлекая Марка в Лост-Лейк, объясняла мама, она сказала ему, что мы с Лиз переночуем у друзей. Как только он приехал, мама объяснила, что планы изменились и мы с Лиз после школы явимся домой. Марк взорвался. Заявил, что чувствует себя обманутым и пойманным в ловушку, и вылетел из дома.

- Что за дурак, - сказала я.

- Он не дурак. Он вспыльчивый. Байронический тип. И я - его собственность.

- Тогда Марк вернется.

- Не знаю, - сказала мама. - Он сказал, что уезжает на свою виллу в Италию.

- У Марка есть вилла в Италии?

- На самом деле вилла не его. Виллой владеет его друг, кинопродюсер, но он позволяет Марку пользоваться ею.

- Уау, - сказала я. Маме всегда хотелось побывать в Италии, и вот есть парень, который может полететь туда, когда бы ему ни захотелось. Если не обращать внимания на тот факт, что Марк Паркер не желал встретиться со мной и Лиз, в нем было все, чего мама всегда искала в мужчине.

- Я хочу, чтобы мы ему понравились, - сказала я. - Но он слишком хорош, чтобы это было правдой.

- Что ты хочешь сказать? - Мама вздернула плечи и уставилась на меня. - Думаешь, я все это выдумала?

- Ой, нет, ни секунды не думала, - сказала я. - Выдумать бойфренда - это надо быть совсем чокнутой.

Как только эти слова сорвались у меня с языка, меня осенило, что мама и правда все это выдумала. У меня внезапно залило жаром лицо, будто я увидела маму голой. Мы смотрели друг на друга, и я сообразила, что она может подумать, что я понимаю, что она все выдумала.

- Ты у меня получишь! - крикнула мама. Она начала вопить, припоминая все, что сделала для меня и Лиз, как трудно ей бороться, сколь многим она пожертвовала, какие мы неблагодарные паразиты. Я пыталась успокоить маму, но от этого она еще больше злилась. Она вообще не должна была иметь детей, продолжала мама, особенно меня, я была ошибкой. Ради нас она забросила свою жизнь и карьеру, а мы совсем этого не ценим.

- Я просто не могу оставаться здесь! - крикнула мама. - Я должна уехать!

Я размышляла, что можно сказать, чтобы смягчить ситуацию, но тут мама схватила свою

большую сумку с дивана и выбежала, хлопнув дверью. Я слышала, как она завела «Дарт» и уехала. И в бунгало стало тихо. Только нежно позвякивали под ветром мамины колокольчики.

- Я просто не могу оставаться здесь! - крикнула мама. - Я должна уехать!

Я размышляла, что можно сказать, чтобы смягчить ситуацию, но тут мама схватила свою большую сумку с дивана и выбежала, хлопнув дверью. Я слышала, как она завела «Дарт» и уехала. И в бунгало стало тихо. Только нежно позвякивали под ветром мамины колокольчики.

Я покормила Фидо, маленькую черепаху, которую мама купила в магазине «Вулворт», когда не позволила мне иметь собаку. Затем свернулась клубочком в мамином лиловом кресле с бабочками - в том, в котором она любила сидеть, когда сочиняла музыку. Я поглядывала в окно, подогнув под себя ноги, поглаживая голову Фидо указательным пальцем и ожидая, когда Лиз придет домой из школы.

Сказать по правде, у мамы был вспыльчивый характер, и, когда все вокруг становилось непреодолимым, она раздражалась и злилась. Обычно это быстро проходило, и мы продолжали жить так, будто ничего не случилось. В этот раз все было по-другому. Мама сказала такое, чего прежде никогда не говорила, как, например, то, что я была ошибкой. И все дела, связанные с Марком Паркером, казались таинственными, как в приключенческом фильме. Я ждала Лиз, чтобы она помогла разобраться в ситуации.

Сестра могла найти смысл во всем, в чем угодно. Уж так работали ее мозги. Лиз была талантливой и красивой, и, самое главное, очень сообразительной. Я говорю все это не только потому, что она моя сестра. Познакомьтесь с ней, и вы сами поймете. Она высокая и стройная, с бледной кожей и длинными рыжими вьющимися волосами. Мама всегда называла ее красавицей прерафаэлитов, отчего Лиз, вытаращив глаза, возражала, что это никуда не годится, она не жила сто лет тому назад в дни прерафаэлитов.

Лиз была одним из тех людей, от которых у взрослых, особенно учителей, отвисала челюсть. Они говорили про Лиз «вундеркинд», «не по годам развитая», «одаренная». Лиз знала такое, чего другие люди не знали - например, кто такие эти прерафаэлиты, - потому что она очень много читала. Также она могла делать сложные математические вычисления без карандаша и бумаги, разгадывать сложные загадки и говорить слова в обратном порядке - так, Марк Паркер у нее назывался Крам Рекрап. Она любила анаграммы, где в словах переставлялись буквы, чтобы создать другие слова, «фарш» переделывался в «шарф», а «картина» в «натирка». Еще Лиз любила произвольные перестановки слов, и когда вы собирались сказать «город Рим», то вместо этого говорили «дорог Мир», или когда «серп кОсит» превращалось в «перс косИт» и вместо «кот пищал» становилось «ток щипал». Она также была прекрасным игроком в скрабл.

Сестра возвращалась из школы позднее меня на час, и этот час показался мне вечностью. Когда Лиз появилась в бунгало, я сразу сообщила ей о ссоре с мамой.

- Зачем она выдумала про Марка Паркера? - сказала я.

Сестра вздохнула:

- Мама всегда была выдумщицей.

Мама рассказывала нам много такого, что, как Лиз подозревала, являлось неправдой, например, как в Виргинии она бывала на охоте на лисиц с Джекки Кеннеди, когда они обе были девочками, или как она исполняла танец «банана» на сельскохозяйственной ярмарке. У мамы был красный бархатный жакет, и она любила рассказывать историю о том, что, когда Джун Картер Кэш услышала ее игру в баре в Нэшвилле, она вышла к маме на сцену и они стали петь дуэтом. Джун Картер Кэш была в красном бархатном жакете и прямо там, на сцене, отдала его маме.

- Все это выдумки, - сказала Лиз. - Я видела, как мама покупала жакет на церковной распродаже. Она не знала, что я наблюдала за ней. Марк Паркер - просто еще один танец «банана».

- Я вела себя неправильно, а?

- Бин, не морочь себе голову.

- Нечего было раскрывать рот. Но я правда никогда вообще ничего подобного не говорила.

- Она догадалась, что ты поняла, и не смогла сдержаться.

- Мама не просто выдумала маленькую историю о каком-то человеке, с которым познакомилась, - заметила я. - Были же телефонные звонки. И листы нотной бумаги.

- Да, - кивнула Лиз. - Ее что-то напугало. Наверное, проверила свои деньги, и от этого у нее произошел нервный срыв.

Сестра сказала, что мы должны убратся, чтобы, когда мама вернется, мы могли бы притворяться, будто истории с Марком Паркером никогда и не было. Мы поставили книги обратно на полки, сложили ноты и убрали пластинки в их конверты. Я просмотрела нотные листы Паркера, предположительно надписанные мамой: «Я писал это о тебе до того, как узнал тебя». От этого мурашки бежали по коже.

Глава 3

Мы ждали, что мама вернется ночью или на следующий день. Но ее не было так же долго, как тогда, когда она предположительно встретила Марка Паркера. Лиз говорила, что не надо беспокоиться. Мама всегда возвращалась. Вскоре мы получили письмо:

Мои дорогие Лиз и Бин!

Сейчас три часа дня, и я пишу из отеля в Сан-Диего. Понимаю, что недавно выступала не в лучшем виде, и, чтобы закончить мои песни - и быть матерью, которой мне хочется быть, - мне нужно снова найти волшебство. И я молюсь о том, чтобы обрести равновесие.

Вы должны знать, что в мире нет для меня ничего более важного, чем мои девочки. Скоро мы опять будем вместе, и жизнь наладится!

Двести долларов, которые я посылаю, продержат вас на куриных пирогах до моего

возвращения. Подтягивайтесь и не забывайте чистить зубы!

Люблю,мама.

Я подошла к Лиз, стоявшей у окна, и она сжала мою руку.

- Она вернется? - спросила я.

- Конечно.

- Но когда? Она не написала когда.

- Вряд ли ей самой это известно.

За две сотни долларов можно купить много пирогов с курицей. Мы покупали их в магазине Спинелли, на Балзалм-стрит, с кондиционером, с деревянным полом и с большим морозильником, где хранились пироги. Мистер Спинелли, темноглазый мужчина с волосатыми руками, с которым мама всегда флиртовала, иногда выставлял эти пироги на распродажу. Когда он это делал, мы могли купить восемь штук за доллар, это был хороший запас.

Мы ели пироги по вечерам на красном пластиковом столе, но нам не хотелось играть в «Жуй - Плюй» или в «Ложь». После обеда мы все убрали, делали уроки и ложились спать. Мы справлялись сами со всем и раньше, когда мама отсутствовала, но мысль, что неизвестно, сколько дней ее не будет, заставляла нас более серьезно и ответственно относиться к своей жизни. Когда мама находилась дома, она позволяла нам лечь спать попозже, но, когда ее не было рядом, мы всегда укладывались вовремя. Поскольку сейчас ее не было и она не могла написать записку учителю, мы не опаздывали в школу и не прогуливали уроки, что мама временами нам разрешала. Не оставляли грязную посуду в мойке и чистили зубы.

Лиз работала приходящей няней, но поскольку мамы не было уже целую неделю, она решила найти еще какую-нибудь работу, а я стала разносить газету «Грит». В этой газете печатались полезные статьи, например, об избавлении от белок, которые перегрызали провода в моторе машины. Нужно было положить нафталин в старые перчатки и подвесить их под капот двигателя. До поры до времени у нас не возникало проблем с деньгами, а счета пока просто накапливались, в любом случае мама платила по ним с опозданием. И все же мы понимали, что постоянно так жить невозможно, и каждый день, возвращаясь из школы, я смотрела на дорогу, надеясь увидеть припаркованный около бунгало мамин коричневый «Дарт».

Через две недели после маминого ухода я пошла к Спинелли, чтобы запастись куриными пирогами. Думала, что никогда не устану от куриных пирогов, но приходилось признать, что они мне надоели, ведь мы ели их и на завтрак тоже. Пару раз мы покупали мясные пироги, но на распродаже их вообще не бывало, а Лиз сказала, что нужно брать лупу, чтобы рассмотреть там мясо.

У мистера Спинелли позади прилавка располагался гриль, в котором делались гамбургеры и хот-доги. Он заворачивал их в фольгу и грел под горячим красным светом, пока булки не становились пышными и влажными. Они, конечно, хорошо пахли, но стоили слишком много. И я опять накупила куриных пирогов.

- Что-то не видно вашей мамы, мисс Бин, - произнес мистер Спинелли. - Как у нее дела?

Я замерла, потом сказала:

- Она сломала ногу, - пробурчала я.

- Какая досада! Возьми себе мороженое-сэндвич. За мой счет.

Этим вечером, когда мы с сестрой делали уроки на красном пластиковом столе, в дверь постучали. Лиз открыла дверь, за которой стоял мистер Спинелли с коричневым пакетом в руках, на пакете возвышалась буханка хлеба.

- Это для вашей мамы, - пояснил он. - Я пришел узнать, как она себя чувствует.

- Ее здесь нет, - произнесла Лиз. - Мама в Лос-Анджелесе.

- Бин сказала, что она сломала ногу.

- Это для вашей мамы, - пояснил он. - Я пришел узнать, как она себя чувствует.

- Ее здесь нет, - произнесла Лиз. - Мама в Лос-Анджелесе.

- Бин сказала, что она сломала ногу.

Лиз и мистер Спинелли посмотрели на меня, а я опустила голову, лишь бы не встретиться с ними глазами. Я поняла, какой виноватой чувствует себя охотничья собака, которая стащила косточку с ветчиной.

- Мама сломала ногу в Лос-Анджелесе, - спокойно сказала Лиз. Она всегда быстро соображала. - Но это несерьезно. Через несколько дней ее привезет подруга.

- Хорошо, - кивнул мистер Спинелли. - Тогда и приду ее проведать. - И он протянул продукты Лиз. - Вот, возьмите!

- Что нам теперь делать? - спросила я, как только мистер Спинелли ушел.

- Надо подумать, - ответила Лиз.

- Мистер Спинелли собирается послать к нам «похитителей детей»?

- Вероятно.

«Похитители детей» - выражение, которое Лиз позаимствовала из своей любимой книги «Алиса в Зазеркалье». Оно означало хлопотливых благодетелей из местных властей, которые повсюду совали свой нос, чтобы удостовериться, что у детей такая семья, какой она должна быть, по их мнению. В прошлом году в Пасадене, за несколько месяцев до того, как мы уехали в Лост-Лейк, «похитители детей» вынюхивали все вокруг нас. Школьный директор решил, будто мама пренебрегает своими родительскими обязанностями, после того как я сказала учителю, что у нас не было электричества, потому что мама забыла заплатить по счету. Мама взвилась до потолка. Заявила, что директор школы просто еще один благодетель, который вмешивается не в свои дела, и предупредила нас, что в школе не следует обсуждать то,

что происходит дома.

Если эти «похитители детей» придут за нами, сказала Лиз, то засадят нас в интернат или в центр для несовершеннолетних преступников. Нас могут разлучить, а маму отправить в тюрьму за то, что она бросила детей. Мама не бросала нас, ей просто нужен был перерыв. Мы могли прекрасно справляться со всеми делами, если бы только «похитители детей» оставили нас в покое. Их вмешательство в нашу жизнь как раз и создавало проблемы.

- У меня есть идея, - произнесла Лиз. - Если понадобится, мы отправимся в Виргинию.

Мама приехала из Виргинии, из маленького города Байлер, где ее отец был владельцем текстильной фабрики. Мамин брат, дядя Тинсли, несколько лет назад продал фабрику, однако все так же жил в Байлере со своей женой, Мартой, в большом старом доме, который назывался «Мэйнфилд». Мама выросла в этом доме, но покинула его двенадцать лет назад, когда ей было двадцать три года. Она уехала ночью из дома, поставив сумку со мной на крышу машины. Мама почти не общалась с семьей, даже не приезжала на похороны родителей. Но мы знали, что дядя Тинсли все еще живет в «Мэйнфилде». Время от времени мама жаловалась, как нечестно, что он унаследовал дом лишь потому, что он старше и он мужчина. Дом стал бы принадлежать ей, если бы с дядей Тинсли что-нибудь случилось, тогда она немедленно продала бы его, ведь в этом месте для нее нет ничего, кроме плохих воспоминаний.

Мы уехали, когда мне было несколько месяцев, и я не помнила ни «Мэйнфилд», ни мамину семью. Лиз помнила большой белый дом на холме, окруженный огромными деревьями и яркими цветами. Она помнила тетю Марту и дядю Тинсли, как они играли на большом рояле в комнате с французскими окнами, выходящими на солнечную сторону. Дядя Тинсли был высоким и веселым, держал Лиз за руки и кружил. Еще он поднимал ее, чтобы она могла сорвать персики с дерева.

- Как мы туда попадем? - спросила я.

- Сядем на автобус. - Лиз позвонила в автобусный парк, чтобы узнать цену за проезд в Виргинию. - Недешево, - сообщила она, - но у нас хватит денег на билеты, чтобы пересечь страну. Если до этого дойдет, - добавила сестра.

На следующий день, возвращаясь из школы, я увидела патрульную машину, припаркованную у нашего бунгало. Полицейский заглядывал в окно. Значит, мистер Спинелли выдал нас. Пытаясь сообразить, что Лиз сделала бы в подобной ситуации, я хлопнула себя по лбу, чтобы показать кому-то, кто мог бы следить за мной, будто что-то забыла.

- Я оставила на столе свою домашнюю работу! - крикнула я, развернулась и двинулась в сторону школы.

Я ждала у школы, когда Лиза спустилась по ступенькам лестницы.

- Что ты так вытаращила глаза? - спросила она.

- Полицейские, - прошептала я.

Сестра потянула меня в сторону от проходящих мимо учеников, и я рассказала ей о полицейском, который заглядывал в окно.

- Ясно, - кивнула Лиз. - Биник, мы едем в Виргинию.

Сестра всегда носила наши деньги в туфлях, под стелькой, так что мы отправились прямо на автобусную станцию. Лиз сказала, что, поскольку учебный год почти закончился, никто из учителей не заметит нашего отсутствия. К тому же начался сезон клубники, абрикосов и персиков, и учителя привыкли к тому, что эмигрантские семьи всегда уходят на их уборку.

Я не зашла в автобусную станцию и стояла, рассматривая на крыше серебряный символ в виде гончей, пока Лиз покупала билеты. В начале июня на улицах царил тишина, небо было истинно голубым калифорнийским. Через две минуты Лиз вышла. Мы боялись, что кассир может задать вопрос ребенку, который покупает билеты, но сестра сказала, что женщина подвинула билеты через прилавок, не моргнув глазом. По крайней мере, хоть некоторые взрослые понимали, что надо заниматься своим делом.

Автобус уходил в шесть тридцать на следующее утро.

- Может, надо позвонить дяде Тинсли? - спросила я.

- Думаю, лучше будет, если мы просто появимся, - ответила Лиз. - Тогда он не сможет отказать нам.

Вечером, после того как мы покончили с нашими куриными пирогами, мы с Лиз достали чемоданы, оставшиеся от того времени, которое мама называла днями дебютантки. Чемоданы были из твида цвета загара, с темно-коричневыми крокодиловыми ремнями, с медными петлями и замками. На них были монограммы «ШАХ» - Шарлотта Анна Холлидей.

- Что нам взять? - спросила я.

- Одежду, но никаких вещей, - ответила Лиз.

- А как быть с Фидо?

- Оставь его здесь. Положи побольше еды, налей побольше воды. С ним все будет в порядке до тех пор, пока не приедет мама.

- А если она не вернется?

- Вернется. Мама нас не бросит.

- Я не хочу бросать Фидо.

Что на это могла сказать Лиз? Она вздохнула и покачала головой. Фидо поехал в Виргинию.

Упаковка чемоданов заставила меня задуматься о тех временах, когда мы с кем-то знакомились и привлекали чье-то внимание. Всякий раз, когда мама была сыта по горло тем, как шли дела, она объявляла нам: «Мы идем по проторенной дорожке», или - «Этот город полон неудачников», или - «Здесь несвежий воздух», или - «Мы уперлись в тупик». Иногда это были споры с соседями или бойфренд, который смылся. Порой место, в которое мы приехали, не отвечало маминым ожиданиям, или ей просто надоедала собственная жизнь. В общем, мама заявляла, что наступило время для нового старта.

За прошедшие годы мы переезжали в Венис-Бич, в Таос, в Сан-Хосе, в Таксон и в такие маленькие места, о которых большинство людей никогда не слышали, например, в Бисби

и Лост-Лейк. Перед тем как приехать в Пасадену, мы двинулись в Сиэтл, поскольку мама думала, что жизнь в доме-корабле даст взлет ее творческой энергии. Оказавшись там, мы обнаружили, что плавучие дома более дорогие, чем мы думали, и все закончилось заплесневелой квартирой. Там мама постоянно жаловалась на дождь. Через три месяца мы уехали.

Мы с Лиз много времени проводили в одиночестве, но никогда не отправлялись в путешествие без мамы. В этом нет ничего особенного, но все-таки было интересно, что нас ждет, когда мы приедем в Виргинию. Мама ничего хорошего об этом месте не рассказывала. Она твердила о слабоумных, которые водили машины с мятыми крыльями, а также о людях, которые пьют виски с мятной водой, живут в больших старых домах, продают портреты предков, чтобы платить налоги и кормить своих английских гончих, и все еще вспоминают о днях, когда цветные знали свое место. Все это было давным-давно, с тех пор многое изменилось, и я считала, что Байлер тоже должен был стать другим.

Погасив свет, мы с Лиз улеглись рядышком. Сколько себя помню, я всегда спала вместе с сестрой. Это началось с тех пор, как мы уехали из Виргинии и мама сообразила, что если положить меня к Лиз, то я перестану плакать. Позднее мы довольно долго жили в мотелях в номере только с двумя кроватями или в квартирах с опускающейся кроватью. В Лост-Лейке мы спали в такой узкой кровати, что должны были поворачиваться лицом в одну сторону, и тот, кто лежал сзади, закидывал руку на того, кто впереди. Потому что в противном случае все кончалось тем, что мы стягивали одеяло друг с друга. Если у меня затекала рука, то я слегка подталкивала локтем уже заснувшую Лиз и мы обе одновременно переворачивались. У большинства детей были свои кровати, и кое-кто мог бы подумать, будто спать вместе с сестрой это странно – не говоря о том, что тесно, – но я это любила. Ты никогда не чувствуешь себя одинокой ночью, и рядом всегда есть тот, с кем можно поговорить. Самый лучший разговор в темноте, шепотом.

- Думаешь, нам понравится Виргиния? – спросила я.
- Тебе, Бин, понравится.
- Мама ее ненавидела.
- Она находила что-то плохое в любом месте, где бы мы ни жили.

Как обычно, я быстро заснула, вскоре проснулась, выпрыгнув из кровати с таким шумом, словно впереди важный день и нельзя тратить время впустую. Лиз тоже встала, включила свет и села у кухонного стола.

- Мы должны написать маме письмо, – произнесла она.

Пока я разогревала наши куриные пироги и наливала последний апельсиновый сок, Лиз трудилась над письмом. Она сказала, что должна написать его таким образом, чтобы никто, кроме мамы, не смог бы его понять.

Письмо получилось такое:

Дорогая Дама Червей!

Из-за неожиданного присутствия в окрестностях «похитителей детей» мы решили, что благоразумно освободить помещение и нанести визит Безумному Шляпнику Тинсли и Соне Марте. Мы будем ждать тебя в Зазеркалье, в твоём старом любимом месте, которое является землей Слабых На Голову, где родилась Бин.

С любовью, Туидлиди и Туидлидум.

Мы оставили письмо на кухонном столе. Подложили его под расписанную синими ирисами кружку, которую сделала мама, когда увлекалась керамикой.

Глава 4

Из автобуса, прибывшего на станцию, вышли два человека, и мы сели на их места впереди справа, где был лучший обзор. Лиз позволила мне сесть у окна, и я держала Фидо в его банке с капелькой воды на дне, с перевернутым блюдечком, на котором он мог лежать и с дырочками, проковыранными в крышке, чтобы он дышал.

Когда мы отъехали, я стала смотреть в окно, надеясь, что вдруг мама вернулась и бежит по улице, а мы еще не уехали в неизвестное место. Но улица была пуста.

Автобус был переполнен, и поскольку все сидевшие в нем путешествовали с какими-то целями, мы стали играть в игру «Что у них за история?» – Лиз придумала еще одну игру – пытаюсь предположить, куда и зачем едут пассажиры, счастливы они или испуганы, направляются к чему-то замечательному и волнуются или убегают от опасности, уезжают, погостив у кого-то, или покидают свой дом навсегда. С некоторыми было очень легко. Молодой военный дремал, положив голову на свой вещевой мешок, он ехал домой, чтобы навестить свою семью и девушку на ранчо. У хрупкой женщины с маленькой дочкой были странный взгляд и рука в гипсе. Лиз предположила, что она бежала от мужчины, который ее бил. Неподалеку от нас сидел худой парень в клетчатой куртке, с прямыми волосами, засунутыми за оттопыренные уши. Когда я посмотрела на него, пытаюсь вычислить, то ли это рассеянный математический гений, то ли просто придурок, он поймал мой взгляд и подмигнул.

Я быстро отвернулась – всегда неловко быть пойманной, когда пристально смотришь на людей. Потом я снова глянула на него: он все еще тарачился на меня. Парень снова подмигнул. Я покраснела, и когда Лиз отправилась в туалет, придурок подошел и сел рядом со мной, закинув руку на спинку моего кресла. Он прижал палец к банке с Фидо.

- Что это тут у вас? – спросил он.

- Черепаха.

- У вас есть на нее билет? – Он пристально посмотрел на меня, затем еще раз подмигнул. – Да я пошутил. Вы далеко едете?

- В Виргинию, – ответила я.

- Одни?

- У нас есть разрешение от мамы. – И добавила: – И от нашего отца.

- Понятно. Вы сестры. - Он наклонился ко мне. - Знаете, у вас очень красивые глаза.

- Спасибо, - сказала я и опустила голову. Внезапно мне стало не по себе.

В этот момент Лиз вернулась из туалета.

- Мистер, вы на моем месте, - произнесла она.

- Хотел познакомиться с вашей сестрой, мисс. - Парень поднялся. - Она говорит, что вы едете до самой Виргинии. Чертовски длинное путешествие, чтобы двум хорошеньким молоденьким девчушкам ехать без взрослых.

- Не ваше дело, - заявила Лиз и села. - Извращенец, - прошептала она мне. - Просто не верится, что ты рассказала этому гнусному типу, куда мы едем. Такое только Бин могла сделать.

Парень сел на свое место, но продолжал таращиться на нас, и Лиз решила, что нам нужно пересесть. Было только два свободных места, сзади, рядом с туалетом. Из туалета доносились запахи химикатов, и пассажиры постоянно протискивались мимо нас, чтобы воспользоваться туалетом. Мы слышали, как спускают воду, прочищают носы, отхаркиваются, не говоря уж о других вещах.

Парень ходил в конец автобуса в туалет раза два, но мы смотрели вперед, делая вид, будто не замечаем его.

Автобус шел только до Нового Орлеана. Поскольку мы сидели сзади, то выходили последними. Когда мы брали наш багаж, парня уже не было. Наш следующий автобус уходил через два часа, так что мы положили багаж и Фидо в камеру хранения и решили погулять. День был жарким, а воздух таким плотным и влажным, что было трудно дышать. Около автобусной станции длинноволосый парень в куртке с изображением американского флага играл на саксофоне «Дом восходящего солнца». Повсюду были люди в разных безумных нарядах - смокингах, но без рубашек, в высоких шляпах с перьями - и все они ели, пили, смеялись и танцевали под музыку уличных музыкантов, игравших на каждом углу.

- Можно поверить в вуду, - заметила Лиз.

По улице шел трамвай, и мы решились на быстрый тур по городу. Трамвай был заполнен меньше чем наполовину, и мы сели в середине. Перед тем как двери закрылись, человек сунул между дверями руку, и двери снова открылись. Это был тот парень. И он сел прямо за нами. Мы прозвали его Извр.

Лиз схватила меня за руку, и мы пересели вперед. Извр последовал за нами. Пассажиры молча смотрели на нас. Это была одна из тех ситуаций, когда люди понимают: происходит что-то неправильное, но нет закона, который запрещал бы человеку менять место в трамвае.

На следующей остановке мы с Лиз вышли, все еще держась за руки. Вышел и Извр. Лиз повела меня в толпу на тротуаре, Извр двигался за нами. Вдруг Лиз подтолкнула меня, и мы впрыгнули обратно в трамвай. Двери закрылись прежде, чем Извр смог всунуть руку. Все пассажиры начали громко кричать, указывать пальцами и хлопать, выкрикивая всякое вроде «Всыпь ему!» и «Начисти ему задницу!». Мы поехали дальше и смотрели на Извру в окно. Он от злости топнул ногой.

Оказавшись в безопасности в автобусе, мы развеселились, стали вспоминать как обманули Извра и унизили его перед пассажирами, сидевшими в трамвае. И у меня возникло чувство, что мы сумеем справиться со всем, с чем мир может на нас напасть. Когда стемнело, я заснула, положив голову на плечо Лиз, но вскоре проснулась, услышав, что она тихо плачет.

В Атланте мы пересели в автобус на Ричмонд, а дальше тоже автобусом добирались до Байлера. Сменили скоростную автостраду на узкие старые дороги. Сельская местность Виргинии неровная, мы то заворачивали вокруг холмов, то взбирались вверх на холм, то неслись с холма вниз. Все вокруг было зеленым. Лоснящиеся зеленые поля кукурузы, темные зеленые горы и золотисто-зеленые луга, окаймленные зелеными изгородами и зелеными деревьями.

После трех часов езды на восток в конце дня мы добрались до Байлера. Байлер был маленьким городом, лежащим в низине на реке, изгибавшейся по отрогам синих гор. Мост через реку гремел под колесами автобуса. Улицы города, с протянувшимися вдоль них двухэтажными кирпичными домами, выкрашенными в блеклые цвета, были тихими, и там было много пустых мест для парковки. Автобус остановился у кирпичной автобусной станции с черной металлической крышей. Я никогда не видела металлических крыш, кроме как на лачугах. Мы единственные вышли из салона.

Из дверей автобусной станции появилась женщина средних лет. Она была в красном свитере с изображением бульдога и держала в руках ключи.

- Вы кого-то ждете? - спросила женщина.

- Нет, - ответила Лиз. - Вы случайно не знаете, как добраться до дома Тинсли Холлидея?

- Дом Холлидеев? Вы знакомы с Тинсли Холлидеем? - удивленно произнесла она.

- Он наш дядя, - пояснила я.

Лиз кинула на меня взгляд, намекая, что вести беседу будет она.

- Вы меня просто ошаршили. Вы девочки Шарлотты!

- Совершенно верно, - кивнула Лиз.

- А где ваша мама?

- Мы приехали одни.

Женщина заперла автобусную станцию.

- Пешком до «Мэйнфилда» далеко, - сказала она. - Я вас подвезу.

Женщина не внушала опасений, так что мы положили чемоданы в ее старый пикап и взобрались на переднее сиденье.

- Шарлотта Холлидей, - сказала женщина. - Она была на год старше меня в средней школе Байлера.

Мы выехали из города в сельскую местность. Женщина все старалась выудить всякие сведения

о маме, но Лиз отвечала уклончиво, и та начала рассказывать о «Мэйнфилде», о том, как двадцать лет назад там всегда что-то происходило – жарка устриц, рождественские вечеринки, скачки под луной, балы в костюмах времен гражданской войны.

- Мы приехали одни.

Женщина заперла автобусную станцию.

- Пешком до «Мэйнфилда» далеко, – сказала она. – Я вас подвезу.

Женщина не внушала опасений, так что мы положили чемоданы в ее старый пикап и взобрались на переднее сиденье.

- Шарлотта Холлидей, – сказала женщина. – Она была на год старше меня в средней школе Байлера.

Мы выехали из города в сельскую местность. Женщина все старалась выудить всякие сведения о маме, но Лиз отвечала уклончиво, и та начала рассказывать о «Мэйнфилде», о том, как двадцать лет назад там всегда что-то происходило – жарка устриц, рождественские вечеринки, скачки под луной, балы в костюмах времен гражданской войны.

- В те дни все желали получить туда приглашение, – добавила она. – Все наши девочки мечтали быть как Шарлотта Холлидей. У нее было все.

Вскоре мы оказались около небольшой белой церкви, окруженной высокими деревьями и старыми домами – среди них были и большие, разукрашенные, и довольно захудалые. Мы проехали мимо церкви к низкой каменной стене с коваными стальными воротами, которые поддерживали толстые каменные столбы. На одном столбе было вырезано «МЭЙНФИЛД».

Женщина остановилась.

- Шарлотта Холлидей, – сказала она. – Когда увидите маму, передайте ей привет от Тэмми Элберт.

Ворота были заперты, так что мы перелезли через низкую каменную стену и двинулись вверх по дороге, усыпанной гравием. На вершине холма стоял трехэтажный, покрашенный белым дом с темно-зеленой металлической крышей и с чем-то таким, что выглядело как двадцать возвышающихся надо всем кирпичных каминных труб. Шесть толстых колонн поддерживали крышу длинного портика, и в сторону от портика тянулось крыло дома с французскими окнами.

- Ой, черт возьми! – воскликнула я. – О таком доме я мечтала всю свою жизнь.

С тех пор как себя помню, мне снился сон о большом белом доме, стоящем на вершине холма. Во сне мы с Лиз открывали переднюю дверь и бежали через холл, разглядывая комнату за комнатой, в них были красивые картины, прекрасная мебель и мягкие шторы. Там были камин и высокие окна, французские окна с клеточками стекол, которые пропускали внутрь длинные стрелы солнечного света, и замечательные виды садов, деревьев и холмов. Я всегда думала, что такое бывает только во сне, но этот дом – был точно таким.

Приблизившись, мы поняли, что дом находится в плачевном состоянии. Краска обсыпалась, на темно-зеленой крыше коричневые пятна, а по стенам расплзался дикий виноград. На одном углу дома, где отломился кусок водосточной трубы, наружная облицовка стены была

темной и ржавой. Мы взобрались по широким ступеням к портику, и из разбитого окна вылетел черный дрозд.

Лиз постучала медным дверным молоточком. Сначала я подумала, что в доме никого нет, но потом увидела в маленькое стеклянное окошко на створке двери какое-то движение. Мы услышали скрип и звук скольжения задвижек. Дверь открылась. Появился мужчина, он держал в руках ружье. У него были взъерошенные седые волосы и красные глаза. На нем были халат и носки.

- Прочь из моих владений, - сказал он.

- Дядя Тинсли? - спросила Лиз.

- Вы - кто?

- Я - Лиз.

Мужчина уставился на нее.

- Ваша племянница.

- А я Бин. Или Джин.

- Мы дочери Шарлотты, - объяснила Лиз.

- Дочери Шарлотты? - Он внимательно посмотрел на нас. - Господи! Что вы тут делаете?

- Приехали к вам в гости, - сказала я.

- А где Шарлотта?

- Мы точно не знаем, - пожала плечами Лиз. Она глубоко вздохнула и стала рассказывать, что маме понадобилось какое-то время для себя, и без нее у нас все было хорошо, пока полиция не начала проявлять любопытство. - В общем, мы решили навестить вас.

- Вы решили проделать весь этот путь из Калифорнии, чтобы навестить меня?

- Совершенно верно.

- И считаете, что я просто пушу вас в дом?

- Надеемся, - произнесла я.

- Невозможно вот так просто, совершенно неожиданно появиться здесь. - Он не ждал гостей. У него пока нет экономки. У него сейчас в работе несколько важных проектов, и по всему дому разложены бумаги и исследовательские материалы, которые нельзя трогать. - Я просто не могу позволить вам находиться тут, - сказал он.

- А где тетя Марта? - спросила Лиз.

Дядя Тинсли проигнорировал вопрос.

- Здесь вовсе не беспорядок, - обратился он ко мне. - Тут все организовано, и порядок нельзя нарушить.

- Хорошо, так что же нам делать? - спросила Лиз.

Дядя Тинсли долго смотрел на нас, потом прислонил ружье в стене.

- Вы можете спать в сарае.

Дядя Тинсли повел нас по кирпичной дорожке, тянущейся между деревьями с отслаивающейся белой корой. В сумерках светлячки, как искорки света, взлетали вверх из высокой травы.

- Шарлотте нужно время для себя, поэтому она просто исчезла? - произнес дядя Тинсли.

- Более или менее так, - ответила Лиз.

- Она собирается вернуться, - сказала я. - Даже написала нам письмо.

- Значит, это еще одно ее паническое бегство? - Дядя Тинсли с отвращением во взгляде покачал головой. - Шарлотта, - пробормотал он. От его сестры нечего ждать, кроме хлопот. Ее избаловали в детстве, и когда она повзрослела, то ожидала, что будет иметь все, что ей захочется. Что бы вы ни делали для нее, ей всегда этого было недостаточно. Даешь ей деньги, а она думает, будто заслуживает большего. Пытаешься найти ей работу, так работать - ниже ее достоинства. Потом, когда в ее жизни начались трудности, она стала винить в них мать и отца.

Дядя Тинсли очень сурово говорил о маме, и мне захотелось ее защитить, но время было неудачным для того, чтобы спорить с ним. Лиз, казалось, чувствовала то же самое, потому что молчала.

Сарай, который находился за деревьями, был огромным, с осыпавшейся белой краской и большой металлической зеленой крышей, такой же, как на доме. Внутри, на кирпичном полу, стояла черная коляска с золотистыми украшениями. Рядом с ней находился пикап со стенками из настоящего дерева.

Дядя Тинсли провел нас через помещение с пыльными седлами, вожжами и потускневшими лошадиными лентами, которые висели на стенах, потом мы поднялись по лестнице. Наверху была опрятная комната, чего я совсем не ожидала, там стояли кровать, стол и кухонька с дровяной печью.

- Раньше здесь жил грум, - объяснил дядя Тинсли. - Давно.

- А где же тетя Марта? - спросила Лиз.

- Шарлотта вам не сказала? - Дядя Тинсли стоял у окна и смотрел на меркнувший свет. - Марта умерла. Шесть лет назад, в сентябре. Водитель грузовика поехал на красный свет.

- Тетя Марта! - воскликнула Лиз. - Не могу поверить, что она умерла!

- Неужели ты ее помнишь? Ты же была совсем маленькой, - удивился дядя Тинсли.

- Помню, - ответила Лиз. - И стала рассказывать дяде Тинсли, что помнит, как они пекли хлеб. Тетя Марта была в красном фартуке, и она до сих пор помнит запах того хлеба. Тетя Марта напевала, когда в белых кожаных перчатках подстригала розы. И она помнит, как тетя Марта и дядя Тинсли вместе играли на рояле в комнате с французскими окнами, выходившими в сад. - Я помню о ней много всего.

Дядя Тинсли кивнув, будто собирался что-то сказать, но лишь покачал головой.

- Вам тут будет хорошо, - произнес он, закрывая дверь.

Мы слышали, как он спускался с лестницы. Я заметила маленький холодильник рядом с мойкой и поняла, что проголодалась. Открыла холодильник, но он был пустой и не был включен. Мы подумали, что не следует докучать дяде Тинсли с едой. Я решила лечь спать голодной. Вскоре мы снова услышали шаги на лестнице. В дверях появился дядя Тинсли, с серебряным подносом с маленьким горшком, с двумя тарелками, кувшином с водой и двумя бокалами.

- Тушеная оленина, - сказал он и поставил поднос на стол. - Здесь темно. Вам нужен свет. - Он щелкнул выключателем на стене, и наверху загорелась лампочка. - Вы хорошо выспитесь, - добавил дядя Тинсли и закрыл за собой дверь.

Лиз наполнила тарелки, и мы сели за стол. Я откусила кусок мяса.

- Что это такое - оленина? - спросила я.

- Олень.

- Ох!

Откусила еще.

- Очень вкусно!

Глава 5

На следующее утро меня разбудили птицы. Я никогда не слышала таких громких птиц. Я подошла к окну, птицы были повсюду - на деревьях, на земле, они влетали в сарай и вылетали наружу, будто являлись хозяевами этого места. Чириканье, щебет и трели создавали невероятное волнение.

Мы с Лиз оделись и пошли в дом. Постучали в дверь, но нам никто не ответил, тогда обошли дом вокруг и приблизились к задней двери. В окно мы увидели дядю Тинсли, который возился на кухне. Лиз легонько стукнула в окно, и дядя Тинсли отпер дверь, но преградил нам вход, как и прошлым вечером. Он побрился, его влажные волосы были причесаны, и вместо халата он надел серые брюки и светло-голубую рубашку с монограммой на кармане.

- Как девочки спали? - поинтересовался он.

- Просто прекрасно, - ответила Лиз.

- Птицы очень шумные, - сказала я.

- Я не пользуюсь пестицидами, так что птицы любят здесь бывать.

- А мама не звонила? - спросила Лиз.

- Боюсь, что нет.

- У нее есть правильный номер, да? - спросила я.

- Этот номер не меняется с тех пор, как его получили - два, четыре, шесть, восемь, - ответил дядя Тинсли. - Первый номер телефона, выданный в Байлере, так что мы могли выбирать. Кстати о выборе, какими вы любите яйца-пашот?

- Твердыми, - ответила я.

- Мягкими, - сказал Лиз.

- Садитесь вон там. - Он указал на какую-то ржавую садовую мебель.

Через несколько минут дядя Тинсли вышел, неся такой же серебряный поднос, который был нагружен горкой тостов и тремя тарелками, в центре каждой из них лежало яйцо-пашот. Тарелки украшал золотой ободок, но края тарелок во многих местах были отколоты. Я подцепила вилкой яйцо и подсунула под него кусок тоста, потом пронзила вилкой желток, раскрошила белок и все перемешала.

- Бин всегда все смешивает, - произнесла Лиз. - Это отвратительно.

- Вкуснее, если все перемешать. Но дело не только в этом. Во-первых, не приходится много раз брать по куску, на что уходит время. Во-вторых, не нужно с трудом жевать, потому что, если все растерто в пюре, то это как бы уже заранее пережевано. И последнее. В любом случае, в желудке пища смешивается, поэтому в этом есть смысл.

Дядя Тинсли захихикал и обернулся к Лиз:

- Она всегда такая?

- Ох, да! Она Биноголовая.

Мы предложили вымыть посуду, но дядя Тинсли заверил нас, что ему легче сделать это самому, без парочки детишек под ногами. Он сказал нам, чтобы мы занялись тем, чем занимаются девочки нашего возраста.

Мы с Лиз обошли дом и приблизились к фасаду, где росли два больших дерева с блестящими темными листьями и большими белыми цветами. Позади деревьев, на дальней стороне газона, расположились огромные зеленые кусты с проходом в середине. Мы прошли через них и оказались на площадке, окруженной темно-зелеными кустами. На старых, заросших сорняками клумбах пробилась несколько крепких ирисов. В центре находился круглый бассейн с кирпичными краями. В нем плавали сухие листья. И я увидела сверкающую вспышку чего-то оранжевого.

- Рыбка! - крикнула я. - Золотая рыбка!

Мы встали на колени и начали разглядывать оранжевую рыбку, переплывающую из тени в тень под покровом сухих листьев. Я решила, что здесь будет хорошо поплавать Фидо. Бедная черепашка, наверное, чувствовала, что все это время сидит взаперти.

Я побежала в сарай, открыла банку с Фидо и увидела, что черепаха плавает в воде. Он вроде бы был в порядке, когда я в последний раз кормила его. Я положила Фидо на стол и стала поглаживать его пальцем. И поняла, что это безнадежно. Фидо был мертв, и по моей вине. Я думала, что могла беречь Фидо и заботиться о нем, но автобусное путешествие оказалось

слишком трудным для черепахи. Фидо было бы лучше оставаться в Лост-Лейке.

Я положила Фидо на тарелку и понесла к бассейну. Лиз обняла меня за плечи и сказала, что нам надо спросить дядю Тинсли, где похоронить черепаху.

Дядя Тинсли все еще возился в кухне.

- Я думал, что вы ушли и где-то играете, - произнес он.

- Фидо умер, - сказала я.

Дядя Тинсли взглянул на Лиз.

- Черепаха Бин, - объяснила она.

- Мы хотели бы спросить, где его можно похоронить, - проговорила я.

Дядя Тинсли вышел из дома и закрыл за собой дверь. Я протянула ему тарелку, и он посмотрел на Фидо.

- Мы хороним всех домашних животных на семейном кладбище.

Он повел нас назад к сараю, где взял лопату с длинной деревянной ручкой, и мы двинулись к холму.

- Фидо - необычное имя для черепахи, - заметил дядя Тинсли, пока мы шли.

- На самом деле Бин хотела собаку, - сказала Лиз и стала объяснять, как мама говорила нам, что собаку всегда хотят дети, но все кончается тем, что заботиться о собаке приходится матери, а ей вовсе не хочется гулять с собакой и убирать за ней. И она купила черепаху.

- Фидо означает «преданный», - сказала я. - Фидо была очень преданной черепахой.

- Конечно! - сказал дядя Тинсли.

За сараем находилось несколько ветхих деревянных строений. Дядя Тинсли показал на коптильню, на коровник и сарай для жеребят, на птичник, ледник и теплицу. Объяснил, что прежде «Мэйнфилд» был действующей фермой. У дяди Тинсли было двести пятьдесят акров земли, включая леса, а еще большой луг, где находилось и кладбище. Теперь фермер, живущий выше по дороге, мистер Манси, выкашивает луг и взамен дает дяде Тинсли яйца и овощи.

Мы прошли через сад, дядя Тинсли показал нам яблони, персиковые и вишневые деревья и вывел нас на большое пастбище. Вдали росли деревья, затеняющие семейное кладбище, которое было окружено проржавевшей железной оградой. Кладбище заросло сорняками, над ними возвышались старые, выветрившиеся могильные камни. Дядя Тинсли повел нас к ухоженной могиле с новым камнем. Это Марта, пояснил он, а рядом - свободное место для него, когда время придет. Домашних животных, добавил он, хоронили около их хозяев.

- Давайте положим Фидо около Марты, - предложил дядя Тинсли. - Я думаю, черепаха ей понравилась бы.

Дядя Тинсли вырыл небольшое углубление и положил туда Фидо, используя тарелку как гроб. Я нашла хорошенький кусочек белого кварца для могильного камня. Дядя Тинсли

произнес небольшую надгробную речь. Фидо был храброй и действительно преданной черепахой, которая совершила длинное и опасное путешествие из Калифорнии, чтобы охранять двух сестер, ее хозяек. Как только Фидо благополучно довез их до Виргинии, то работа его была закончена, он почувствовал себя свободным и покинул их, отбыв на тайный остров в середине океана, который является черепашьям раем.

После этой надгробной речи мне стало немного лучше. На обратном пути я спросила у дяди Тинсли о золотой рыбке, которую мы нашли в бассейне.

- Рыбка - это редкость, - сказал он. - Это был мамин сад. Один из прекраснейших частных садов во всей Виргинии, в прежние времена мама получала за него призы. Ей завидовали все члены клуба садоводов.

Мы завернули за сарай, и перед нами возник большой белый дом. Я начала рассказывать дяде Тинсли о своих снах про этот дом и вдруг поняла, что видела во сне дом, существующий на самом деле. Дядя Тинсли задумался и поставил лопату перед сараем, около корыта с водой.

- В таком случае, думаю, вам следует осмотреть дом внутри, - сказал он. - Просто чтобы убедиться.

Мы поднялись вслед за дядей Тинсли. Он глубоко вздохнул и открыл дверь. Передний холл был большим, темным, с множеством деревянных шкафов с застекленными дверцами. Газеты, журналы, книги и письма были сложены на столах и на полу, рядом с коробками с камнями и с бутылками, наполненными грязью, песком и жидкостями.

- Возможно, здесь небольшой беспорядок, - сказал дядя Тинсли, - но скоро я все это уберу.

- Все не так плохо, - улыбнулась Лиз. - Просто нужно немного прибраться.

- Мы можем помочь, - предложила я.

- Ох, нет. Здесь все так, как и должно быть. Все на своем месте, и я знаю, где что лежит.

Дядя Тинсли показал нам гостиную, столовую и бальный зал. На стенах криво висели картины маслом, некоторые вываливались из рам. Персидские ковры были порваны и протерты, шелковые шторы выгорели, обои в пятнах отставали от стен. В зале с французскими окнами стоял большой рояль, покрытый темно-зеленой бархатной тканью. На всех поверхностях было что-то поставлено и положено - кипы бумаг, блокноты, старинные бинокли, часы с маятниками, свернутые карты, груды фарфоровой посуды с отколотыми краями, старые пистолеты, корабли в бутылках, статуэтки коней, фотографии в рамках и разные маленькие деревянные коробочки, в которых лежали монеты, пуговицы и старые медали. Все покрывал толстый слой пыли.

- Тут наверняка несколько тонн всяких вещей, - заметила я.

- Да, но каждая вещь имеет свою ценность, - произнес дядя Тинсли. - Если у вас хватает мозгов оценить это по достоинству.

Он повел нас вверх по изогнутой лестнице и потом вдоль длинного холла. В конце холла дядя Тинсли остановился перед дверями. На них были медные молоточки в виде птиц.

- Птичье крыло, - объяснил он. - Тут вы будете жить. Пока ваша мать не приедет, чтобы забрать вас.

- И мы больше не будем спать в сарае? - спросила я.

- Нет, раз нет Фидо, который вас защищал.

Дядя Тинсли открыл двери. У каждой теперь своя собственная комната, сказал он. Комнаты были оклеены обоями с изображениями птиц - обычных, таких, как малиновка и кардинал, и экзотических, таких, как какаду и фламинго. Птичье крыло, объяснил дядя Тинсли, было спроектировано для близнецов, его теток, которые были маленькими девочками, когда дом строился.

- Они любили птиц, и у них был большой птичник в викторианском стиле для разных видов певчих птиц.

- А где находилась мамина комната? - спросила я.

- Она никогда об этом не рассказывала? Все «птичье крыло» принадлежало ей. - Он открыл дверь одной комнаты. - Когда она, после того как ты родилась, принесла тебя из больницы, то положила в колыбель, вон там, в углу.

Я посмотрела на белую колыбель. Она была маленькой, сплетенной из прутьев, и я никак не могла понять, почему это вызвало во мне ощущение полной безопасности.

Глава 6

На следующее утро, доедая яйца-пашот, мы с Лиз попытались предложить дяде Тинсли помочь ему убрать дом, хотя бы немного. Но он настаивал на том, что из дома ничего нельзя выбрасывать и даже передвигать. Все, говорил он, является семейным сокровищем, или частью его коллекции, или необходимо ему для геологических исследований.

Мы провели утро, бродя за дядей Тинсли по дому, а он объяснял нам, что из вещей имеет для него значение. Он поднимал, например, ножичек с ручкой из слоновой кости для вскрытия конвертов или треуголку и объяснял, откуда появились эти вещи, кто ими владел и почему это чрезвычайно важно. Я сообразила, что, в сущности, все было устроено таким образом, что только он один все это понимал.

- Это место как музей, - произнесла я.

- А вы - его куратор, - добавила Лиз.

- Хорошо сказано, - ответил дядя Тинсли. - Но все было в порядке до тех пор, пока я не провел последнюю экскурсию. - Мы стояли в бальном зале. Дядя Тинсли стал осматривать все вокруг. - Я допускаю, что это место немножко захламлено. Эту фразу употребляла Марта. Я всегда любил коллекционировать вещи, но когда она была жива, она помогала мне контролировать мои порывы.

В конце концов дядя Тинсли позволил нам выбросить старые газеты и журналы и сложить их на чердаке, а вниз в подвал спустить коробки с образцами минералов, шпульки с нитками с фабрики и бумажные деньги конфедератов. Мы вымыли окна, проветрили комнаты,

отскоблили полы и полки и пропылесосили ковры и занавески старым пылесосом образца 1950 года, который напоминал космический корабль.

К концу недели дом стал выглядеть немного лучше. И все же он не мог бы соответствовать мнению большинства людей об опрятности и аккуратности. И следовало принять факт, что вы живете не в обычном доме, а в месте, больше похожем на лавку старьевщика, переполненную всевозможными очаровательными вещами – если у вас хватает мозгов, чтобы понять их ценность.

Тушеное мясо оленины и яйца были основными составляющими диеты дяди Тинсли. Он уже не стрелял больших оленей в виде трофея, но, если убивал двух-трех за сезон охоты, потом обрабатывал мясо, дважды заворачивал его и затем хранил в подвале в холодильнике. Еды хватало до конца года. Так что вечером у нас была тушеная оленина с морковью, луком, помидорами, картофелем и иногда с ячменем. Мясо было более жестким, чем курятина в пирогах, и иногда приходилось как следует поработать челюстями, прежде чем его проглотить, но оно всегда было приправлено пряностями и всегда было вкусным.

Спасибо мистеру Манси, старому соседу, восьмидесяти трех лет, который косил большой луг, так что дяде Тинсли не нужно было покупать яйца и овощи, а горячую кашу он делал из овсянки, которую покупал в продуктовом магазине. Но он решил, что растущим девочкам необходимо молоко и сыр, плюс у нас кончались такие важные вещи, как соль, и в конце нашей первой недели дядя Тинсли заявил, что настало время отправиться в бакалейную лавку. Мы взобрались в пикап с деревянными панелями, который дядя Тинсли называл «Деревяшка». Мы не покидали «Мэйнфилда» со дня нашего приезда, и я горела желанием обследовать округу.

Мы проехали мимо белой церкви и домов, потом двинулись по извилистой дороге, которая вела в Байлер через деревню с кукурузными полями. Я смотрела в окно, когда мы проезжали большое огороженное поле, и внезапно увидела два огромных птицеподобных существа.

- Лиз! - крикнула я. - Смотри!

Птицы напоминали цыплят, только они были размером с пони, и у них были длинные шеи, длинные ноги и темно-коричневые перья. Головы их покачивались, когда они ступали большими осторожными шагами.

- Что это за чертовщина? - спросила я.

Дядя Тинсли захихикал.

- Это эму Скрагга.

- Как страусы, да? - уточнила Лиз.

- Почти.

- Это домашние птицы? - спросила я.

- Считается, что нет. Скрагг думал, что может на них заработать, но чего-то не рассчитал. Теперь они всего лишь уродливейшее украшение газона.

- Они не уродливые, - возразила Лиз.

- Рассмотрю их поближе.

Как только мы приехали в Байлер, дядя Тинсли устроил нам то, что он назвал «тур за пять центов». Главная улица, Холлидей-авеню, была обсажена большими деревьями. Здания на ней были старомодными, построенными из кирпича и камня. У некоторых были колонны и затейливая резьба, на одном доме висели большие круглые часы с римскими цифрами. Можно было представить, что прежде Байлер был оживленным и процветающим городом, хотя сейчас было видно, что за последние пятьдесят лет в нем ничего нового не построили. Было много пустых витрин, в них для маскировки заклеили крест-накрест стекла. Записка на одной двери гласила: «Вернусь через пять минут», будто хозяин собирался вернуться, но так этого и не сделал.

Может быть, дело во влажном воздухе, но Байлер поразил меня тем, что он какой-то сонный. Казалось, люди двигались очень медленно, а многие из них и вообще не двигались, просто сидели на стульях под навесами магазинов. Мужчины в рабочих халатах разговаривали, шутили или, откинувшись на спинку стула, жевали табак и читали газеты.

- Какой тут год? - пошутила Лиз.

- В этом городе никогда и не начинались шестидесятые, - ответил дядя Тинсли, - и людям это нравится.

Он остановил «Деревяшку» на красный свет. Старик в фетровой шляпе начал переходить улицу перед нами. Когда он был уже на перекрестке, то посмотрел на нас, улыбнулся и дотронулся до шляпы. Дядя Тинсли помахал ему рукой.

- Это кто? - спросила я.

- Не знаю, - ответил дядя Тинсли.

- Но вы помахали ему.

- Ты машешь только тем людям, которых знаешь? Должно быть, ты из Калифорнии, - и он рассмеялся.

Фабрика располагалась в конце Холлидей-авеню, прямо у реки. Она была построена из темного кирпича, выложенного арками и ромбами, и занимала целый квартал. Окна были в два этажа высотой, из двух высоких труб шел дым. Знак на фасаде гласил: «ТЕКСТИЛЬ ХОЛЛИДЕЙ».

- Шарлотта часто рассказывала вам о семейной истории? - спросил дядя Тинсли.

- Мама не любила говорить на эту тему, - сказала Лиз.

До гражданской войны, объяснил дядя Тинсли, наша семья владела хлопковой плантацией.

- Плантацией? - спросила я. - У нашей семьи были рабы?

- Конечно.

- Хотелось бы мне этого не знать, - сказала Лиз.

- С рабами всегда хорошо обращались, - продолжил дядя Тинсли. - Мой прапрадедушка Монтгомери Холлидей любил говорить, что если бы у него осталась последняя корка хлеба, то он поделился бы ею с рабом.

Я глянула на Лиз, которая выпучила глаза.

Если оглянуться назад, добавил дядя Тинсли, то мы увидим, что почти все американские семьи, которые могли себе это позволить, владели рабами, и не только южане. Рабами владел и Бен Франклин. Так или иначе, продолжал он, янки сожгли плантации во время войны, но семья все равно вела свое хлопковое дело. Как только война закончилась, Монтгомери Холлидей решил, что нет смысла отправлять хлопок на кораблях на север, чтобы делать янки богатыми. Он продал землю и переехал в Байлер, где потратил деньги на строительство фабрики.

Семья Холлидеев, объяснял дядя Тинсли, владела ситцевой фабрикой - и большей частью самого города - в течение жизни нескольких поколений. Фабрика делала добро Холлидеем, и в ответ Холлидеи делали добро рабочим. Семья строила им дома с отоплением и выдавала туалетную бумагу, чтобы они пользовались туалетами. На Рождество Холлидеи раздавали ветчину, и еще они были спонсорами бейсбольной команды. Рабочие фабрики никогда не требовали увеличения заработной платы, ведь до того, как открылась фабрика, большинство из них были фермерами, и работа на фабрике являлась ступенью вверх. Главное, что все в Байлере, и богатые, и бедные, считали себя частью одной большой семьи.

Около десяти лет назад все быстро пошло на спад. Иностранные фабрики принялись сбивать цены, начали бродить агитаторы с Севера, подталкивая рабочих к забастовке и к требованию более высокой зарплаты. Южные фабрики теряли деньги, и вскоре они стали закрываться.

К тому времени, сказал дядя Тинсли, отец умер, и он сам вел дела фабрики «Текстиль Холлидей». Он был в долгах. Какие-то инвесторы из Чикаго согласились купить фабрику, но дали не так уж много, достаточно лишь для того, чтобы ему и Шарлотте хватало на жизнь, если считать каждый пенни. Новые владельцы увольняли рабочих и делали все, что могли, только чтобы выжать из фабрики все до последней унции на прибыль. Уже не только не раздавали рождественскую ветчину, но отменили туалетную бумагу, убрали вентиляторы и стали использовать грязный хлопок.

К тому времени, сказал дядя Тинсли, отец умер, и он сам вел дела фабрики «Текстиль Холлидей». Он был в долгах. Какие-то инвесторы из Чикаго согласились купить фабрику, но дали не так уж много, достаточно лишь для того, чтобы ему и Шарлотте хватало на жизнь, если считать каждый пенни. Новые владельцы увольняли рабочих и делали все, что могли, только чтобы выжать из фабрики все до последней унции на прибыль. Уже не только не раздавали рождественскую ветчину, но отменили туалетную бумагу, убрали вентиляторы и стали использовать грязный хлопок.

- В прежние дни фабрика «Текстиль Холлидей» выпускала качественный продукт, - продолжил дядя Тинсли. - Теперь они делают полотенца такие тонкие, что сквозь них можно читать газету.

- Звучит так уныло, - сказала Лиз.

Дядя Тинсли пожал плечами:

- Что есть, то есть.

- А вы не думали уехать из Байлера? - спросила я. - Как мама?

- Уехать из Байлера? Почему я должен покинуть Байлер? Я - Холлидей. Я принадлежу этому месту.

Глава 7

В «Мэйнфилде» мы спали с открытыми окнами и по ночам слышали кваканье лягушек. Я отключалась, стоило только моей голове коснуться подушки, но каждый день меня рано будили шумные птицы. Однажды, в конце июня, после того как мы пробыли в «Мэйнфилде» почти две недели, я проснулась утром, потянулась к Лиз и тут же вспомнила, что она в другой комнате. Как мне нравилось ночевать вместе с Лиз! Я всегда думала, что приятно было бы иметь собственную комнату. А сейчас ощутила одиночество.

Я пошла в комнату сестры, посмотреть, не проснулась ли она. Лиз, сидя на кровати, читала книгу «Незнакомец в незнакомой стране», на которую она случайно наткнулась, когда мы убирали дом. Я легла рядом с ней.

- Хочу, чтобы мама скорее позвонила, - сказала я. Каждый день я ожидала, что услышу маму. Постоянно проверяла телефон, чтобы быть уверенной, что он включен, потому что дядя Тинсли не любил отвечать на звонки и иногда его отключал. - Дядя Тинсли, наверное, подумает, что мы - парочка лентяев.

- А я считаю, ему нравится, что мы живем с ним, - произнесла Лиз. Она подняла книжку. - Мы как дружелюбные чужестранцы, прибывшие с другой планеты.

По правде говоря, за все время, что мы находились здесь, у дядя Тинсли был только один гость. В доме был большой старомодный радиоприемник, но казалось, что дядю Тинсли не интересовало, что происходит в мире. Он никогда не включал радио. Его привлекали только генеалогия и геология. Он много времени проводил в своей библиотеке, писал письма в окружное историческое общество, запрашивая информацию о миддлбургских Холлидеех, и занимался своими архивами - коробками с рассыпающимися письмами, выцветшими журналами и пожелтевшими газетами, которые, так или иначе, касались семьи Холлидеев. Не было ничего, чего он не знал бы о земле, о пластах, создающих скалы и почвы, о подземных водах. Дядя Тинсли изучал геологические карты, проводил опыты в маленьких стеклянных баночках с почвой на подносах с камнями и читал научные доклады, чтобы цитировать их в статьях, которые писал и порой публиковал.

Лиз нравилось лежать в кровати и читать после того, как она проснулась, а мне всегда хотелось встать и чем-нибудь заняться. Я спустилась вниз завтракать. Дядя Тинсли находился в зале, с чашкой кофе в руках, смотрел наружу через французские окна.

- Я и не заметил, как высоко выросла трава, - произнес он. - Похоже, пришло время косить.

После завтрака я отправилась с дядей Тинсли в сарай с инструментами. В нем стоял красный старинный трактор, с надписью «Фармал», к его изношенной трубе выхлопа была приделана пустая банка из-под краски, чтобы в трубу, объяснил дядя Тинсли, не забралась домашние животные. Когда он включил двигатель, трактор закашлял, и из-под банки вырвался большой столб черного дыма. Дядя Тинсли дал задний ход к косилке, большой зеленой штуковине, и я помогла ему прикрепить косилку к задней части трактора, измазав руки смазкой, которая забралась и под ногти.

Пока дядя Тинсли косил, я взяла лопату и стала сгребать листья в бассейне. Между старыми цветочными клумбами я обнаружила заросшие сорняками дорожки и начала выдирать эти сорняки. Это была трудная работа – мокрые листья были тяжелые, а от сорняков начали чесаться руки. Но к концу утра я вычистила бассейн и большинство дорожек вокруг него. Однако клумбам было еще далеко до того, чтобы заслужить какой-нибудь приз. Дядя Тинсли поманил меня.

- Давай посмотрим, не найдется ли у нас персиков к ланчу, – сказал он.

Он поставил меня на маленькую боковую ступеньку трактора и сказал, что на самом деле я вряд ли думала, что сделаю это, но так наверняка поступает каждый ребенок с фермы. И я стояла на ступеньке, крепко ухватившись за что-то, чтобы уберечь свою драгоценную жизнь, и мы ехали мимо сарая вверх по холму в сад, при этом старый «Фармал» так сильно трясся, что у меня стучали зубы, а глаза чуть не выскочили из орбит.

Яблоки и груши были еще совсем зеленые, сказал дядя Тинсли, они должны поспеть в августе и сентябре. Но у него было несколько ранних персиков, которые уже можно есть. Это старые сорта, выведенные сотни лет назад для климата, свойственного именно этой области, они по вкусу не имели ничего общего с теми мучнистыми персиками, которые продаются теперь в супермаркетах.

Фрукты лежали на земле под деревьями, а над ними вились жуки, осы и бабочки. Дядя Тинсли сорвал персик и протянул мне. Персик был маленький, красный, покрытый пушком и нагретый солнцем. Персик был такой сочный, что когда я его откусила, то почувствовала, будто он взорвался у меня во рту. Я с жадностью ела этот персик, и от его сока у меня стали липкими щеки и пальцы.

- Черт возьми! – воскликнула я.

- Вот это персик так персик, – сказал дядя Тинсли. – Персик Холлидей.

Мы принесли домой бумажный пакет, полный персиков. Они были такими вкусными, что мы с Лиз ели их весь день, и на следующее утро я опять отправилась в сад, чтобы набрать еще плодов.

Персиковые деревья находились за яблонями, и подходя, я увидела, что ветки одного персикового дерева качаются. Я сообразила, что за деревом кто-то стоит, какой-то парень, и он быстро-быстро накладывает персики в мешок.

- Эй! – крикнула я. – Ты что делаешь?

Парень, почти моего возраста, посмотрел на меня. У него были длинные русые волосы, падавшие ему на лицо, глаза – темные, как кофе. Он был без рубашки, и его загорелая спина была исполосована подтеками пота и сажу, как у прибежавшего откуда-то дикаря. Парень держал в руке персик, и я увидела, что у него нет фаланги.

- Ты что делаешь? – воскликнула я. – Это наши персики!

Парень неожиданно повернулся и побежал, не выпуская из одной руки мешок. Двигался он

как спринтер.

- Стой! - крикнула я. - Вор!

Я пробежала за ним несколько шагов, но быстро поняла, что не смогу его догнать. Я так разозлилась на этого грязного парнишку за то, что он воровал наши вкуснейшие персики, что подняла персик и бросила его ему вслед.

- Вор! Вор!

Я пошла домой. Дядя Тинсли находился в библиотеке. Работал со своими геологическими бумагами. Я была уверена, что он разделит мое возмущение по поводу наглого негодяя, воровавшего наши персики. Но он лишь засмеялся и стал задавать мне вопросы. Как выглядел этот парень? Какого он роста? Не заметила ли я, что у нет фаланги?

- Конечно, заметила, - ответила я. - Наверное, ему отрубили ее за воровство.

- Это Джо Уайетт. Он из семьи твоего отца. Его отец был братом твоего отца. Он твой кузен.

Меня это так ошеломило, что я села на пол.

- И я не обращаю внимания на то, что он берет немного персиков.

Мама совсем мало рассказывала об отце Лиз или о моем отце. Мы только знали, что она встретила отца Лиз, Шелдона Стюарта, когда училась в колледже в Ричмонде. После бурного романа они поженились, и такой пышной свадьбы не видели в Байлере несколько поколений жителей. Мама почти сразу забеременела, но ей не понадобилось много времени, чтобы понять: Шелдон Стюарт - бессовестный паразит. Шелдон происходил из старинной семьи из Южной Каролины, но у них кончились деньги, и он ожидал, что мамина семья будет поддерживать его и Шарлотту, пока он проводит свои дни, играя в гольф и стреляя куропаток. Мамин отец дал понять, что не собирается этого делать, и тогда, вскоре после того, как родилась Лиз, Шелдон Стюарт демонстративно покинул маму, и больше они с Лиз его не видели.

Мой папа, говорила нам мама, был из Байлера. Невероятно энергичный, шумный, он желал присутствовать везде, но она и он пришли из разных миров. Кроме того, он умер во время инцидента на фабрике еще до того, как я родилась. И это все, о чем она рассказала.

- Вы знали моего папу? - спросила я дядю Тинсли.

- Вы знали моего папу? - спросила я дядю Тинсли.

- Конечно, знал.

Я так разнервничалась, что стала потирать ладонь о ладонь. После маминого рассказа о моем папе мне всегда очень хотелось узнать о нем побольше, но мама не желала разговаривать на эту тему. Нам обеим будет лучше вообще об этом не говорить, и оставим этот разговор, говорила она. У мамы не было его фотографии, и она не сказала мне, как его зовут. Мне всегда было интересно, как выглядел мой папа. Я не была похожа на маму. А была ли я похожа

на папу? Был он красивым? Веселым? Умным?

- Каким он был? - спросила я.

- Чарли Уайетт был дерзким парнем, - ответил дядя Тинсли, помолчал и посмотрел на меня. - Знаешь, он хотел жениться на твоей маме, но она не относилась к этому серьезно.

- Почему?

- Чарли был гулякой. Шарлотта очень разозлилась, когда этот никчемный человек, отец Лиз, решил, что не хочет становиться отцом. Она развелась с ним и спуталась с множеством мужчин, которых и мама, и папа не одобряли. Чарли был одним из них. Шарлотта никогда не рассматривала возможность брака с ним. Она видела лишь то, что он был просто чесальщиком.

- А что это такое? - Я слышала, как мама употребляла это слово, но не знала, что оно означает.

- Фабричный рабочий. Они возвращались после смены, покрытые пушком.

Я так и сидела на полу, пытаюсь все осмыслить. Я всегда хотела узнать побольше о своем папе и его семье, и теперь, когда встретила человека, который был его родственником - и моим, - я повела себя как дурочка, обзывала его и бросила в него персик. А он не был вором. Поскольку дядя Тинсли не возражал, чтобы Джо Уайетт брал персики, значит, он не воровал. По крайней мере, к этому только так и можно было относиться.

- Я должна извиниться перед Джо Уайеттом, - сказала я. - И, может быть, познакомиться с другими Уайеттами.

- Неплохая идея, - сказал дядя Тинсли. - Они хорошие люди. Отец покалечен и теперь мало что может делать. Мать работает в ночную смену. Именно на ней держится вся семья. - Он почесал подбородок. - Я отвезу тебя туда.

То, как дядя Тинсли это сказал, почему-то заставило меня подумать, что он не хочет этого. В конце концов, он был Холлидей, в прошлом - владелец фабрики. Получалось так, что он должен нанести визит семье фабричных рабочих, семье человека, от которого забеременела его сестра. Ему неловко было бы просто оставить меня у крыльца и не зайти в дом, но еще более неловко было бы сидеть с Уайеттами и болтать, попивая лимонад.

- Я пойду сама - сказала я. - Посмотрю город.

- Хороший план, - сказал дядя Тинсли. - Где-то здесь должен быть старый велосипед Шарлотты. Ты можешь на нем поехать в город.

Я пошла в «птичье крыло» рассказать Лиз о Уайеттах. Она сидела в кресле у окна и читала другую книгу, которую нашла в библиотеке дяди Тинсли. Автором книги был Эдгар Аллан По. Когда я рассказала Лиз об Уайеттах, она вспрыгнула и обняла меня.

- Ты дрожишь, - сказала сестра.

- Да. Я нервничаю. Если они окажутся какими-то чудачками? Что, если они подумают, что это я чудачковата?

- Все будет хорошо. Хочешь, чтобы и я пошла?

- А ты пошла бы?

- Конечно, Бинчик, какая ты странная. Мы же всегда вместе.

Глава 8

На следующее утро дядя Тинсли нашел велосипед, на котором в детстве ездила мама. Велосипед был в сарае с инструментами, там же дядя отыскал и свой старый велосипед, но ему нужны были новые шины, так что мы с Лиз решили ехать вдвоем на одном велосипеде.

Таких ужасных велосипедов, как мамин «Швинн», больше уже не делали, сказал дядя Тинсли. У велосипеда была тяжелая красная рама, плоские шины, отражатели на колесах, спидометр, гудок и хромовый багажник позади сиденья. Дядя Тинсли все протер, накачал шины, смазал цепи и нарисовал нам карту той части города, где жили Уайетты, объяснив, что это место известно как фабричный холм. Лиз крутила педали, а я сидела на багажнике.

День был жарким, влажным, небо подернула дымка, багажник впивался мне в ноги, но по пути мы проезжали прохладные полосы леса, где ветки больших старых деревьев высывались наружу, накрывая дорогу и создавая своего рода полог. Казалось, что мы ехали как бы сквозь тоннель с пятнами солнечного света, мерцающего между листьями.

Фабричный холм находился в северной части города, сразу после фабрики, у основания лесистой горы. Дома походили на коробки, многие из них были покрашены белой краской, теперь стершейся, а другие были голубыми, желтыми, зеленым, розовыми, цвета алюминия или покрыты толем. В портиках выстроились стулья и кушетки, в некоторые маленькие дворики втиснулись стоянки для машин, в окне одного старого дома был вывешен какой-то полинявший флаг. Но было понятно, что многим людям, живущим на холме, важно поддерживать внешний вид на прежнем уровне. Жители превращали выбеленные шины в клумбы для анютиных глазок или использовали для установки в них крутящихся под ветром кругов из разноцветной бумаги. В них ставили маленькие цементные статуи белочек и гномов. Мы проехали мимо одной женщины, которая подметала метлой свой грязный дворик.

Дом Уайеттов свидетельствовал о гордыне своих владельцев. Небесно-голубая краска поблекла, но передний газон был выстрижен, кусты вокруг дома недавно подрезаны, маленькие камешки обрамляли дорожку от ступенек лестницы до тротуара.

Лиз отступила назад, давая мне пройти. Я постучала в дверь, и почти сразу появилась крупная женщина с широким ртом и сверкающими зелеными глазами. Ее темные, с проседью, волосы были собраны в тугий пучок, на ней были мешковатое платье и фартук. Она вопросительно улыбалась мне.

- Миссис Уайетт? - спросила я.

- Да. - Она вытирала руки кухонным полотенцем. Это были большие, почти мужские, руки. - Вы что-то продаете?

- Я - Бин Холлидей. Дочь Шарлотты.

Женщина радостно вскрикнула, уронила кухонное полотенце, затем обняла меня, да так, что чуть не сломала мне позвоночник.

Я представила Лиз, и сестра протянула руку для пожатия.

- Это здорово! - воскликнула миссис Уайетт, снова обнимая Лиз. Она потащила нас в дом, крикнув при этом Кларенсу, чтобы он пришел встретить племянниц. - И никаких миссис Уайетт, - сказала она. - Я ваша тетя Эл.

Входная дверь вела в кухню. Маленький мальчик, сидящий за столом, уставился на нас большими, немигающими глазами. На большой плите лежало два свежеспеченных пирога. Тарелки, плоски и горшки были сложены на полках по размерам, над плитой висели половники и ложки-мешалки. Можно было сказать, что тетя Эл ведет очень аккуратный корабль. На стенах висели вышивки и маленькие лакированные доски с цитатами из Библии, такими, как «Священная книга день и ночь отгоняет дьявола прочь» и «Не бывает радуги без маленького дождя».

Я спросила, дома ли Джо.

- Я вчера видела его, но не знала, что он мой кузен.

- Где ты его встретила?

- В саду дяди Тинсли.

- Так это ты кидалась персиками? - Тетя Эл откинула голову назад и захохотала. - Метко кидаешь! Джо где-то здесь, обычно он приходит домой только к обеду, но наверняка пожалеет, что пропустил вас. У меня четверо детей. Джо тринадцать лет, он средний. Ребенок за столом, Эрл, - самый младший. Ему пять лет, он какой-то необычный, слабенький и так и не научился говорить - пока. Старший, Труман, которому двадцать лет, служит в море. Шестнадцатилетняя дочка Рут уехала в Северную Каролину, чтобы помогать тете, у той трое детей, за которыми нужно присматривать, а она заболела менингитом.

Из задней комнаты, как-то осторожно, согнувшись, вышел мужчина, и тетя Эл представила нам своего мужа, нашего дядю Кларенса.

- Шарлоттины дочери? И не скажешь... - Он был очень худым, со впалыми, морщинистыми щеками, с коротко остриженными седыми волосами.

Дядя Кларенс изучающе посмотрел на Лиз.

- Тебя я, может, и помню, - сказал он. Потом посмотрел на меня. - А тебя я никогда не видел. Твоя мамаша увезла вас из города до того, как мне бы представился случай увидеть единственного ребенка моего брата.

- Ну, сейчас тебе как раз и представился такой случай, - улыбнулась тетя Эл. - Будь поласковее.

- Рады познакомиться с вами, дядя Кларенс, - сказала я. Мне было интересно, обнимет ли он меня, как это сделала тетя Эл. Но он стоял и смотрел на меня с подозрением.

- Где твоя мама? - спросил он.

- Она живет в Калифорнии. Мы приехали сюда в гости.

- Решила не приезжать, да? Ну, почему бы не удивить меня? - И дядя Кларенс закашлялся.

- Не будь таким сварливым, Кларенс, - произнесла тетя Эл. - Иди, посиди и отдышись. - И тот, кашляя, вышел из комнаты.

- У моего мужа бывают всякие капризы, - объяснила нам тетя Эл. - Он человек хороший, но у него нелегкая судьба - все дело в его спине и легких, он заработал это на фабрике. Кларенс злится на многих людей. Еще он беспокоится за Трумана, только не признает этого. Мы потеряли на войне троих мальчиков из Байлера, и я молюсь за своего сына и за всех остальных каждую ночь. А как насчет пирога?

И тетя Эл отрезала нам с Лиз по толстому куску.

- Лучшие персики в стране, - произнесла она с усмешкой.

- И не сбивайте цену, - сказала я.

Тетя Эл прыснула от смеха.

- Ты, Бин, вот-вот станешь как местная.

Мы сели за стол рядом с Эрлом и стали есть пирог. Он был невероятно вкусным.

- Как поживает ваша мама?

- Прекрасно, - ответила Лиз.

- Она не возвращалась в Байлер за эти годы?

- Нет. С тех пор как Бин была малышкой, она тут не бывала, - сказала Лиз.

- Не могу сказать, что виню ее за это.

- А мой папа был похож на дядю Кларенса? - спросила я.

- Разные, как ночь и день, хотя можно было бы сказать, что они братья. Ты никогда не видела фотографии своего папы?

Я покачала головой.

Тетя Эл посмотрела на кухонное полотенце, которое, казалось, повсюду носила с собой, затем сложила его в малюсенький квадрат.

- У меня есть кое-что, чтобы тебе показать - Она вышла из комнаты и вернулась с толстым альбомом. Сев рядом со мной, стала его перелистывать, затем указала на черно-белую фотографию молодого человека, прислонившегося к двери, со скрещенными на груди руками.

- Вот он. Чарли. Твой папа.

Тетя Эл подвинула альбом ко мне. Кажется, я слышала, как в голове несется кровь. Я прикоснулась к фотографии и почувствовала, что у меня от нервов вспотели руки, и вытерла их о кухонное полотенце тети Эл, потом поднесла фотографию к лицу. Мне хотелось увидеть все детали изображения моего папы.

На папе была тесно облегающая фигуру белая футболка, под один рукав была засунута пачка

сигарет. У него были волосатые руки и темные волосы, как у меня. Волосы были зачесаны назад, как носили в те дни. Темные глаза, тоже как у меня. Что меня больше всего поразило, так его кривоватая улыбка, будто он как-то по-своему видел мир и был вышвырнут оттуда.

- Он был красивым, - решила я.

- О, правда, он был красавчиком, - сказала тетя Эл. - Все леди любили Чарли. Дело было не только в его внешности. Главным было то, как он зажигал все вокруг.

- Что вы имеете в виду?

Тетя Эл посмотрела на меня.

- Ты мало знаешь о своем отце, верно?

Я кивнула.

Чарли был мастером-наладчиком ткацких станков на фабрике, сказала тетя Эл, мог починить все, что угодно. Так уж у него была устроена голова. Он не получил достаточного образования, но был умным и постоянно находился в движении. Всегда должен был что-то делать. И когда Чарли приходил на вечеринку, то только тогда там все и начиналось.

- Мне кажется, что в тебе есть та же его искра, - заметила тетя Эл. - Но у Чарли Уайетта была одна плохая черта, которая свойственна всей их семье. Из-за нее он и погиб.

- Я думала, что произошел несчастный случай на фабрике, - сказала Лиз. - Так нам говорила мама.

Казалось, будто тетя Эл что-то обдумывает.

- Нет, - в конце концов промолвила она. - Он был убит.

- Что?

- Хладнокровно застрелен братом человека, которого убил.

Я уставилась на тетю Эл.

- Ты достаточно большая, - проговорила она. - Ты должна знать.

После того как отец Лиз сбежал, стала объяснять тетя Эл, Шарлотта покинула Ричмонд и приехала домой в «Мэйфилд», вернув прежнюю фамилию. Она запуталась во всем этом и стала похаживать на свидания. Потом они с Чарли понравились друг другу. Шарлотта и не думала о замужестве, а Чарли хотел на ней жениться, не только из-за своей порядочности, но потому что он любил ее. Но отец Шарлотты, Мерсер Холлидей, был против, чтобы дочь шла замуж за наладчика станков его собственной фабрики. Шарлотта чувствовала, что как бы весело ни было с Чарли, он был ниже ее уровня.

Чарли надеялся уговорить ее, но однажды ночью в бильярдной Гибсона парень по имени Эрни Малленс назвал Шарлотту распущенной женщиной - вежливо говоря. Когда Эрни отказался извиниться, Чарли подошел к нему. Тогда Эрни вытащил нож. Чарли ударил его кием по голове, и Эрни упал на бильярдный стол и разбил голову. Это убило его. Суд решил, что это была самооборона. После суда брат Эрни, Бакки, поклялся, что убьет Чарли. Многие говорили Чарли, что ему надо уехать из города, но он отказывался. Через две недели Бакки Малленс

застрелил Чарли Уайетта на Холлидей-авеню.

- Твой папа был убит, - вздохнула тетя Эл, - потому что защищал честь твоей мамы.

Кларенс поклялся отомстить, продолжила она, но Бакки посадили в тюрьму, а когда он вышел, то уехал из штата прежде, чем кто-либо узнал об этом. Тетя Эл добавила, что она была рада тому, как все это обернулось, но исчезновение Бакки заставило Кларенса еще больше обозлиться на мир.

Она вынула фотографию моего папы из альбома и вложила ее мне в руку.

- Это тебе.

- Я чувствую, как все переменялось, - сказала я Лиз. На обратном пути в «Мэйнфилд» мы толкали руками велосипед, потому что мне хотелось поговорить. - Теперь я знаю, кем был мой папа.

- И теперь ты знаешь, кто ты, - произнесла Лиз. - Ты дочка Чарли Уайетта.

- Да, - сказала я. - У меня глаза папы и волосы папы, и тетя Эл сказала, что во мне есть его искра. Я дочь Чарли Уайетта.

Мы прошли мимо дома, где женщина подметала грязный двор. Утоптанная земля выглядела такой гладкой, будто была покрыта терракотовыми плитками. Женщина, сидевшая под портиком, помахала нам, и я помахала ей в ответ.

- Вот, ты уже приветствуешь людей, которых не знаешь, - сказала Лиз и ухмыльнулась. - Ты становишься местной.

Мы добрались до подножья фабричного холма.

- Я думаю, мне нравится то, как умер мой папа, - заключила я.

- Это все-таки лучше, чем дурацкий несчастный случай на фабрике, - заметила Лиз.

- Как сказала тетя Эл, он защищал мамину честь.

- Он не был простым механиком - хотя в этом нет ничего плохого.

- Я чувствую, что должна о многом расспросить маму, - сказала я. - Какого черта! Когда же она позвонит?

- Позвонит...

Глава 9

Когда мы вернулись домой, дядя Тинсли сидел за столом в столовой и работал со своей генеалогической картой семьи Холлидей.

- Бин, как все прошло?

- Ну, она узнала, как умер ее папа, - сказала Лиз.

- А вы знали?

- Конечно, - ответил дядя. Он указал на имя на карте. - Чарльз Уайетт, 1932-1957.

- Почему же вы мне не рассказали?

- Это было не мое дело, - сказал он. - Но весь Байлер наверняка знал об этом. Месяцами не говорили ни о чем другом. Или даже - годами.

Фабричные рабочие, которые пили пиво в бильярдном зале, всегда отчаянно дрались, бились на ножах, сказал он, и время от времени убивали друг друга. В этом не было ничего удивительного. А вот этот инцидент был особенным, он касался Шарлотты Холлидей, дочери Мерсера Холлидея, человека, на которого работали почти все в городе. Когда Бакки Малленс предстал перед судом, Шарлотта появлялась на людях, и все знали, что она носит ребенка наладчика станков, которого убил Бакки. Это был страшный скандал, и мама с папой ощущали себя униженными. Так же, как и Тинсли с Мартой. Все четверо чувствовали, что имя Холлидеев - имя, стоящее на проклятой фабрике, имя главной улицы города - было запятнано. Мама перестала ходить в клуб садоводов, папа отказался от игры в гольф. Каждый раз, когда дядя Тинсли проходил по городу, сказал он, он знал, что люди у него за спиной судачат о нем.

Мама и папа, продолжил он, не могли показать Шарлотте, что они испытывали. Она приехала домой, когда ее брак рухнул, и ожидала, что тут ее поддержат. В то же время она объявила, что поскольку теперь уже взрослая, то будет делать все, что ей нравится. И в результате опозорила всю семью. Шарлотта, со своей стороны, чувствовала, что семья отказалась от нее, и она возненавидела маму и папу, а также и Тинсли с Мартой.

- Вскоре после того как ты, Бин, родилась, Шарлотта покинула Байлер, поклявшись, что никогда больше сюда не вернется, - сказал дядя Тинсли. - Это был один из тех редких случаев, когда она приняла верное решение.

Ночью я никак не могла уснуть. Лежала, переваривая все, что узнала в этот день о маме и папе. Я всегда хотела узнать больше о своей семье, но оказалась к этому не готова. То, что у меня была своя собственная комната, на самом деле было отвратительно, потому что мне не с кем было поговорить. Я встала и, притащив свою подушку в комнату Лиз, забралась к ней под одеяло. Сестра положила руку мне на плечо.

- Теперь я действительно знаю кое-что о моем папе, - сказала я. - Есть о чем подумать. Может, когда мама появится здесь, ты скажешь ей о том, что хочешь встретиться со своим отцом?

- Нет, - резко бросила Лиз. - После того как он бросил маму и меня, я никогда не буду иметь с ним никаких дел. Никогда. - Она глубоко вздохнула. - Выходит, ты счастливая. Твой папа мертв. А мой сбежал.

Мы немного полежали молча. Я ждала, что Лиз скажет что-нибудь умное. Так по-Лизиному было бы помочь мне осмыслить все, что мы узнали за этот день. Но вместо этого она начала играть в слова, как всегда делала, когда что-то расстраивало ее и ей нужно было все уяснить.

- Нет, - резко бросила Лиз. - После того как он бросил маму и меня, я никогда не буду иметь

с ним никаких дел. Никогда. – Она глубоко вздохнула. – Выходит, ты счастливая. Твой папа мертв. А мой сбежал.

Мы немного полежали молча. Я ждала, что Лиз скажет что-нибудь умное. Так по-Лизиному было бы помочь мне осмыслить все, что мы узнали за этот день. Но вместо этого она начала играть в слова, как всегда делала, когда что-то расстраивало ее и ей нужно было все уяснить.

Сестра начала со слова «головешки». Сначала она изменила его на «голова кошки». Потом сказала – «голова в лукошке», затем – «голова в окошке», после – «голова на брошке» и наконец – «голова на ножках».

– И совсем не смешно, – заметила я.

Лиз помолчала минутку и вздохнула:

– Ты права...

Глава 10

На следующее утро я выпалывала сорняки в цветочных клумбах вокруг бассейна, все еще размышляя о том, что я дочь Чарли Уайетта, и о том, как мама, забеременев мною, создала для всех такие проблемы. Дятел стучал по платану, этот звук заставил меня поднять голову, и через прогалину в больших темных кустах я увидела идущего по дороге Джо Уайетта с мешком на плече. Я встала. Заметив меня, Джо направился ко мне так, будто просто вышел пройтись по улице и случайно наткнулся на меня.

– Привет, – сказал он, почти подойдя ко мне.

– Привет, – ответила я.

– Ма сказала, что я должен пойти поздороваться, поскольку мы родственники и все такое прочее.

Я посмотрела на него и поняла, что у него такие же темные глаза, как у моего папы и у меня.

– Вроде бы мы кузены.

– Вроде бы так.

– Извини за то, что назвала тебя вором.

Он опустил глаза, и я увидела усмешку на его лице.

– Бывало, называли и хуже, – сказал он. – Слушай, куз, ты любишь ежевику?

Куз. Мне это понравилось.

– Еще бы.

– Ну так пойдем, наберем себе.

Я побежала в сарай, чтобы найти мешок.

Был конец июня, и влажность продолжала усиливаться. Земля была сырой от дождя, прошедшего ночью. Мы шли по большому лугу, и там, где земля не высохла, приходилось идти по хлюпающей грязи. Кузнечики, бабочки и маленькие птицы легко и быстро порхали прямо перед нами. Мы подошли к ржавой проволочной ограде, отделявшей луг от леса. Поскольку ежевика любит солнце, сказал Джо, то лучше всего ее искать по краям тропинок и там, где лес встречается с полем. Двигаясь вдоль ограды, мы скоро добрались к огромным колючим кустам ежевики с толстыми, жирными, темными ягодами. Первая ягода, которую я положила в рот, оказалась такой кислой, что я ее выплюнула. Джо объяснил, что надо рвать только те ягоды, к которым едва можно прикоснуться. Та, которую ты сорвала, еще недостаточно созрела для того, чтобы ее можно было есть.

Мы поднимались на холм вдоль ограды, собирали ежевику и ели ее столько, сколько хотелось. Джо рассказал, что все лето проводит в лесу, собирая разные ягоды, еще совершает рейды в сады за вишнями, грушами и яблоками, а потом прокрадывается и на чьи-то грядки, чтобы стащить помидоры, огурцы, картофель и бобы.

- Только тогда, когда этого всего там слишком много, - добавил он. - Я никогда не беру того, чего выросло мало. Это воровство.

- Больше похоже на то, как это собирают птицы и еноты, - сказала я.

- Вот это другой разговор, куз. Хотя, должен признать, не все такие добрые.

Время от времени, сказал он, фермеры, которые обнаруживают его в своих садах или полях, целятся в него из пистолета. Как-то сидел он на яблоне на заднем дворе того разукрашенного дома дантиста в Байлере, и тут вся семейка вышла в патио на ланч, и ему пришлось просидеть на дереве, не пошевелившись, целый час, как белке, которая надеется, что охотник ее не заметит. Самое плохое, что с ним когда-нибудь приключалось, это было то, когда за ним кинулась дворовая собака и он потерял фалангу, не успев перелезть через забор. Джо усмехнулся, вспомнив это, и вытянул руку.

- А этот палец не воровал.

Когда наши мешки наполнились, мы пошли назад через живую изгородь в «Мэйфилд». В лесу за оградой, в середине жаркого летнего дня, стояла тишина. У сарая мы остановились попить из водопроводного крана над корытом, пригладили волосы под краном, и вода потекла по нашим лицам.

- Может, мы еще пособираем, куз, - сказал Джо, вытирая щеки.

- Конечно, куз, - сказала я и тоже вытерла щеки.

Джо пошел по дороге, а я повернула к дому. Только я приблизилась к портику, как Лиз вышла из двери.

- Мама звонила, - сообщила она. - Она будет здесь через два дня.

Глава 11

В тот день мы с Лиз сидели около бассейна, разговаривали о приезде мамы и ели ежевику, пока наши пальцы не почернели. Прошло четыре недели и шесть дней, с тех пор как мама

порвала с Марком Паркером и избавилась от него. Хотя мне очень нравился Байлер и меня очень разволновало знакомство с дядей Тинсли и встреча с семьей папы – даже с этим сварливым дядей Кларенсом, – мне действительно не хватало мамы. Мы были, как она всегда говорила, племя троих. Все, что нам было нужно, так это мы трое. Мне очень многое хотелось обсудить с мамой, больше всего моего папу, а еще мы с Лиз хотели узнать, какие у нее планы. Вернемся ли мы обратно в Лост-Лейк? Или куда-нибудь еще?

– Может, пока останемся здесь? – сказала я Лиз.

– Может быть, – сказала она. – Это же и мамин дом тоже.

С тех пор как мы приехали, мы все время приводили в порядок вещи дяди Тинсли, но в таком месте, как «Мэйнфилд», надо было еще много сделать. Спустя два дня после маминого звонка мы вытаскивали банки и ящики и вдруг услышали звук «Дарта», подъезжавшего к портику.

Мы с Лиз кинулись вниз по ступенькам, и тут как раз мама вышла из машины, за которой тянулся небольшой бело-оранжевый прицеп. Мама была в своем красном бархатном жакете, несмотря на то, что было лето, волосы подняты вверх, как она делала, когда собиралась идти на прослушивание. Мы втроем обнялись посреди дороги, смеясь и что-то выкрикивая, а мама все говорила – «мои дорогие», «мои детки», «мои драгоценные девочки».

Дядя Тинсли вышел из дома, прислонился к одной из колонн портика и наблюдал за нами, скрестив руки на груди.

– Славно, что ты все-таки забежала сюда, Шар, – сказал он.

– Мне тоже приятно повидать тебя, Тин, – сказала мама.

Мама и дядя Тинсли стояли и смотрели друг на друга, а я начала тараторить обо всем веселом, что мы живем в ее комнатах в «птичьем крыле», чистили бассейн, ездили на «Фармале», ели персики и собирали ежевику.

Дядя Тинсли прервал меня.

– Где ты была, Шар? – спросил он. – Как ты могла уехать и оставить этих детей одних?

– Нечего меня судить, – сказала мама.

– Слушайте, пожалуйста, не воюйте, – сказала Лиз.

– Да, давайте вести себя прилично, – заявила мама.

Все пошли в дом, и мама стала разглядывать весь этот хаос.

– Господи Иисусе, Тин! Что сказала бы мама?

– А что она сказала бы о том, кто бросил своих детей? Но как ты говоришь, давайте вести себя прилично.

Дядя Тинсли пошел в кухню делать чай. Мама стала ходить по гостиной, поднимая хрустальные вазы и фарфоровые фигурки из коллекции своей мамы, старые бинокли ее папы в кожаных чехлах, семейные фотографии в серебряных рамках. Она изо всех сил пыталась

удалить это место и свое прошлое из своей жизни и вот теперь снова оказалась тут. Мама смеялась и покачивала головой.

Дядя Тинсли вернулся с серебряным подносом, где было все, что нужно для чая.

- Снова быть здесь - так печально, так странно, - вздохнула мама. - Я чувствую старый озноб. Моя мать всегда была такой холодной и отдаленной. Она никогда по-настоящему не любила меня. Единственное, что ее заботило, - внешний вид и соблюдение приличий. И папа любил меня неправильно. Во всем этом было какое-то несоответствие.

- Шарлотта, какая чепуха, - возразил дядя Тинсли. - Это всегда был уютный дом. Ты была маленькой девочкой папы - по крайней мере, до твоего развода, - и ты это любила. На самом деле под этой крышей не происходило ничего плохого.

- Потому что мы притворялись. Мы умели замечательно притворяться. Мы все были специалистами по притворству.

- Не смей меня, - сказал дядя Тинсли. - Ты всегда все преувеличивала. Любила создать свои собственные маленькие драмы.

Мама повернулась к нам:

- Понимаете, что я имела в виду, девочки? Видите, что здесь происходит, когда вы пытаетесь сказать правду? На вас тут же нападают.

- Давайте просто выпьем чаю, - предложил дядя Тинсли.

Все сели. Лиз разливала чай и раздавала чашки.

Мама уставилась на свой чай.

- Байлер, - сказала она. - В этом городе все живут в прошлом. Все, о чем они разговаривают, - это погода и бульдоги. Будто не знают, что происходит во внешнем мире, будто это их не заботит. Осознают ли они, что их президент - военный преступник?

- Погода вещь важная, если живешь тем, что выращиваешь, - сказал дядя Тинсли. - И некоторые люди думают, что президент Никсон работает очень хорошо, пытается остановить войну, которую не он начинал. Это первый республиканец, за которого я голосовал. - Он помешал сахар в чашке и спросил: - Какие у тебя планы на девочек?

- Я не люблю планов, - ответила мама. - Я люблю иметь право выбирать. У нас есть несколько вариантов, и мы собираемся их рассмотреть.

- Что за варианты? - поинтересовалась Лиз.

- Вы могли бы остаться здесь, - сказал дядя Тинсли. Глотнул чаю. - На время.

- Я не рассматриваю это как вариант, - сказала мама.

Дядя Тинсли поставил чашку.

- Шар, тебе нужно дать этим девочкам стабильность.

- Что ты знаешь о том, как растить детей? - сказала мама с кривой усмешкой.

- Это нечестно, - сказал дядя Тинсли. - Я знаю, что если бы Марта и я были благословлены иметь детей, мы никогда не уехали бы и не оставили их одних.

Мама с таким стуком поставила свою чашку, что я подумала, что она ее разбила, потом встала и наклонилась над дядей Тинсли. Когда кто-то начинал критиковать ее, она шла в атаку, и именно это она и стала делать. Она подняла двух своих дочерей одна, сказала она, и они получились хорошими. Он не представляет, на какие жертвы она пошла. В любой ситуации она оставалась независимой женщиной. У нее была музыкальная карьера. Она сама принимала решения. Она не собирается оставаться здесь, чтобы ее осуждал брат, опустившийся старый отшельник, живущий в том же доме, где родился, в тупике фабричного города. У него даже никогда не было денег, необходимых для того, чтобы послать к черту Байлер, и она не должна возвращаться в это богом забытое место, чтобы держать перед ним ответ.

- Девочки, собирайте вещи! - велела мама. - Мы уезжаем.

Мы с Лиз переглянулись, не понимая толком, что говорить. Я хотела сказать о том, каким хорошим был с нами дядя Тинсли, но я боялась, она подумает, что я приняла его сторону, и от этого станет еще хуже.

- Вы не слышали меня? - сказала мама.

Мы взобрались по лестнице в «птичье крыло».

- Господи, они ненавидят друг друга, - прошептала я.

- А ты-то думала, что они хотя бы будут вежливы? - усмехнулась Лиз.

- Они ведь взрослые, - сказала я и добавила: - Я не хочу уезжать. Мы только познакомились с Уайеттами, и мне они очень понравились.

- Мне тоже. Но это не для нас.

Когда мы спускались по лестнице с двумя тяжеленными чемоданами, дядя Тинсли сидел за письменным столом и что-то писал. Он сложил бумагу и передал ее Лиз.

- Номер телефона, - объяснил дядя Тинсли. - Байлер два-четыре-шесть-восемь. Звоните, если я вам понадоблюсь. - Он поцеловал меня и Лиз в щеку. - Берегите себя.

- Спасибо, что разрешили похоронить Фидо около тети Марты, - промолвила я. - Сначала я думала, что вы немного ворчливый, но теперь я знаю, что вы хороший.

И мы вышли из дома.

Глава 12

Мама везла нас так, будто мы удирали с места преступления, обгоняя машины на дороге в Байлер, проносясь мимо светофоров южной части города. Она вцепилась в руль, словно от этого зависела ее жизнь, и говорила со скоростью мили в минуту. «Мэйнфилд»

действительно в упадке, сказала она. Их мама была бы потрясена. Похоже, что Тинсли живет в совершенном одиночестве, хотя он всегда был немного чуждаковат. Эх, вид этого места вернул все воспоминания – плохие воспоминания. В этом безнадежном городе неудачников все осталось по-прежнему. И – ничего, кроме плохих воспоминаний.

- А мне нравится «Мэйнфилд», – сказала я. – И мне тоже нравится Байлер.

- Попробуй тут расти, – возразила мама. Она открыла свою сумку и вытащила пачку сигарет.

- Ты куришь? – спросила Лиз.

- Это из-за возвращения в это место. Оно меня взволновало.

Мама прикурила сигарету, и мы повернули на Холлидей-авеню. Праздник четвертого июля прошел несколько дней назад, и рабочие снимали флаги с фонарных столбов.

- Боже, храни Америку, – саркастически сказала мама. – Со всем, что эта страна делает во Вьетнаме. Я не вижу, чтобы хоть кто-нибудь мог испытывать патриотизм.

Мы проехали по грохочущему железному мосту через реку.

- Я познакомилась с Уайеттами, – сообщила я.

Мама молчала.

- Тетя Эл рассказала мне, что моего папу застрелили. – Я закусила губу. – А ты говорила, что он умер в результате несчастного случая.

Мама вдохнула сигаретный дым и закашлялась. Лиз опустила стекло.

- Я говорила это во имя твоего блага, Бин, – сказала мама. – Ты была слишком мала, чтобы понимать.

Послать к черту Байлер – вот что еще она сделала во благо своих дочерей, сказала она. Она не могла допустить, чтобы мы росли в захолустном городе, где все шептали бы, что я незаконный ребенок мастера-наладчика, который убил кого-то, а потом свел счеты с жизнью.

- Не говоря уже о том, что все в городе смотрели на меня как на распутницу, которая стала причиной всего того, что случилось.

- Но, мама, он защищал твою честь.

- Может быть, он так и думал, но этим все еще больше ухудшил. К тому времени у Шарлотты Холлидей не оставалось уже никакой чести, чтобы ее защищать. – Мама сильно затянулась сигаретой. – У Шарлотты-шлюхи.

Так или иначе, продолжила она, ей не хотелось ни думать, ни разговаривать о прошлом. Она ненавидела его. Прошрое не имеет значения, неважно – откуда ты пришел или кем был прежде. Важно будущее: куда ты собираешься идти и кем ты собираешься стать.

- Наше будущее, – сказала она, – Нью-Йорк!

Мама принялась рассказывать, что с ней происходило. Она была в Сан-Диего с друзьями, потом поехала в Байю, чтобы побыть одной на пляже, чтобы найти знак, подсказывающий,

какой выбрать путь. Она не увидела никаких знаков и тогда вернулась в Лост-Лейк, где нашла записку Лиз о том, что мы уехали в гости к Безумному Шляпнику. Она сообразила, что это и был знак. Ей нужно оставить Калифорнию и последовать за дочками на Восточный берег. Она арендовала прицеп и побросала туда вещи из нашего бунгало.

- Разве ты не понимаешь, Лиз? - спросила мама почти легкомысленным голосом. - Когда я прочитала твою записку о Зазеркалье, меня будто ударило. Это Нью-Йорк! Если ты исполнитель, то Нью-Йорк и Лос-Анджелес - две стороны Зазеркалья.

Мы с Лиз переглянулись. Мы с ней теснились на переднем сиденье, потому что заднее мама забила гитарами и коробками с нотами.

- А мы реалисты? - спросила Лиз.

- Реализм, шмеализм, - сказала мама. - Был ли Гоген реалистом, когда поехал к Тихому океану? Марко Поло был реалистом, когда направился в Китай? А был реалистом тот тощий ребенок с резким голосом, который бросил колледж и уехал из Миннеаполиса в Гринвич-Виллидж и переименовал себя, и стал Бобом Диланом? Ни одного человека, который осмеливается быть великим и достигает звезд, не беспокоит, реалист он или нет.

Нью-Йорк - вот настоящая сцена, - сказала мама, - много больше чем Лос-Анджелес, потому что он - не что иное, как кучка отличных продюсеров, дающих устные обещания, и отчаянных старлетов, желающих им верить. - Мама все продолжала говорить о Гринвич-Виллидже, Вашингтон-сквере и отелях Челси, о блюзовых барах и кантри-клубах, о клоунах с выбеленными лицами и скрипачах на станциях метро, изрисованных граффити. Мама все более оживлялась, и я поняла, почему она и не думает упоминать о делах с Марком Паркером или о том, что бросила нас - ну, а мы этого и не ждали.

- То, что мы совершаем сейчас, не просто поездка на машине, - заявила мама. Это каникулы, объяснила она. Способ отпраздновать приближение Нью-Йорка. Приключение Племени Трех. - У меня есть для вас сюрприз.

- Какой? - поинтересовалась Лиз.

- Не могу сказать, иначе это не будет сюрпризом, - сказала мама и захихикала. - Но он в Ричмонде.

Мы добрались до Ричмонда в конце дня. Мама проехала по трехполосной авеню мимо нескольких монументов, изображающих мужчин на конях, и остановила «Дарт» с оранжево-белым прицепом перед фасадом здания, которое напоминало средиземноморский дворец. Мужчина в малиновом пальто с «хвостами» рассматривал «Дарт» с прицепом.

Мама обернулась к нам:

- Это сюрприз. Мы с мамой останавливались здесь, когда приезжали в Ричмонд за покупками.

Она открыла дверцу машины и изысканным жестом протянула руку швейцару. После минутной паузы он взял ее руку и с легким поклоном помог ей выйти из салона.

- Добро пожаловать в отель «Мэдисон», - произнес швейцар.

- Хорошо возвращаться, - промолвила мама.

Мы вслед за мамой вышли из машины. Швейцар взглянул на мои теннисные туфли, которые были заляпаны оранжевой грязью Байлера. Мама повела нас по лестницам, покрытыми коврами, в холл, похожий на пещеру. Там стояли в ряд колонны из мрамора с темными прожилками. Наверху, на высоте двух этажей, располагался потолок с гигантским витражом в середине. Повсюду были подсвечники, статуи, кресла, персидские ковры, картины.

- Мы можем себе позволить тут жить? - спросила Лиз.

- Мы не можем себе позволить не жить тут, - ответила мама. - После всего того, что пережили...

С тех пор как мы покинули «Мэйнфилд», мама говорила безостановочно. Теперь она рассказывала о коринфских колоннах отеля и широкой лестнице, которая фигурировала в сцене фильма «Унесенные ветром». Когда они с мамой жили здесь, сказала она нам, они ходили по магазинам, а потом заказывали чай и сэндвичи в чайной комнате, где требовалось, чтобы леди были в белых перчатках. И мамины глаза сияли.

Я хотела напомнить ей о том, что она говорила раньше, мол, у нее нет ничего, кроме плохих воспоминаний, о времени, когда она росла, что она ненавидела белые перчатки. Но промолчала. Мама слишком радовалась. Кроме того, она всегда противоречила себе.

Около стойки портье мама попросила два соединенных друг с другом номера.

- Мама! - воскликнула Лиз. - Зачем?

- В таком месте мы не должны тесниться, - ответила она. - Это не мотель с неоновыми лампами, а «Мэдисон».

Посыльный привез на тележке наши тяжелые чемоданы. Мама дала ему на «чай» десять долларов.

- Давайте отдохнем, а потом пойдем за покупками, - продолжила она. - Если мы намерены обедать в ресторане, то нам нужна приличная одежда.

Лиз открыла дверь в нашу комнату. Комната была экстравагантно обставлена, в ней были камин и красные бархатные шторы с маленькими кисточками. Мы легли на кровать. Матрас был таким мягким, что в нем можно было утонуть.

- Такой мама никогда еще не была, - заметила я.

- Не так уж плохо, - усмехнулась моя сестра.

- Она все время говорит.

- Да.

- Может, у нее такое настроение, и оно скоро пройдет. - Я взбила одну из громадных подушек. - У мамы и у дяди Тинсли разные воспоминания о том, как они росли в «Мэйнфилде».

- Будто они жили в двух разных домах.

- От того, что мама говорила о неуместном поведении ее папы, бегут мурашки. Думаешь, это правда?

- Это мама так думает. Видимо, ей просто нужно кого-то считать виновным в том, как все обернулось. Может, что-то и случилось, а она раздула это сверх меры. Или - это правда. Но мы об этом вряд ли узнаем.

Вскоре мама постучала в нашу дверь.

- Леди, - произнесла она, - настало время ограбить магазины.

Она все еще была в своем бархатном жакете, но подняла волосы еще выше, накрасила красной помадой губы и обвела веки жирной черной линией. Когда мы спускались на лифте вниз, мама объясняла нам, что ресторан отеля такого высокого уровня, что мужчинам надо обязательно надевать пиджаки и галстуки, а если они появлялись в рубашках с короткими рукавами, то мэтр снабжал их правильным одеянием из коллекции пиджаков и галстуков, хранящихся в гардеробе.

Она повела нас через главный вестибюль, теперь заполненный красиво одетыми гостями, посыльными в униформе, тащившими багаж, и энергичными официантами в смокингах, которые быстро разносили по залу ведерки с шампанским и серебряные подносы с мартини. Мы с Лиз были в джинсовых шортах с бахромой и в майках, и я чувствовала себя неловко.

Мы двинулись за мамой по коридору со сверкающими стеклянными витринами в медных рамах, где было выставлено все - от ювелирных украшений и парфюмерии до причудливых трубок и заграничных сигар. Мама повела нас в магазин с платьями.

- Моя мама ходила со мной именно в этот магазин, когда я была в вашем возрасте, - объяснила она.

В магазине стояли вешалки с одеждой, столы с туфлями и сумками и безголовые манекены, одетые в дорогие розовые и зеленые летние платья. Мама начала хватать пары туфель и стаскивать платья с вешалок, говоря что-то вроде: «Это было пошито специально для тебя, Бин», и «В этом ты должна выглядеть бесподобно, Лиз», и «На всем этом написано мое имя».

Подошла продавщица в очках, которые свисали с шеи на золотой цепочке. Она улыбалась, но, как и швейцар, заметила мои грязные туфли.

- Могу я помочь вам найти что-то особенное? - спросила она.

- Нам нужен ансамбль для обеда, - сказала мама. - Мы ищем нечто официальное и в то же время элегантное.

Продавщица кивнула:

- Понимаю.

Она выяснила наши размеры и начала показывать платье за платьем, а мама охала и ахала над ними.

Лиз показала на одно платье и посмотрела на цену.

- Мама, это стоит восемьдесят долларов! - воскликнула она. - Цены не нашего уровня.

- Не думай об этом.

Продавщица смотрела то на маму, то на мою сестру, будто не могла решить, кого ей слушать.

- А в вашем магазине можно поторговаться? - спросила я.

У продавщицы исказилось лицо:

- Наше заведение другого сорта. Идите в магазин «Главный доллар» на Брод-стрит.

- Девочки, не волнуйтесь о деньгах, - произнесла мама. - Нам нужна одежда для ресторана. - Она посмотрела на продавщицу. - Они жили с их дядей-скрягой и переняли его дешевые привычки.

- Мы не можем себе этого позволить, мама, - заявила Лиз. - Ты это знаешь.

- Не обязательно обедать в ресторане, - добавила я. - Мы можем заказать еду в номер. Или чтобы нам доставил ее разносчик.

Ее улыбка исчезла, и мама помрачнела.

- Да как вы смеете? - воскликнула она. - Вы ставите под сомнение мой авторитет?

Она пыталась сделать для нас что-то приятное, продолжила мама, для поднятия духа, и такую она получила благодарность? Проехала через всю страну, чтобы увидеть нас, и что мы сделали? Поставили ее в неловкое положение в магазине, где она покупала вещи со времен юности.

Скинув платья с вешалок, мама вылетела из магазина.

- Господи, - пробормотала продавщица.

Мы вышли в оживленный коридор, но мамы там не оказалось.

- Она должна вернуться в свой номер, - сказала Лиз.

Мы миновали холл, поднялись на лифте на наш этаж и двинулись по тихому, устланному коврами коридору. Мимо нас прошел официант, он толкал тележку, нагруженную тарелками и мисочками, накрытыми серебряными крышками. Еда пахла восхитительно, и тут я сообразила, что проголодалась. Мы с утра ничего не ели, и я задумалась, что будет у нас на обед.

Остановившись около маминой двери, мы постучали.

- Мама! - позвала я.

Ответа не было. Лиз тоже постучала.

- Мама, мы знаем, что ты здесь.

- Мы сожалеем, - добавила я. - Мы будем хорошими.

Лиз продолжала стучать.

- Убирайтесь! - крикнула мама.

- Мы тебя любим, - сказала Лиз.

- Вы меня не любите. Вы меня ненавидите.

- Мама, пожалуйста, - продолжила Лиз. - Мы очень любим тебя. Просто пытаемся быть реалистами.

- Убирайтесь вон!

Дверь закачалась от удара, и раздался звук разбитого стекла.

Мама что-то бросила и начала громко рыдать.

Мы вернулись в холл. У стойки выстроилась очередь постояльцев.

Портье с лакированными черными волосами был занят, он что-то записывал в тетрадь.

- Очередь начинается сзади, - произнес он, не глядя на нас.

- Но нам нужно срочно!

Портье посмотрел на нас и поднял брови.

- Наша мама заперлась в своем номере и не может выйти, - объяснила Лиз. - Нам нужна помощь.

Мы направились к маминому номеру с портье и охранником. Мама все еще плакала и не хотела открывать дверь. Портье подошел к телефону и вызвал врача. Когда появился доктор, охранник вынул гостиничный ключ, открыл дверь и впустил его в номер. Мы с Лиз пошли вслед за ним.

Мама лежала на кровати, положив на голову подушку. Доктор - невысокий мужчина с мягкими манерами южанина - погладил ее по плечу. Она убрала подушку с лица и уставилась в потолок. Мы с Лиз стояли около стены, но мама не смотрела на нас. Сестра положила руку мне на плечо. Мама громко вздохнула.

- Никто не понимает, как мне трудно, - сказала она доктору.

Тот ответил, что сделает ей укол, после которого она почувствует себя лучше, и потом ей нужно будет отдохнуть дня два под наблюдением врачей. Мама закрыла глаза и сжала его руку.

Портье попросил нас с Лиз выйти в коридор.

- Что же теперь нам с вами делать? - спросил он.

- В Байлере у нас есть дядя, - сказала Лиз.

- Думаю, нам следует позвонить ему.

После разговора с дядей Тинсли клерк заказал нам имбирный эль с черри и сэндвичи – индейка, салат с креветками, огурец – и мы стали есть за крошечным столиком в огромном холле. «Скорая помощь» прибыла к заднему входу, и доктор помог маме сесть в машину. Посыльный принес вниз наши чемоданы, и мы стали ждать. Время шло, холл опустел, и, когда в нем не осталось никого, кроме портье, наводившего порядок за стойкой, и уборщика, почти в полночь, протискиваясь сквозь крутящиеся двери, появился дядя Тинсли.

Его шаги отдавались эхом под высоким потолком, когда он шел через холл по направлению к нам.

- Я надеялся снова увидеть вас, – произнес дядя Тинсли, – но никогда не думал, что это случится так скоро.

Его шаги отдавались эхом под высоким потолком, когда он шел через холл по направлению к нам.

- Я надеялся снова увидеть вас, – произнес дядя Тинсли, – но никогда не думал, что это случится так скоро.

Глава 13

Я беспокоилась о маме, но была рада тому, что мы снова оказались в Байлере. Мне вовсе не хотелось представлять, как мы переедем в Нью-Йорк, где, по словам дяди Тинсли, если вы закричите, прося о помощи, единственное, что сделают люди – закроют окна.

Через два дня мама позвонила. Она чувствовала себя немного лучше. Она допускает, что поддалась стрессу, который был вызван возвращением в Байлер после такого длительного отсутствия. Она поговорила с дядей Тинсли, и они решили, что было бы разумно, чтобы мы с Лиз некоторое время пожили в Байлере. Мама сказала, что она одна поедет в Нью-Йорк и, как только там устроится, тут же пошлет за нами.

- Как ты думаешь, сколько времени мама там пробудет? – спросила я у сестры.

Мы уже собирались ложиться спать, почистили зубы в ванной в «птичьем крыле». Чтобы сэкономить деньги на зубную пасту, дядя Тинсли смешивал соль и пищевую соду. К этому вкусу привыкаешь, но во рту остается такое ощущение, будто там все поцарапано.

- Сначала ей надо устроиться, – ответила Лиз, – а потом понять, что к чему.

- Как долго?

Лиз пополоскала рот и сплюнула.

- Пока мы должны оставаться здесь.

На следующее утро сестра пожаловалась, что плохо спала, потому что думала о нашей ситуации. По какой-то причине мама не сможет забрать нас до конца лета. А это означает,

что мы должны будем пойти в школу здесь, в Байлере. Не хотелось бы быть в тягость дяде Тинсли, который вел жизнь вдовца. И хотя он жил в большом доме, а его семья в прошлом была весьма состоятельной, сейчас на нем были рубашки с порванными воротничками и носки с дырками. Ясно, что в его бюджет не входило пропитание двух племянниц, неожиданно появившихся у него в доме.

- Нам нужно найти работу, - сказала Лиз.

Я подумала, что это замечательная идея. Мы обе могли бы сидеть с детьми. Я могла бы получать какие-то деньги, разнося журнал «Грит», как делала это в Лост-Лейке. Мы могли бы стричь газоны или собирать листья во дворах у людей. Наверное, даже могли бы работать в магазинах: сидеть за кассой или упаковывать продукты.

За завтраком мы рассказали дяде Тинсли о нашем плане. Думали, что ему он понравится, но дядя Тинсли замахал руками, будто вообще не желал об этом слышать.

- Вы - Холлидеи, - произнес он. - Вы не должны ходить с протянутой рукой, умоляя дать вам работу. - И тихо добавил: - Или вести себя как цветные... Мама перевернулась бы в могиле.

Дядя Тинсли сказал, что девочки из хороших семей должны быть дисциплинированными и ответственными.

- Холлидеи не работают на других людей, - добавил он. - Наоборот, люди работают на Холлидеев.

- Но похоже, что мы еще будем находиться здесь, когда начнутся занятия, - заметила Лиз.

- Ну и что? Мы все - Холлидеи.

- Нам нужна одежда для школы, - сказала я.

- Одежда? У нас она есть. Идите за мной.

Дядя Тинсли повел нас вверх по лестнице на третий этаж в маленькую комнату и начал открывать там старые сундуки и шкафы, набитые пахнущей нафталином одеждой - пальто с меховыми воротниками, платьями в горошек, твидовыми жакетами, пышными шелковыми блузками и юбками.

- Все это вещи прекрасного качества, ручной работы, они были присланы из Англии и Франции, - объяснил он.

- Дядя Тинсли, - сказала я, - они из далекого прошлого. Такую одежду больше не носят.

- Напрасно. А все потому, что теперь не могут делать одежду, подобную этой. Голубые джинсы, полиэстер... Никогда не надевал такое. Одежда фермера.

- Но именно это и носят сегодня, - возразила я. - Все носят голубые джинсы.

- И вот почему нам нужна работа, - добавила Лиз. - Нам надо кое-что купить.

- Мы хотим иметь деньги для покупок, - произнесла я.

- Люди считают, что им необходимы вещи, которые им на самом деле не нужны, - проворчал дядя Тинсли. - Если есть что-то такое, что вам действительно нужно, так об этом можно

поговорить. Но не одежда. У нас есть одежда.

- Вы хотите сказать, что нам не нужна работа? - спросила Лиз.

- Если вам не нужна одежда, то не нужна и работа. - Лицо дяди Тинсли смягчилось. - А мне важно сосредоточиться на своем исследовании. Возьмите велосипеды и поезжайте в город, зайдите в библиотеку, заведите друзей, сделайте что-нибудь полезное. Но не забывайте, вы - Холлидеи.

Мы с Лиз пошли в сарай.

- Дядя Тинсли не прав, - сказала сестра. - Нам необходима работа. И не только из-за одежды. Нам надо иметь собственные деньги.

- Но дядя Тинсли рассердится.

- Я думаю, он не против того, чтобы мы нашли работу. Просто не хочет об этом знать. Делает вид, будто мы все еще живем в прошлом.

Дядя Тинсли залатал спустившиеся шины на велосипеде, на котором ездил в детстве. Это был «Швинн», как мамин велосипед, только этот был мужской, голубой, с фонарем впереди и с багажником. Мы с Лиз вывели велосипеды из гаража и поехали в город искать работу.

Мы забыли, что сегодня четвертое июля[2]. Праздник был в разгаре, люди выстроились вдоль Холлидей-авеню, некоторые сидели на складных стульях и на бордюрном камне, ели мороженое на палочке, загораживая глаза от яркого солнца, и махали руками, когда маршировал оркестр Школы Байлера. За оркестром шла группа поддержки, размахивающая шариками, и крутящие палочки тамбурмажоретки, затем ехали на лошадях охотники на лис в красных пальто, потом пожарная машина и платформа на колесах с размахивающими руками женщинами в платьях с блестками. Последней шла группа пожилых мужчин в военных формах, все они выглядели очень серьезными и гордыми, те, что шагали впереди группы, держали в руках американские флаги. В середине группы шел дядя Кларенс в зеленой форме, было видно, что он задыхается, но с шага не сбивался. Когда проносили флаги, горожане вставали и отдавали честь.

- Патриоты, - прошептала Лиз саркастическим тоном, который она подхватила у мамы.

Я промолчала. Мама, ходившая на антивоенные собрания, где протестующие жгли флаги, многие годы говорила нам обо всем, что есть неправильного в Америке - о войне, о загрязнении земли, о дискриминации, о жестокости, - но здесь все эти люди, включая дядю Кларенса, демонстрировали, что гордятся флагом своей страны. Кто же прав? И у тех и у других была своя точка зрения. И те и другие правы?

- Я люблю День независимости, - сказала тетя Эл, обняв нас с сестрой. - Он напоминает о том, как нам повезло, что мы американцы. Когда мой Труман придет домой, он будет маршировать рядом с Кларенсом на параде.

- Но он думает снова завербоваться, - произнес Джо.

- Зачем? - спросила Лиз. - Мы проиграли войну.

- Мы проиграли войну здесь, дома, с этими проклятыми гнилыми патриотами! - воскликнул дядя Кларенс. - Там мы войну не проиграли. Наши мальчики просто пытаются выяснить, кто выиграл. Они делают, черт возьми, прекрасную работу. Сам Труман так говорит. - Он повернулся на каблуках и отошел от нас.

- Я не хотела его расстраивать, - сказала Лиз. - Разве не все знают, что мы проиграли?

И мы двинулись по Холлидей-авеню к холму.

- Люди имеют разные взгляды, - заметила тетя Эл. - Здесь это очень опасная тема. Существует традиция службы в этих частях. Ты делаешь то, что велит твоя страна, и делаешь это с гордостью.

- Я завербуюсь, когда окончу школу, - сказал Джо. - Не хочу выделяться.

- Мой Кларенс был в Корее, - продолжила тетя Эл. - Так же, как твой папа, Бин. Он получил «Серебряную звезду».

- А что это?

- Медаль. Чарли был героем. Он пошел под вражеский огонь и спас раненого приятеля.

- Ты завербуешься? - обратилась Лиз к Джо.

- Да, - ответил Джо. - Хочу чинить вертолеты и учиться на них летать, как Труман.

Лиз недоверчиво посмотрела на него, и я побоялась, что она произнесет что-нибудь саркастическое.

- Мы хотим найти работу, - сказала я тете Эл.

- Трудная задача. В Байлере в наши дни работы мало, - объяснила она. - У людей на холме нет столько денег, чтобы поделиться. Они с Кларенсом не могут позволить себе иметь машину, как и многие соседи. На Дэйвис-стрит и Ист-стрит, где живут врачи, адвокаты, судьи и банкиры, в большинстве домов цветные слуги. Они готовят и стирают, занимаются садом. Но на окраинах есть пенсионеры, у них найдется работа по хозяйству.

- Иногда у меня появлялась небольшая работа, но я делал больше денег, продавая фрукты и металлолом, - сказал Джо.

- И все же, - добавила тетя Эл, - вы должны как следует постараться. Все в руках Божьих!

Следующие два дня мы с Лиз провели, стучась в двери по всему Байлеру. Большинство людей, живущих на холме, извиняясь, объясняли, что в такие времена, как эти, были бы счастливы, если бы каждый месяц могли платить по счетам. Они не могли позволить себе транжирить деньги, доставшиеся с таким трудом, на плату детям за работу, которую они сами могли бы выполнить. Не повезло нам и в красивых домах на Ист-стрит и Дэйвис-стрит. Двери открывали чернокожие служанки и удивлялись, услышав, что мы ищем работу, какую делают они. Один раз пожилая леди наняла нас на уборку двора и дала каждой из нас за два часа работы только по четвертаку, при этом она вела себя так, будто была чрезмерно щедра.

- И все же, - добавила тетя Эл, - вы должны как следует постараться. Все в руках Божьих!

Следующие два дня мы с Лиз провели, стучась в двери по всему Байлеру. Большинство людей, живущих на холме, извиняясь, объясняли, что в такие времена, как эти, были бы счастливы, если бы каждый месяц могли платить по счетам. Они не могли позволить себе транжирить деньги, доставшиеся с таким трудом, на плату детям за работу, которую они сами могли бы выполнить. Не повезло нам и в красивых домах на Ист-стрит и Дэйвис-стрит. Двери открывали чернокожие служанки и удивлялись, услышав, что мы ищем работу, какую делают они. Один раз пожилая леди наняла нас на уборку двора и дала каждой из нас за два часа работы только по четвертаку, при этом она вела себя так, будто была чрезмерно щедра.

В конце второго дня Лиз решила проверить библиотеку Байлера, и я пошла к Уайеттам, рассказать тете Эл, что поиски работы идут плохо.

- Не унывай, - сказала она. - Подожди здесь, у меня для тебя есть сюрприз. - Тетя Эл исчезла и вернулась обратно с коробочкой для кольца. Я открыла коробочку и достала маленькую красно-бело-синюю ленточку с медалью в виде звезды.

- «Серебряная звезда» Чарли Уайетта, - объяснила она.

Медаль была золотой, в середине нее был маленький веночек, окружавший крошечную серебряную звезду.

- Герой войны, - произнесла я. - Он много рассказывал о войне?

- Чарли любил поговорить, но не рассказывал, как получил эту «Серебряную звезду». Чарли никогда не надевал медаль и никогда никому о ней не говорил. Он спас одного приятеля, но было много других, которых Чарли не мог спасти, и это его угнетало.

Сидевший рядом с тетей Эл маленький Эрл протянул руку, и я дала ему медаль. Он поднял ее, а потом положил в рот. Тетя Эл отобрала у него медаль, протерла кухонным полотенцем и вернула мне.

- Дядя Кларенс хранит медаль в память о своем младшем брате. Но теперь она твоя.

- Я не хочу ее брать, если она важна для дяди Кларенса, - сказала я.

- Нет, мы разговаривали с Кларенсом. Он сказал, что Чарли было бы приятно, если бы медаль находилась у его дочери.

Чарли и Кларенс были очень близки, продолжила тетя Эл. Их родители были издольщиками, они погибли из-за аварии трактора. Это случилось ночью, когда они пытались вывезти урожай табака во время сильной грозы. Трактор перевернулся на склоне холма. Чарли было шесть лет, а Кларенсу - одиннадцать. Родственники были не в состоянии кормить двух мальчиков, и, поскольку Чарли был слишком мал, чтобы зарабатывать себе на хлеб, его никто не хотел брать. Кларенс рассказывал, что семья взяла его, и он должен был бы работать за двоих, если бы они взяли и Чарли. Семья согласилась на испытательный срок, и Кларенс работал до изнеможения. Он бросил школу, чтобы принять на себя обязанности взрослого мужчины. Братья жили вместе. Те годы ожесточили Кларенса, и, когда он пошел работать на фабрику, большинство женщин думали, будто он злой человек.

- А я увидела обиженного мальчика, сироту, внутри ожесточенного, злого мужчины, - добавила тетя Эл. - Кларенс не привык, чтобы о нем заботились.

- Я должна поблагодарить его за звезду, - произнесла я.

- Он там, в саду.

Я миновала небольшую темную гостиную Уайеттов, которая располагалась за кухней, и вышла в заднюю дверь. Дядя Кларенс в старой соломенной шляпе стоял на коленях среди грядок зеленого горошка, подпертых палочками помидоров и огурцов, он что-то делал садовым совком у оснований растений.

- Дядя Кларенс, спасибо, что вы дали мне «Серебряную звезду» моего папы.

Он не поднял головы.

- Тетя Эл сказала, что вы были очень близки с ним.

Дядя Кларенс кивнул, положил совок на землю и обернулся ко мне.

- Плохо, что твоя мамаша сошла с ума, - сказал он. - Но у этой женщины на лбу написано слово «беда». Встреча с твоей мамашей была самым плохим из всего, что случилось с твоим отцом.

Глава 14

На следующий день мы с Лиз продолжили поиски работы. Большинство домов в Байлере были старыми, но в конце дня мы свернули на улицу, где стояли новые одноэтажные дома с асфальтированными дорожками, с молодыми деревцами, у основания которых была насыпана мульча из сосновых игл. Вокруг переднего двора одного из домов было ограждение из цепей с висящими на них колесными дисками. На подъездной дорожке стоял блестящий черный автомобиль, под его капот засунул голову мужчина. Он копался в моторе, а на месте водителя сидела девочка.

Мужчина крикнул, чтобы девочка включила зажигание, но она слишком сильно газанула и, когда мотор зарычал, мужчина отдернул голову назад и ударился о капот. Он начал громко ругаться и завопил, что девочка хотела его убить, потом повернулся и увидел нас.

- Извините, леди. Не знал, что вы здесь, - сказал он. - Я пытался починить этот проклятый мотор, и моя дочка не очень-то мне помогла.

Это был большой человек. Не толстый, а просто большой, как бык. Он поднял майку и вытер ею лицо, показав свой обширный, волосатый живот, а затем вытер руки о джинсы.

- Давайте мы вам поможем? - предложила Лиз.

- Мы ищем работу, - добавила я.

- Какую же, например?

Мужчина двинулся к нам. У него была неуклюжая походка, но шагал он быстро. Руки толстые, шея толще головы. Короткие, светлые волосы, очень яркие голубые глаза и широкий нос

с раздутыми ноздрями.

- Любую работу, - сказала Лиз. - Работу по двору, сидеть с детьми, убирать дом.

Он оглядел нас с ног до головы.

- Я раньше вас здесь не видел.

- Мы тут всего несколько недель.

- Ваша семья переехала сюда?

- Мы в гостях, - ответила моя сестра.

- У кого?

- У нашего дяди.

- Зачем?

- Ну, мы просто проводим у него лето, - ответила Лиз.

- Мы тут родились, - добавила я. - Но не приезжали сюда с раннего детства.

- А кто ваш дядя?

- Тинсли Холлидей.

- Неужели? - Мужчина был таким большим, что, когда приблизился и посмотрел на нас, показалось, будто он проглотил небо. - Значит, вы племянницы Холлидея Тинсли? - улыбнулся он. - А как вас зовут?

- Я - Лиз, а это моя сестра Бин.

- Бин? Что это за имя такое?

- Прозвище. Оно рифмуется с моим настоящим именем, Джин. Лиз всегда все рифмует и придумывает названия.

- Лиз и Бин-рифмуется-с-Джин, я - Джерри Мэддокс. А это моя дочка Синди. - Он указал на нее пальцем. - Синди, подойди сюда и познакомься с племянницами Тинсли.

Девочка вышла из машины. Она была на несколько лет моложе меня, худенькая, со светлыми, как у папы, волосами, которые спускались до плеч. Синди слегка прихрамывала. Мистер Мэддокс положил руку ей на плечо. Мы с Лиз сказали «Привет», но она не улыбнулась в ответ, просто уставилась на нас такими же голубыми, как у отца, глазами.

- Что ж, я могу дать какую-нибудь работу племянницам Тинсли Холлидея, - произнес мистер Мэддокс. - Кто-нибудь из вас может сесть за руль машины?

- Мама позволяла мне поехать перед домом, - сказала Лиз.

- Мама? Сестра Тинсли Холлидея?

- Да.

- Шарлотта Холлидей, если не ошибаюсь?

- Вы ее знали?

- Никогда с ней не встречался, но слышал о ней. - Он снова улыбнулся, и мне показалось, что дядя Тинсли был прав - все в городе знали мамину историю.

Мистер Мэддокс велел моей сестре сесть за руль. Лиз получила привилегию, сказал он, посидеть за рулем «Понтиака», одного из классических автомобилей, выпускаемых в Детройте, и только истинные любители могут это оценить. Он велел Лиз включить мотор и выключить, потом включить поворотник, нажать на тормоз, а сам все водил меня вокруг автомобиля, чтобы проверить фары. Потом он сказал, чтобы Лиз включила мотор. Мистер Мэддокс проверял регулировку карбюратора, ремни и заставил меня держать воронку, пока добавлял масло. Синди молча стояла рядом и наблюдала за отцом.

Вскоре удовлетворенный мистер Мэддокс захлопнул капот.

- Все отрегулировано и готово к езде, - объявил он. - Вы, девочки, хорошо исполняете поручения. - Он вынул пачку денег из кармана брюк. - Искал что-нибудь помельче, но у меня только десятки и двадцатки. О, вот! - Мистер Мэддокс вытащил две пятерки и передал одну из них нам. - Я думаю, мы сработаемся. Приходите в субботу после ленча.

- Говорила же тебе, что мы получим работу! - воскликнула Лиз по пути домой. Она прямо-таки ликовала. - Разве я не говорила, Бин?

- Да, ты всегда бываешь права.

На полпути к дому мы проезжали поле с двумя эму. Обычно их не было видно или они находились далеко, но сейчас прохаживались вдоль изгороди, прямо у дороги.

- Смотри, - сказала я. - Они хотят подружиться с нами.

- Мама сочла бы это знаком.

Мы остановились, чтобы посмотреть на эму. Они двигались медленно и осторожно, а когда поднимали головы, их длинные шеи покачивались из стороны в сторону. По головам с боков, по маленьким крыльям и по большим чешуйчатым ногам с острыми когтями вились бирюзовые полосы. Из глубины их глоток доносился булькающий, барабанный звук, не похожий на птичий щебет.

Мы остановились, чтобы посмотреть на эму. Они двигались медленно и осторожно, а когда поднимали головы, их длинные шеи покачивались из стороны в сторону. По головам с боков, по маленьким крыльям и по большим чешуйчатым ногам с острыми когтями вились бирюзовые полосы. Из глубины их глоток доносился булькающий, барабанный звук, не похожий на птичий щебет.

- Они такие таинственные, - заметила я.

- Таинственные красавцы.

- Слишком велики, чтобы быть птицами. У них есть крылья, но они не могут летать. Выглядят

так, будто вообще не должны существовать.

- Это-то и делает их особенными.

Глава 15

Когда мы пришли в субботу к Мэддоксам, дверь открыла Синди. Я хотела поздороваться, но она повернулась и крикнула:

- Они здесь!

Мы двинулись за Синди в дом. Гостиная была заполнена коробками и бытовыми электроприборами, среди них был черно-белый телевизор и цветной. Оба были настроены на разные каналы, но звук черно-белого приглушен. На черном диване сидела беременная женщина с жидкими светлыми волосами, она кормила большого ребенка. Женщина посмотрела на нас и позвала:

- Джерри!

Мистер Мэддокс вышел из задней комнаты, представил женщину как свою жену Дорис и жестом показал нам идти за ним. Одна из странностей дома Мэддоксов состояла в том, что там на стенах не было ничего - ни картин, ни постеров, ни доски с записками, ни семейных фотографий, ни библейских изречений.

Мистер Мэддокс повел нас в спальню, переделанную в офис, где было еще больше коробок, а также стояли металлические шкафы и металлический стол. Он сел за стол и указал нам на стоявшие перед ним два раскладных стула.

- Садитесь, леди. - Мистер Мэддокс поднял кипу папок, шлепнул ими о крышку стола и впихнул их в шкафчик. - У меня работает много людей, - сказал он, - и я всегда задаю вопросы об их происхождении.

Он был техником на фабрике, объяснял он, имел бизнес вне фабрики, улаживал сложные, деликатные финансовые и правовые проблемы. Ему необходимо было доверять людям, которые работали на него и бывали в его доме и в офисе. И чтобы полностью доверять людям, ему нужно было знать, кто они такие. Обязательное условие, как он назвал это, - стандартная оперативная процедура для безопасности бизнесмена.

- Не хочу, чтобы кто-нибудь после того, как я его нанял, пришел и укусил меня за задницу. Конечно, это дорога с двусторонним движением. Есть какие-то вопросы обо мне или о моей квалификации в качестве нанимателя? - Он помолчал. - Нет? Хорошо, тогда поведайте о себе.

Мы с Лиз переглянулись. Сестра начала смущенно рассказывать о временной работе, которую мы выполняли. Мистер Мэддокс хотел узнать о нашем происхождении, об учебе, о домашней работе. О маминых правилах, о самой маме. Он слушал внимательно и в тот момент, когда чувствовал, что Лиз уклоняется от ответа, задавал вопрос еще раз. Когда сестра сказала ему, что часть информации считает личной и не относящейся к делу, заявил, что многие работы требуют безопасности, ясности и проверки данных. И эта - одна из них. Он будет относиться ко всему, что мы расскажем ему, конфиденциально.

- Вы можете доверять Джерри Мэддоксу, - добавил он.

Оказалось, что невозможно не отвечать на его вопросы. Странно, но его будто бы ничто не удивляло или не тревожило. В сущности, он сочувствовал и все понимал. Сказал, что мама талантливая и очаровательная, что у его матери был непростой характер, и когда он вечером приходил домой, то никогда не знал, обнимут его или обругают.

Его признание заставило нас разговориться, и скоро мистер Мэддокс уже знал нашу историю – исчезновение мамы, ловцы детей, путешествие через всю страну на автобусе. Интересовался, почему мама уехала, и я рассказала о Марке Паркере, приятеле, который вроде как и не существовал. Я также рассказала ему, как мы увертывались от Извра в Новом Орлеане, и, похоже, это произвело на него впечатление.

– Любопытно, – произнес мистер Мэддокс. Он откинулся назад, скрестив руки за головой. – Мне нравятся люди, которые знают, как вести себя в трудной ситуации. Вы наняты.

Вот так мы с Лиз начали работать у Мэддоксов.

Глава 16

Я в основном работала у Дорис Мэддок. У нее были мелкие веснушки, белесые брови и ресницы, а жидкие светлые волосы она завязывала в короткий «хвостик». Дорис была на несколько лет моложе мамы, была такой женщиной, о которой мама сказала бы, что она могла бы быть очень хорошенькой, если бы немного привела себя в порядок. Но Дорис носила выцветшие ситцевые платья и ходила на задниках домашних тапочек, будто трудно было встать в тапочки всю ступню.

Помимо Синди у Дорис было два мальчика – только начавший ходить Джерри-младший и малыш Рэнди. Она была беременна четвертым ребенком и проводила почти все время, сидя на диване перед телевизором – игровые шоу по утрам, мыльные оперы днем – покуривая при этом сигареты «Салем», попивая колу и кормя Рэнди. Когда мистер Мэддокс находился в комнате, Дорис помалкивала, но как только он уходил, она становилась более разговорчивой, главным образом выражая недовольство слабоумными участниками игровых шоу по утрам или потаскушками в историях, как она называла мыльные оперы. Дорис жаловалась на мистера Мэддокса, потому что он всегда командовал и часами пропадал бог знает с кем.

Дорис велела мне смотреть за Рэнди и за Джерри-младшим, которому было три года. Я была обязана менять мальчикам памперсы и подогревать маленькие баночки с детским питанием «Гербер» для Рэнди и «Спагетти-Ос» для Джерри-младшего – это и сэндвичи с сосисками и сыром было единственное, что он ел, – а также я должна была бегать в магазин за колой и сигаретами «Салем» для самой Дорис. Я стирала и развешивала одежду, мыла ванную комнату и полы. Дорис говорила мне, что я хорошо работаю, потому что готова все делать руками и становиться на колени, чтобы что-то отскрести.

– Знаешь, большинство белых просто не хотят этого делать.

Мистер Мэддокс увлекался гаджетами и предметами хай-тека, и дом был полон мусороуловителей, дезинфекторов воздуха, пылесосов, машин для приготовления попкорна, транзисторных радиоприемников и систем хай-фай. В большинстве коробок, стоявших по всему дому, лежали приборы, многие из них никогда не вынимались. В доме были две посудомоечные машины, потому что мистер Мэддокс решил, что это более эффективно. Одну машину можно использовать для мытья посуды, а другая отмывалась, говорил он, потом вы загружали пустую машину и брали чистую посуду из другой, не тратя времени на то, чтобы ставить ее в шкаф.

Мистер Мэддокс постоянно вычислял более эффективные и усовершенствованные способы производства, а потом велел всем работать по его новому способу. Его наняли на фабрику, говорил он нам, именно потому, что он повышал эффективность труда. Он должен был толкнуть кого-то в задницу, чтобы тот работал по его указаниям, и он пихал кого-то, и дело было сделано.

Мистер Мэддокс уважал законы. Он жертвовал деньги нескольким газетам и вырезал статьи о судебных делах, банкротствах, надувательствах и закладах имущества. Его посторонние дела заключались в скупке и сдаче в аренду старых домов. Он имел несколько домов на одной улице и пытался добиться у города изменения названия этой улицы на Мэддокс-авеню. Часть его бизнеса состояла в том, что он давал деньги в долг фабричным рабочим, которым нужно было заплатить очередной чек, и время от времени, говорил мистер Мэддокс, ему приходилось предпринимать официальные действия против людей, задолжавших ему деньги, когда они или пытались смягчить его, или думали, что могут обдурить его.

Многие дела мистера Мэддокса требовали встреч. Пока я находилась в доме, помогая Дорис, Лиз сопровождала мистера Мэддокса в черном автомобиле, чтобы собирать арендную плату и присутствовать на встречах в барах, кафе, кофейнях и офисах, где он представлял ее как своего персонального помощника – Лиз Холлидей из семьи Холлидеев. Сестра носила его портфель, передавала ему документы и принимала банкноты. Вернувшись в дом, Лиз должна была разложить бумаги, договариваться о встречах и отвечать на телефонные звонки. Мистер Мэддокс велел ей говорить всем, кто звонил, что он на встрече, так что он мог прятаться от людей, с которыми не хотел разговаривать, и производить впечатление на тех, с кем хотел.

Мы никогда не работали в определенное время. Просто мистер Мэддокс говорил нам, когда в следующий раз мы ему понадобится. Мы не получали определенной платы. Мистер Мэддокс платил нам то, что, как он считал, мы заслужили, и это зависело от того, насколько усердно мы трудились в этот день. Лиз считала, что нам должны платить за каждый час, но мистер Мэддокс заметил, что это потворствует лени. Люди усерднее трудятся, если им платят за выполненную работу.

Мистер Мэддокс купил нам одежду. Однажды утром мы пришли к нему, и он подарил нам с сестрой бледно-голубые платья, объяснив, что это премия. Через неделю повез Лиз в магазин и велел ей померить насколько комплектов одежды, а потом выбрал тот, который ему понравился.

Мы не должны были носить бледно-голубые платья каждый день, надевали их тогда, когда нас просил мистер. Мне не нравилось мое платье, оно напоминало униформу. Лучше я получила бы свою премию наличными, но мистер Мэддокс сказал, что поскольку я работаю в его доме, а Лиз представляет его на встречах с деловыми партнерами, нам нужно одеваться так, как он считает нужным. Цена одежды выше, чем любые наличные премии, так что мы в выигрыше.

– Я делаю вам большую любезность, – сказал он.

Я поняла, что с мистером Мэддоксом спорить бесполезно.

Глава 17

Мы недолго проработали у Мэддоксов, потому что стало ясно, что Дорис и дети вообще никуда

не выходят из дома, кроме своего двора. Бывало, я сидела на ступеньках у входа, следила за Синди, Джерри-младшим и Рэнди и изучала обширную коллекцию дисков, висящих на цепях ограждения. Было что-то гипнотизирующее в этих дисках – блестящих и гладких, как щиты, со спицами или в виде звезд и солнечных лучей. Когда на них падало солнце, они почти ослепляли.

Странно, но даже когда дети находились во дворе, они не играли. Сидели на траве или в пластиковых игрушечных машинках, глядя только вперед, и я не могла заставить их сделать вид, будто они едут, или чтобы они погудели, как гудит машина.

Но и во двор они выходили редко, поскольку мистер Мэддокс и Дорис опасались микробов и бактерий. Они всегда заставляли меня скрести стены, полы и поверхности столов в кухне. У них было много чистящих средств: аммиак, хлорка, лизол, средства для чистки ковров, кожи, стекла, дерева, раковин, туалетов, мебели обивки, хрома, меди и даже аэрозоль для удаления пятен на галстуках.

Больше всего мысль, что можно чем-то заразиться, мучила Синди Мэддокс. Жир из бургера не должен был брызнуть на картошку, консервированную кукурузу она не клала на кусок мяса. Синди даже не ела яйца, потому что белок и желток вместе находились в скорлупе. Возмущалась, если кто-нибудь прикасался к игрушкам. Большинство кукол так и стояло, выглядывая из-под целлофана коробок, которые выстроились на полке в ее комнате.

Синди была единственным ребенком Мэддоксов школьного возраста. Однако родители учили ее дома. Дорис боялась, что девочка подхватит микробы. Синди плохо сдала последний экзамен, так что, хотя и было лето, она делала школьные задания. Ее не интересовала учеба, а Дорис было не интересно учить дочь. Обычно они обе сидели на диване и вместе смотрели телевизор. Иногда Дорис заставляла меня или Лиз читать Синди. Та любила, когда ей читали. Она также любила, что Лиз меняла конец истории. В рассказе Лиз маленькая девочка выживала, а не замерзала до смерти, или одноногий оловянный солдатик и бумажная балерина спасались, их не сдувало ветром в огонь.

Дорис хотела, чтобы я учила Синди, которая умела читать, но чтение не доставляло ей удовольствия. Однажды я велела ей самой громко читать. Она прочитала несколько страниц, но, когда я спросила ее, что она об этом думает, не могла ничего сказать. Я задала ей еще несколько вопросов и сообразила, что Синди не понимает ничего из того, что только что прочитала. У нее не было проблем с отдельными словами, но она не могла связать их вместе. Синди относилась к словам, как к своей еде – все по отдельности.

Однажды, пытаясь объяснить Синди, как слова зависят от слов и как от этого становится понятным их значение – например, как сочетание «ножки девочки» отличается от сочетания «ножки стола», я услышала, что мистер Мэддокс в спальне стал кричать на Дорис. Он кричал, что ей не нужна новая одежда. На кого она старается произвести впечатление? Или пытается кого-нибудь соблазнить? Я посмотрела на Синди: она вела себя так, будто ничего не слышит.

Мистер Мэддокс вошел в гостиную с картонной коробкой в руках и протянул ее мне.

- Положи это в машину, - сказал он.

В коробке лежали три вылинявших домашних платья Дорис и пара ее уличных туфель. Дорис появилась в коридоре в ночной рубашке.

- Это моя одежда, - произнесла она. - Мне нечего больше надеть.

- Это не твоя одежда, - возразил мистер Мэддокс. - Это одежда Джерри Мэддокса. Кто это купил? Джерри Мэддокс. Кто отсидел задницу, работая, чтобы заплатить за нее? Джерри Мэддокс. Так кому она принадлежит?

- Джерри Мэддоксу.

- Правильно. Я просто буду давать тебе надеть это, когда захочу. То же самое и с этим домом. - Он обвел руками комнату. - Кто хозяин? Джерри Мэддокс. Но я позволяю тебе здесь жить. - Он обернулся ко мне. - А теперь положи коробку в машину.

Я чувствовала себя так, будто попала в гущу сражения. Поскольку я работала в основном на Дорис, я посмотрела на нее, желая понять, чего она хочет от меня, чуть ли не представила, что она попросит отдать ей коробку. Но она стояла с видом человека, потерпевшего поражение, и я отнесла коробку, положив ее на заднее сиденье автомобиля.

Когда я закрыла дверцу, появился мистер Мэддокс.

- Ты считаешь, что я был слишком суров с Дорис? - спросил он. - Вовсе нет. Она из тех, кому нужна дисциплина.

Дорис была легкомысленной девушкой, когда он ее встретил, продолжил мистер Мэддокс. Она слишком сильно красилась, юбки у нее были короткими, и она позволяла мужчинам пользоваться ею.

- Я должен был вступить, чтобы защитить ее от самой себя. И продолжаю это делать. Если я позволю ей выходить, когда она захочет, она опять возьмется за старое. Без одежды Дорис не может выйти. А значит, не попадет в беду. Я не плохой. Я делаю это для ее же собственного блага. Понимаешь?

Я молча кивнула.

Глава 18

Мистер Мэддокс сказал, что следующие два дня мне не нужно работать у Дорис, но он хочет, чтобы Лиз пришла. На следующее утро я поехала на велосипеде к Уайеттам, узнать, не собирается ли Джо собирать фрукты. Джо завтракал. Тетя Эл поставила мне тарелку, в ней были сухари с подливкой и яйца, поджаренные на шкварках бекона. Она налила Джо чашку черного кофе и предложила мне.

- Дети не пьют кофе, - ответила я.

- А у нас - пьют, - сказал Джо.

Тетя Эл налила мне молока, добавила туда немного кофе и две чайные ложки сахара.

- Попробуй!

Я глотнула. Молоко и сахар убрали горечь кофе.

- Вы нашли себе какую-нибудь работу? - спросила тетя Эл.

- Конечно, нашли, - кивнула я. - Теперь ваш хозяин фабрики, мистер Мэддокс, стал и нашим

хозяином. Он нанял меня и сестру работать по дому.

- Неужели? - Тетя Эл поставила чашку на стол. - Джерри Мэддокс сурово относится к людям. Уж точно, так он ведет себя на фабрике, где все его ненавидят. Моя Рути работала в его семье, но долго не выдержала. А она со всеми уживается.

- Мистер Мэддокс был единственным человеком, предложившим нам с Лиз работу, - сказала я. - Он не слишком строг с нами, но ужасно командует своей женой.

- Этот человек будет командовать и стадом коров. Ваш дядя Тинсли не возражает, что вы трудитесь в его доме?

- Мы вообще-то не говорили об этом дяде Тинсли. Он не хотел, чтобы мы пошли работать. Мы - Холлидеи, сказал он, а Холлидеи не работают на других людей. Но нам нужны деньги.

- Понимаю. Но вы должны знать об отношениях мистера Мэддокса с вашим дядей.

Мистер Мэддокс, начала тетя Эл, был одним из новых чикагских владельцев фабрики, приехавший сюда. Дядя Тинсли оставался консультантом, поскольку знал процесс производства и у него сложились нормальные отношения с клиентами и с рабочими. Но очень скоро он и мистер Мэддокс столкнулись лбами. Мистер Мэддокс должен был руководить рабочими, и новые владельцы сказали ему, чтобы он сделал все возможное для снижения цен и поднятия производства продукции. Он стал следить за людьми с секундомером, заставлял их работать быстрее и так, чтобы они не делали ненужных движений, чтобы складывали каждую пару носков за две с половиной секунды, а не за три. Он кричал на них за то, что они уходили в туалет, и требовал, чтобы обедали на рабочем месте. Объявил, что каждый месяц будет увольнять пятерых самых медлительных рабочих, пока не сократит количество персонала наполовину.

По рекомендации мистера Мэддокса владельцы отказались от бейсбольной команды и от рождественской ветчины. Вскоре он заставил их продавать дома, которые фабрика сдавала в аренду рабочим, скупил многие из этих домов по дешевке, а затем поднял плату за аренду.

На фабрике никогда не было легко, продолжила тетя Эл, однако рабочие ладили друг с другом. Они ощущали, что плывут в одной лодке. Но после появления мистера Мэддокса и увольнения людей бывшие друзья стали ссориться друг с другом, предавать своих сослуживцев, лишь бы сохранить свою работу.

Мистер Холлидей настаивал на том, что многие изменения Мэддокса приносили больше вреда, чем пользы, сказала тетя Эл. Он чувствовал, что мистер Мэддокс делает рабочих более несчастными и менее мотивированными на работу. Это означало, что они все меньше гордились работой и время от времени даже отказывались использовать какие-то механизмы, просто чтобы иметь несколько минут отдыха при этой изнурительной скорости. Мистер Холлидей и мистер Мэддокс спорили о том, как лучше управлять фабрикой. Дело дошло до скандала. Мистер Холлидей стал жаловаться новым владельцам, но они приняли сторону мистера Мэддокса и заставили дядю Тинсли уйти с фабрики.

- Фабрика носит его имя, - сказал тетя Эл. - Его семья основала фабрику, владела и управляла ею много лет. Но после всего случившегося многие в Байлере стали избегать вашего дядю.

- Но он же не сделал ничего плохого! - воскликнула я.

- Разумеется. Однако мистер Мэддокс выиграл, и у него в руках все карты.
- Наверное, поэтому дядя Тинсли замкнулся в себе.
- За короткое время он потерял родителей, жену и фабрику. Сразу лишился всего.

Я доела яйца с сухарями.

- Наверное, мы должны рассказать дяде Тинсли, что работаем на мистера Мэддокса? - произнесла я, взяла свою пустую тарелку и вымыла ее. - Мне как-то не по себе. Он был добр к нам, а мы тайком что-то делаем за его спиной.

- Я не очень-то гожусь для того, чтобы давать советы, - ответила тетя Эл. - Чаще всего, когда люди просят совета, они уже знают, как им поступить. Они просто хотят услышать это от кого-то еще.

- Да хватит вам говорить про этого злодея, - сказал Джо. - Пойдем, куз, соберем яблочек.

Вечером в «птичьем крыле» я рассказала сестре о вражде между мистером Мэддоксом и дядей Тинсли.

- Вряд ли будет правильным работать на того, кого ненавидит дядя Тинсли.

- Нам нужны деньги.

- Он позволяет нам здесь жить и есть его отбивные, а мы ему лжем.

- Мы не лжем, а просто не все ему рассказываем, - заметила Лиз. - Если бы дядя Тинсли понимал, что нам нужны деньги на одежду и школьные принадлежности, это было бы одно. Но поскольку он все еще считает, что мы могли бы ходить в платьях сороковых годов и нам не нужно волноваться о покупке учебников, тогда мы должны делать то, что делаем. Не следует рассказывать людям абсолютно все. Сохранять что-то в себе - не то же самое, что лгать.

У Лиз была своя точка зрения, но я все равно ощущала неловкость.

На следующий день, вернувшись с работы, сестра сказала, что спросила мистера Мэддокса о его конфликте с дядей Тинсли. Мистер Мэддокс объяснил ей, что он и дядя Тинсли действительно имели какие-то разногласия в том, как нужно управлять фабрикой. Дядя Тинсли не смог привести достаточных аргументов, сказал мистер Мэддокс. Он не упоминал об этом прежде, потому что не хотел, чтобы выглядело так, будто он плохо отзывается о нашем дяде. Но его не очень-то удивит, что дядя Тинсли или кто-либо в городе плохо отзывается о Джерри Мэддоксе, и он был бы рад рассказать нам правду, если мы захотим ее выслушать.

- Я думаю, мы должны принять его предложение, - заключила Лиз.

Глава 19

Я была рада, что мистер Мэддокс предложил нам высказать свою точку зрения на эту историю. В конце концов, он был нашим боссом, а мы – теми, кому нужны деньги. Он не обязан давать нам какие-либо объяснения. Видимо, ему небезразлично, как мы к нему относимся.

Днем мистер Мэддокс трудился на фабрике, но иногда работал по ночам и в выходные дни, что позволяло ему в остальное время заниматься другими делами. Именно в эту неделю он работал днем, но утром был свободен, так что на следующий день после завтрака мы с сестрой поехали в город и поставили свои велосипеды около его автомобиля. Дорис, как обычно, включила телевизор и сидела с детьми на диване. Они смотрели мультфильмы.

Мистер Мэддокс сидел у письменного стола и опускал листы бумаги в машинку, которая резала ее на тонкие, как лапша, полоски. Потом все это падало в мусорную корзину.

- Никогда просто не выбрасывайте бумаги, – сказал мистер Мэддокс. – Ваши враги перетряхнут весь ваш мусор, чтобы найти кое-что такое, что они могут использовать против вас. Себя следует защищать.

Мистер Мэддокс изрезал последний лист бумаги. Стол был чист, и ему это нравилось. В обязанности Лиз входило убедиться в том, что все бумаги разложены по папкам и убраны в шкаф, который мистер Мэддокс запирает.

- Так вы хотите знать, что произошло между мной и вашим дядей? – спросил он. – Странно, что вы слишком долго не задавали мне этого вопроса. – Мистер Мэддокс поднялся и закрыл дверь. – Я рад был бы все вам рассказать, но сначала вы мне кое-что поясните. – Он взял из кладовки два складных стула и велел нам сесть. – Ваш дядя Тинсли знает, что вы работаете у меня?

Мы с сестрой переглянулись.

- Не совсем так, – ответила Лиз.

- Я был уверен в этом.

- Мы хотели сообщить ему, – сказала я, – но...

- Его это, наверное, не очень-то порадовало бы, – усмехнулся мистер Мэддокс.

- Мы любим дядю Тинсли...

- Но иногда он не видит вещи такими, какие они на самом деле. Не видит, что кое-что необходимо сделать.

- Вот-вот, – кивнула Лиз.

- Хорошо, что вы не сообщили ему, – продолжил мистер Мэддокс и улыбнулся. – Давайте оставим это между нами.

- Но есть люди, которые уже это знают, – возразила Лиз. – Вы же представляете меня как племянницу Тинсли Холлидея.

- А я сказала тете Эл – Эл Уайетт, – добавила я. – И Джо Уайетту тоже.

- Уайетты... Жена работает в вечернюю смену. Уволенный муж жалуется на больные легкие. Их дочь раньше работала у нас, смотрела за ребенком, но начали пропадать вещи, и мы

выгнали ее. Несколько человек знают, что вы работаете у меня, но вряд ли вашему дяде это тоже станет известно. Теперь он редко появляется в городе. И если он об этом узнает, тогда мы и поговорим. Но, думаю, вы должны понимать, какой головной болью были для меня дела с ним.

Мистер Мэддокс объяснил, что чикагская компания направила его сюда, потому что фабрика стала терпеть убытки. Новые владельцы сказали, что надо выбрать одно из двух – или сократить издержки производства на тридцать процентов и попытаться повысить прибыль, или закрыть фабрику и все продать.

– Рабочие ненавидели меня за увольнение их друзей, – продолжил мистер Мэддокс. – А фактически они должны были встать на четвереньки и целовать ту часть моего тела, которую я позволю, благодаря меня за спасение их рабочих мест. В Азии готовы работать за двадцать центов в час. А тут ваш дядя в своих старых брюках, стонущий о сохранении бейсбольной команды и о том, что качество туалетной бумаги не такое, как прежде. Будто в эти дни люди выдают качественное дерьмо. Они ищут что угодно, лишь бы подтереть свои задницы, и их заботит лишь цена.

Мистер Мэддокс наклонился вперед, положив толстые руки на колени, напряженно глядя своими голубыми глазами то на меня, то на Лиз.

– Итак, дядя Тинсли должен был уйти. – Он снова улыбнулся. – От новостей, что ему дали пинка и выставили, завертелся волчком. Круг за кругом. Как маленькая балерина. – Мистер Мэддокс встал, поднял руки над головой и сделал неуклюжий пируэт. Потом сел. – Я думаю, ваш дядя хороший человек, но порой его суждения никуда не годятся. – Он посмотрел на нас с Лиз. – Ну как?

Я ерзала на стуле. Сестра изучала свои ногти. Нам нечего было сказать.

Глава 20

Мама звонила раз в неделю, сначала она общалась с Лиз, потом со мной. Жизнь в Нью-Йорке увлекательная, говорила она, но более трудная, чем ей представлялось. Там все дорого. В единственной приличной квартире, которую она смогла найти, был душ с поддоном, окружение было неприятное, школа мерзкая. В Нью-Йорке многие дети ходят в частные школы, но это не для нашего бюджета. У нас с Лиз было право посещать одну из школ для одаренных учеников, объяснила мама, но в этом году уже поздно подавать туда заявление, так что нужно начать учебу в школе Байлера. Дядя Тинсли не возражает, если мы будем жить в «Мэйнфилде», а как только она найдет дешевую квартиру рядом с хорошей школой, то привезет нас в Нью-Йорк и Племя Трех снова будет вместе.

По мне, так это было хорошо. Честно, мама начала действовать мне на нервы. Сейчас начало августа. Если я хотела с кем-нибудь поговорить, то ехала на велосипеде к Уайеттам. Сидела с тетей Эл и Эрлом за кухонным столом, та давала мне стакан ледяного чая и рассказывала о разных вещах, например, о том времени, когда она была девочкой и жила на семейной ферме. В одном году была засуха, и пшеница не проросла, папа заставлял детей выкапывать зернышки, чтобы посадить их на следующий год. Еще она рассказывала истории о моем папе, о том, как он собрал автомобиль из выброшенных на свалку частей, о том, как держал Рут вниз головой над мостом, чтобы та перестала бояться высоты, и о том, что он разрешал тете Эл ездить на мотоцикле, а она случайно прижала ногу к спицам, разодрав обувь в клочья.

Дядя Кларенс был грубияном, я считаю, тетя Эл права: это все из-за его трудной жизни. И мне казалось, будто она – очень выносливый человек: работает в ночную смену, мама называла подобную работу тупой, приходит домой и готовит семье завтрак, а потом, ухватив несколько часов для сна, варит семье обед. Брюзга муж-инвалид, один сын на войне, самый младший сыночек не совсем здоров, но она никогда не жалуется. Наоборот, всегда утверждает, что она счастлива, сколько замечательного Иисус даровал ей в жизни, что с такими людьми, как я, она спасается от тоски. Но ее величайшим счастьем являлись дети, и в основном она говорила о них – о Трумане, достойном военном; о Руте, которая провела лето в заботах о сестре тети Эл и собиралась получить хорошую работу в офисе; и о маленьком Эрле. Тетя Эл любила их всех, и они любили ее.

- Наверное, они думают, будто я вешаю луну и разбрасываю звезды, – повторяла она.

Однажды, вскоре после того, как мама сказала мне, что мы должны начать учебный год в Байлере, я поехала к Уайеттам. Тетя Эл сидела в кухне за столом и читала письмо. Письмо было от Рут, сказала она. Сестра тети Эл вылечилась от менингита. Рут надеялась, что через несколько дней будет дома, хочет познакомиться с Лиз и со мной. Тетя Эл открыла коробку из-под туфель и вытащила из нее кипу радиogramм, схваченную резинкой.

- Письма Трумана, – объяснила она. – Он пишет мне каждую неделю.

В одном из недавних писем Труман сообщил, что полюбил вьетнамскую девушку. Хочет жениться на ней, привезти ее в Виргинию. Хорошо бы, чтобы тетя Эл написала ему, что она думает об этом.

- Если он спросил бы меня два года назад, я могла бы сказать, что не знаю, готов ли к этому Байлер, но в наши дни произошли большие перемены. Я сказала ему, чтобы он молился, и если это то, что Господь повелит ему сделать, то я встречу девушку с распростертыми объятьями. – И тетя Эл аккуратно положила пачку радиogramм в коробку из-под туфель, рядом с письмами Рут.

- У меня тоже есть новости, – произнесла я. – Вероятно, мы с Лиз осенью пойдем в школу в Байлере.

- Миленькая моя! – Тетя Эл крепко обняла меня. – Я так рада, что вы останетесь с нами!

- Мама сказала, что жизнь в Нью-Йорке намного сложнее, чем она представляла.

- Естественно, – засмеялась она. – Постоянно все говорят о своих проблемах. В этом году, нравится нам или нет, но мы объединились, интегрировались.

В пятидесятые годы, продолжила она, Верховный суд постановил, что черным детям разрешается посещать школы для белых. Но почти во всех городах Юга черные дети продолжали ходить в свои школы, а белые дети – в свои.

В кухню вошел дядя Кларенс. Стачив соломенную шляпу, он вытер лоб, налил стакан воды и стал пить.

- Всякий волен посещать любую школу, какую хочет, и люди выбирают школу, чтобы быть со своими, – сказал он. – Это правильно. Белые утки держатся с белыми, а дикие утки с дикими. Свобода выбора. Что еще есть в Америке лучшего, чем это?

- Все не так просто, – возразила тетя Эл. – В прошлом году приказали усилить интеграцию

во всех школах Юга. Главный инспектор школ закрыл среднюю школу Нельсона, которая пятьдесят лет была школой черных. Начиная с этого года дети оттуда будут ходить в среднюю школу Байлера.

- Это все проделки проклятого Гарварда, - проворчал дядя Кларенс. - Они начали эту войну и велели нашим мальчиком воевать. Потом изменили свое мнение о войне и начали осуждать парней за то, что те служат стране. А теперь эти из Гарварда хотят учить нас, как устраивать наши школы. - Он закашлялся и выплеснул остатки воды в мойку. - Я так разозлился, что лучше пойду, черт возьми, назад к моим помидорам. - Дядя Кларенс поднял шляпу и пробормотал, выходя на улицу: - У уток больше ума, чем у этой задницы Верховного суда.

Глава 21

В конце недели, утром, когда у мистера Мэддокса не было для нас никакой работы, мы с Лиз поехали на фабричный холм. Пока мы ставили велосипеды в переднем дворе Уайеттов, из двери выбежала высокая девушка. У нее была широкая улыбка, как у тети Эл, длинные темные волосы, пластмассовые очки в оправе «кошачий глаз», которые мы видели обычно на старых дамах.

- Вы, наверное, Лиз и Бин! - воскликнула девушка, вытирая руки о фартук и крепко обнимая Лиз и меня. - Я - Рут, очень хотела с вами познакомиться.

Рут повела нас в дом, объясняя, что сезон урожая в разгаре и они с мамой заняты консервированием. Кухонный стол был завален красными, зелеными, оранжевыми и желтыми помидорами. Эрл ставил банки рядами, а тетя Эл помешивала что-то в большом горшке, из которого шел пар.

- Все эти помидоры вырастил дядя Кларенс? - спросила я.

- Все, что выращивает папа, мы едим свежим, - ответила Рут.

- Когда столько ртов, которые нужно накормить, этого хватает ненадолго, - заметила тетя Эл. - Это Джо приносит мне помидоры для консервов. - Она начала укладывать помидоры в банки. - Понимаю, что люди могут насмеяться над тем, что делает мой мальчик, но овощи, которые он приносит домой, помогают прокормить семью, а эти проклятые фермеры, в любом случае, всегда выращивают больше, чем могут продать.

- Мама сказала, что осенью вы пойдете в школу Байлера, - произнесла Рут. - Многие белые, в том числе и папа, злятся на интеграцию.

- Почему? - удивилась я. - В Калифорнии в школах всегда есть мексиканские дети, и они такие же, как остальные, просто у них кожа темнее и они едят пряную еду.

- Здесь все немного сложнее, - сказала тетя Эл.

- Говорят, что эта интеграция, наверное, неплохая вещь, - продолжила Рут. В футбольной команде Байлера должны будут появиться большие, сильные черные ребята из Нельсона, объясняла она, и они могли бы укрепить наше положение. Однако тогда могут удалить из команды белых игроков, чтобы дать место черным. У всех девочек из группы поддержки Байлера есть мальчики в команде, и они говорили, что бросят группу, если их мальчики не станут играть, и они вообще не хотят поддерживать цветных, которые заняли места их

друзей.

В группе поддержки все девочки из благополучных семей, сказала Рут. Это дочери врачей, адвокатов, продавцов автомобилей и владельца загородного клуба. Мальчики с фабричного холма иногда играли в футбольной команде, но ни одна девочка с холма не состояла в группе поддержки. Те должны были иметь определенный тип внешности, и таких просто не найти на холме. Девочки понимали это, так что они никогда даже и не делали попыток.

- До сих пор, - сказала Рут. - Потому что если какие-то девочки из группы поддержки правильной внешности скажут, что они не поддерживают каких-то нигеров, то - простите меня за мой французский, именно это слово употребляют эти девочки, - у других девочек появится шанс образовать свою группу. - Рут начала заворачивать крышки на банках, которые тетя Эл уже наполнила. - И в этом состоит смысл всей интеграции. В общем, я намерена войти в группу поддержки. У меня нет проблем, я могу поддерживать и любых цветных мальчиков.

Еще несколько девочек с холма тоже хотели попробовать, они стали собираться вместе, чтобы попрактиковаться.

- Почему бы вам не позаниматься с нами? - предложила Рут.

- Верно! - воскликнула я.

- Да-да, - произнесла Лиз таким тоном, словно ей это не по душе.

- Но только нужно привести в порядок ваши волосы, - сказала Рут.

- Идите, идите, - кивнула тетя Эл, - я сама все закончу.

Рут повела нас в заднюю часть дома, там часть портика была переделана в крошечную комнатку с наклонным потолком. Мы втроем там еле поместились. На туалетном столике Рут стояла фотография парня в очках с черной оправой, он был в военной форме. Рут подняла фотографию.

- Труман, - объяснила она.

Мы с Лиз стали рассматривать снимок. У Трумана были серьезные, темные глаза и пухлые губы.

- У него глаза, как у тебя и у Бин, - заметила Лиз.

- У большинства Уайеттов такие же темные глаза, - промолвила Рут. - Давно еще ходили слухи, что в нашей семье есть еврейская кровь, но мама говорит, что это от черных ирландцев.

- Он выглядит умным, не похож на солдата, - сказала я.

- Это не совсем верно, но типично для Бин, - усмехнулась Лиз. - Она считает это комплиментом.

Рут засмеялась.

- А Труман действительно умный. Может, из-за еврейской крови? Солдаты называют его профессором - из-за очков и из-за того, что он все время читает книги.

Рут поставила фотографию на столик. Она сказала, что хочет показать нам свое приданое.

Вытащила из-под кровати небольшой сундучок и открыла его. Внутри были кухонные и банные полотенца, коврики, одеяло и перчатка для того, чтобы держать горячую посуду на кухне. Это все на будущее, объяснила она, но не только для семейной жизни. Рут отлично учится на секретарских курсах и может печатать со скоростью девяносто пять слов в минуту. У нее нет желания работать на фабрике, однако это не означает, что она пренебрежительно говорит о маме. Именно мама поощряет ее желание получить хорошую должность в офисе.

Рут поставила фотографию на столик. Она сказала, что хочет показать нам свое приданое. Вытащила из-под кровати небольшой сундучок и открыла его. Внутри были кухонные и банные полотенца, коврики, одеяло и перчатка для того, чтобы держать горячую посуду на кухне. Это все на будущее, объяснила она, но не только для семейной жизни. Рут отлично учится на секретарских курсах и может печатать со скоростью девяносто пять слов в минуту. У нее нет желания работать на фабрике, однако это не означает, что она пренебрежительно говорит о маме. Именно мама поощряет ее желание получить хорошую должность в офисе.

- Я немного работаю в офисе мистера Мэддокса, - произнесла Лиз.

- Слышала, - кивнула Рут. - Я недолго работала в его семье. Будьте с ним осторожнее.

- Почему? - спросила я.

Я посмотрела на Лиз. Расскажет ли она то, что говорил нам о Рут мистер Мэддокс? Сестра незаметно качнула головой, намекая, что об этом не следует говорить, и спросила:

- Так что же мы будем делать с нашими волосами?

- Если вы хотите быть в группе поддержки, то ваши волосы не должны болтаться во все стороны, - ответила Рут и открыла шкатулку, полную заколок, шпилек и зажимов.

Она осторожно поискала там что-то и нашла пару заколок, которые шли к моей голубой рубашке. Затем появился набор для волос, подходящий к желтым шортам Лиз. Рут зачесала мои волосы назад и затянула их в «хвост», да так туго, что я почувствовала, как мои брови оттянулись к вискам. Вскоре Рут посмотрела на Лиз, светлые, рыжеватые волосы которой были густыми и тяжелыми и падали на шею.

- Я никогда не делала себе «хвост», - сказала моя сестра.

- Если войдешь в группу поддержки, то будешь делать.

Рут оттянула назад волосы Лиз и, чтобы сделать «хвост», заколками закрепила на месте придерживающее колечко. Лицо Лиз без ее разлетающихся волос будто уменьшилось и стало каким-то несчастным. Она посмотрела на себя в зеркальце внутри крышки шкатулки.

- Просто не верится, что это я!

- Ты очень симпатичная, - сказала Рут и улыбнулась.

Вскоре у дома Уайеттов появилась группа из восьми девочек. Рут поставила нас в шеренгу. Она сняла свои очки, положила их на ступеньку лестницы и сказала, что будет выступать без очков, хотя видит без них очень плохо. Ничто не заставит ее выступать в группе в очках, которые, как всем известно, выдали в бесплатной государственной клинике. Без этих

безобразных очков темные глаза Рут оказались большими и прекрасными, но она часто моргала.

Рут встала к нам лицом. Она знала слова всех песен, все движения и их названия. Показывала нам «орла», «русский прыжок», «подсвечник», «копье» и «лук со стрелами» и выкрикивала их названия громко и энергично. У меня всегда было неважно с координацией движений, но я старалась, и, сказать по правде, мне было весело. Однако Лиз начала все делать словно нехотя, вяло размахивала руками, когда это нужно было делать с напряжением, почти не проявляла энтузиазма, и так все продолжалось до тех пор, пока она совсем не перестала двигаться, отошла и села на ступеньках дома Уайеттов.

Рут закончила показывать нам «колесо» с посадкой на шпагат, что являлось финалом. Это трудно делать, объяснила она, но нужно, если хотите создать команду. Ни одна из девочек не обладала ловкостью Рут, ни у кого не получалось правильное движение ногами. Когда настала моя очередь, Рут обняла меня за талию, я сделала «колесо», а она помогла мне опуститься на землю для шпагата.

- Бин, у тебя получилось! - сказала Рут и обратилась к Лиз: - Не расстраивайся. Надо тренироваться, и все получится. Приходи завтра, поработаем подольше.

- Хорошо, - кивнула Лиз и стала вынимать заколки и колечко, удерживавшее «хвост».

- Сбереги их на следующий раз, - произнесла Рут.

- У нас есть свои, - ответила Лиз. - Если понадобится.

Я обычно не убирала волосы в «хвост», но мне это понравилось. Возникло ощущение, что я готова действовать. Однако то, что Лиз ответила и за меня, навело на мысль, что я должна вернуть шпильки и заколки.

- У дяди Тинсли есть клубок резиночек, - сказала я. - Я могу ими пользоваться.

Девочки пошли по домам, а Рут направилась в дом, чтобы помочь тете Эл закончить консервирование. Попив воды из крана в саду Уайеттов, мы с сестрой сели на велосипеды.

- Значит, ты намерена войти в группу поддержки? - спросила Лиз.

- Да. А что в этом плохого?

- Все эти выкрики... Просто мучение.

Глава 22

Когда на следующий день мы явились на работу, мистер Мэддокс провел нас в офис и закрыл дверь. Он вручил нам по тонкому буклету с синей обложкой и затейливыми золотыми буквами: «Государственный банк Байлера».

- Я открыл каждой из вас накопительные счета, - сказал мистер Мэддокс. - Это ваши чековые книжки.

Я перевернула первую страницу своей книжки. На первой строчке было напечатано «Джин Холлидей» и «Джером Т. Мэддокс». Там были колонки со словами «деPOSIT», «изъятие»,

«проценты» и «баланс». На колонке депозита синими чернилами было напечатано «20.00 долларов» и то же самое – в колонке баланса.

Теперь, объяснил мистер Мэддокс, он может класть нашу зарплату на наши счета с одного из своих счетов. Это будет проще и более эффективно, не говоря уже о безопасности. Не было случая, чтобы деньги, лежащие на депозите, были утеряны или украдены. Это позволит нам не только сберегать деньги, но и зарабатывать проценты, а не проматывать деньги на колу и сладости.

Лиз изучала свою книжку.

- Выглядит очень официально, – сказала она.

- Это правило распоряжения деньгами, – произнес мистер Мэддокс. – Как получение водительских прав. Поскольку у вас нет отцов – а Тинсли Холлидей, каким бы хорошим он ни был, не может помогать в подобных делах, – я решил показать вам, как все это происходит. Добро пожаловать в мир реальности.

- Почему на моей чековой книжке ваше имя? – спросила Лиз.

- У нас соединенные счета, – ответил мистер Мэддокс. Он должен иметь возможность делать вклад непосредственно со своего вклада. Он и не думал, что мы все это знаем, потому что у нас никогда не было банковских счетов. – Таким способом я хочу помочь вам развиваться, становиться взрослыми, чтобы вы понимали, как работает система.

- Но я хочу получать деньги, – сказала я. Было так приятно трогать рваные купюры, которые прошли через сотни или даже через тысячи рук людей, изучать подписи и номера серий, сложные закорючки. – Если ваши деньги лежат в банке, то вы не можете смотреть на них и считать их, – возразила я. – Я люблю наличные.

- Наличные – то, что умные вкладчики называют «глупые деньги», – усмехнулся мистер Мэддокс. – Все равно что сидеть на своем кармане, они соблазняют тебя, и ты их теряешь. Они не работают на тебя. А нужно заставить деньги работать на тебя.

- Наверное. Но мне хочется иметь их наличными.

- Бин, ты будешь зарабатывать процент, – заметила Лиз.

- Кто-то все-таки прислушивается к моим советам, – сказал мистер Мэддокс. – И не просто процент, а процент на процент. Сложный процент, вот как это называется.

- А мне безразлично. Я просто хочу деньги.

- Твой выбор. Но это выбор неудачника. Типичный для Холлидеев.

Глава 23

Я не вошла в группу поддержки.

Две недели перед началом учебного года проходили репетиции, и я могла бы рассказать, как серьезно все девочки готовились к выступлению. Они надевали цвета Байлера – красное и белое, затягивали волосы, украшая их маленькими шариками в виде бульдогов, бульдоги

являлись талисманом школы, у некоторых на щеках тоже были нарисованы бульдоги. Девочки делали шпагат, сальто и стояли на руках; черные девочки в одной группе, белые – в другой. Белые девочки с подозрением поглядывали на меня, новичка. Тренер почти не смотрела на меня, когда подходила моя очередь, словно уже знала, кого выберет.

Потом я просто сидела на трибуне и наблюдала за тренировкой. Над тремя девочками из группы нависла угроза исключения, это означало, что в команде окажутся три свободных места для девочек с фабричного холма и средней школы Нельсона.

Подошла очередь Рут, и я решила, что она привлечет всеобщее внимание. Она сняла свои очки «кошачий глаз», но это не отразилось на ее исполнении. Голос звучал громко, движения были безупречны, она была настолько гибкой, что, когда делала свой последний шпагат, все услышали шлепок, звук от прикосновения ее бедер к деревянному полу гимнастического зала. Невозможно, чтобы она не вошла в команду, подумала я. Затем настала очередь черных девочек. Шестеро из них были из университетской команды Нельсона, и они действительно знали свое дело. Двигались нахально, виляли бедрами и качали головами, будто танцевали. Интересно, поможет это им или навредит?

Результаты были вывешены через два дня, Рут должна была создать команду. Также и две черные девочки. Когда я приехала к Уайеттам поздравить Рут, она крепко обняла меня. Люди на холме, сказала мне тетя Эл, были на седьмом небе от счастья, оттого, что одна из них, в конце концов, победила и формирует команду для группы поддержки. Выборы лидеров команд также вызвали недовольство. Некоторые белые в Байлере считали, что достаточно только одного черного ведущего, а два – слишком много. В то же время учащиеся из Нельсона полагали, что у них должно быть по крайней мере три команды, поскольку они теперь составляли половину школы и предоставили новых игроков в футбольную команду. Между белыми и черными девочками даже завязалась драка, прямо перед дирекцией.

- Что же с ними будет в учебном году? – вздохнула тетя Эл.

Она размешивала в миске сыр с перцем для сэндвичей, когда в дом вошел дядя Кларенс, с бутылкой в бумажном пакете. На губах расплылась широченная улыбка, он приплясывал на полусогнутых ногах. Дядя Кларенс поцеловал жену, детей, обнял меня, при этом что-то говорил тоном проповедника и спрашивал, как все поживают в день победы. Потом вспомнил о своей красавице дочери, порадовался, что фабричный холм наконец-то получил лидера в группе поддержки.

- Настало время праздника. Так давайте же праздновать. Хочу, чтобы звучала музыка. Эй, кто-нибудь, дайте мне мою гитару!

Джо вынес старинную гитару, почерневшую в некоторых местах от многолетнего прикосновения рук. Дядя Кларенс глотнул из бутылки, поднял гитару и начал так играть, как я никогда в жизни не слышала. Казалось, он не думал о том, что делает. Он дергал, щипал, перебирал струны, словно находился в транс, музыка изливалась из него самого.

- Есть разумные пьяницы, а есть безумные пьяницы, – усмехнулась тетя Эл. – Когда мой Кларенс выпивает, им движет дух. Он у меня – танцующий пьяница.

Все Уайетты начали хлопать, кричать и пританцовывать, и я присоединилась к ним. Мы окружили дядю Кларенса, который играл так быстро, что его руки сливались в сплошное пятно. Затем он откинул голову назад и громко заплакал.

Беременность Дорис протекала нормально, и однажды в конце августа мистер Мэддокс сказал мне, что ей назначен прием у врача. Он хотел, чтобы Лиз осталась дома и отвечала на телефонные звонки, а мне нужно ехать с ними, присматривать за Рэнди и малышом, пока доктор будет принимать Дорис.

Мистер Мэддокс вернул жене ее одежду через несколько дней после того, как велел мне положить ее в машину. Велел, чтобы Дорис с малышом села на заднее сиденье, а я - на переднее, рядом с ним. Он завел машину и выехал на дорогу с такой скоростью, что взвизгнули шины. Мы только что прошли техосмотр, не опаздывали, но мистер Мэддокс сворачивал на поворотах так резко, что меня бросало на дверцу. Он проезжал по пешеходным зонам и постоянно ругал всех идиотов, оказавшихся у него на пути.

Вскоре мистер Мэддокс притормозил на стоянке около магазина.

- Пойду за водой и чипсами для всех, - объявил он. - Что вы хотите?

- Решай сам, милый, - ответила Дорис.

- Я хочу оранж-соду, - сказала я. - «Нихи», «Оранж» или «Фанту», это неважно. И «Читос». Не толстые, а хрустящие.

- Сидите на месте, - велел мистер Мэддокс и вышел из автомобиля.

Через две минуты он вернулся с коричневым бумажным пакетом в руках. Сел в машину и протянул мне колу и маленький картонный цилиндр.

- Что это? - спросила я.

- Чипсы и кола. - И он протянул Дорис то же самое.

- Это не то, что я просила, - произнесла я. - Я просила оранж-соду и «Читос».

- Это лучшая кола на рынке, а это «Принглсы».

- Но это не то!

- Я спросил, что ты хочешь, но не сказал, что куплю то, что ты хочешь, - усмехнулся мистер Мэддокс. - Обращай внимание на мои слова. Это важно, если работаешь у меня.

Я обследовала цилиндр с «Принглсами», у которого было маленькое ушко на жестяной крышке. Нажала на ушко, и из-под него вырвалось шипение. Внутри был аккуратный столбик чипсов, похожих по очертаниям на седло. Я съела одну штуку.

- Странный вкус, - заметила я.

- О чем ты? - удивился мистер Мэддокс. - Вкус «Принглсов» лучше, чем «Читос». Но дело не только во вкусе. «Принглсы» качественные. - И он начал читать мне лекцию о технологических улучшениях в «Принглсах». У них одинаковая форма, сказал он, они не крошатся, потому что сложены внутри цилиндра, а не болтаются в пакете, который в основном наполнен воздухом. Тебе не нужно иметь дело с острыми краями или подгорелыми пятнами, которые иногда встречаются на обычных картофельных чипсах. Плотность продукта

«Принглс» - веяние будущего. - Кстати, у тебя не останется оранжевых крошек на пальцах.

- А мне нравятся оранжевые крошки, - возразила я, - их приятнее есть, запивая оранж-содой, которую я просила, но не получила. «Читос» на самом деле лучше, чем «Принглс» - во всяком случае, по моему мнению. Они бывают разных размеров, так что вы можете выбирать большие или маленькие. И они бывают разной формы, вы можете развлечься, пытаться догадаться, какой попадется.

Мистер Мэддокс вцепился в руль, и я увидела, что у него на виске пульсирует вена, будто голова готова была взорваться.

- Это самая большая глупость, какую я когда-либо слышал, - сказал он. - Ты не понимаешь того, о чем говоришь. - Он направил толстый палец на мое лицо. - «Принглс» лучше «Читоса».

- Он прав, - произнесла Дорис. - Джерри знает, о чем говорит. Тебе лучше бы послушать, чем спорить. И вообще, просто будь благодарна, что он вообще купил тебе что-то.

Мистер Мэддокс кивнул.

- Ты неправильно выбрала эти «Читос», так что я их отменил. Именно так я должен поступать, если люди делают неправильный выбор. - Он помолчал. - В общем, замолчи и ешь свои проклятые «Принглсы».

Вечером мы с Лиз ехали на велосипедах обратно в «Мэйнфилд», и я рассказала ей о споре «Читос» против «Принглс».

- Не понимаю, почему это так вывело его из себя, - сказала я. - Если он думает, что «Принглс» лучше «Читос», так это его мнение, но если мне нравятся «Читос», то это мое мнение. Одно дело, если у меня неверный факт. Но мнение - это не факт. И Мэддокс не может говорить мне, что мое мнение ошибочно.

- Бин, ты хочешь чего-то добиться, споря о пачке хрустящей картошки, - заметила Лиз. - Это неважно!

- Он не может указывать мне, о чем думать.

- Может, ведь ты работаешь на него - но это не означает, что ты должна так думать. Но, в то же время, лучше не высказывать ему свое несогласие.

- Иными словами, мне следует заткнуться и есть проклятые «Принглсы»?

- Выбирай, с чем тебе нужно воевать. Это как с мамой. Иногда лучше прислушиваться к тому, что они говорят.

Вот так она вела себя с мистером Мэддоксом, рассказала сестра. У него обо всем есть свое мнение, и она просто молча слушала. Мистер Мэддокс признался, что иногда горячится, и ему нравится ее выдержка, которую Лиз проявляет, когда он выходит из себя. Она понимает, как надо себя вести. Он доверяет ей и уважает ее, вот почему дает ответственные поручения. Позволяет Лиз смотреть важные документы, касающиеся судебных дел, в которых он принимает участие.

- Что, например? - поинтересовалась я.
- Я не могу это обсуждать, - ответила сестра. - Я поклялась мистеру Мэддоксу хранить все в тайне.
- Даже от меня? - удивилась я. Мы с Лиз всегда всем делились.
- Даже от тебя.

Глава 25

К концу лета мы с Лиз скопили достаточно денег, чтобы купить новую одежду. Мистер Мэддокс заплатил мне наличными, как я хотела, и я хранила деньги в коробке из-под сигар, которая лежала в маленькой белой колыбельке вместе с фотографией папы и с его «Серебряной звездой». Лиз сняла деньги со своего счета, и однажды мы поехали в магазин на Холлидей-авеню. Я думала, мы купим несколько дешевых комплектов одежды, но сестра настояла на том, что, кроме джинсов и маек, нам надо приобрести один по-настоящему сногшибательный наряд. Важно, какое первое впечатление мы произведем в новой школе. Лиз выбрала себе яркую оранжево-пурпурную юбку и блестящую пурпурную рубашку. Для меня она нашла пару лимонно-зеленых брюк и клетчатый лимонно-зеленый жилет.

- Надо о себе заявить, - сказала она.

В первый день школьных занятий мы надели свои сногшибательные наряды. От «Мэйнфилда» до остановки автобуса можно было дойти пешком, но дядя Тинсли довез нас в «Деревяшке» на Байлер-Хай. Он тоже считал, что надо произвести хорошее впечатление.

Школа была большим кирпичным трехэтажным зданием, с пилястрами и отделкой из известняка. Сотни учеников бродили под огромными тополями перед фасадом, черные дети в одной группе, белые - в другой. Как только приехали, я сразу сообразила, что мы ошиблись с одеждой. Все белые дети были в линялых джинсах, кроссовках и футболках, а на черных детях были кричащие, яркие наряды, как у нас с Лиз.

- Мы одеты как черные дети, - буркнула я.

Дядя Тинсли усмехнулся:

- Да уж. В наши дни цветные одеваются лучше, чем белые.
- Все будут тарачиться на нас и показывать пальцами, - вздохнула я. - Нужно вернуться домой и переодеться.
- Поздно, - заметила Лиз. - Как всегда говорит мама - кто будет вмешиваться, если ты можешь выделиться на общем фоне?

Мы, конечно, стояли в сторонке. И черные, и белые дети осматривали меня, хихикали и строили гримасы, когда я проходила мимо них.

- Эй, Пеструшка! - крикнул белый мальчик.

Вечером я повесила желто-зеленые штаны в шкаф, рядом с детским маминым платьем для конфирмации. Завтра надену джинсы и майку. Лиз сказала, что она сделает то же самое. Я понимала, что даже если больше никогда не надену эти штаны, они все-таки произвели незабываемое впечатление. С этого дня все станут звать меня Пеструшкой.

Глава 26

Средняя школа Байлера была не такой, в какой я училась в Калифорнии. В здании были лестницы и высокие потолки, стоял затхлый запах, было шумно, хлопали дверцы шкафов, между уроками звенел звонок и ученики галдели в переполненных холлах. Сразу стало понятно, что ребятам, знавшим друг друга всю жизнь, не хочется знакомиться с новой девочкой. Даже когда я дружелюбно улыбалась им, они быстро отводили взгляд. Может, это из-за интеграции, но в холлах и на лестницах ребята сильно толкались и пихались. В общем, средняя школа Байлера была заполнена нервными детьми, у которых руки чешутся, чтобы кинуться в драку.

В шестом классе я думала, что в школе существуют строгие правила, с переменной уроков, с толстыми учебниками и с таинственными предметами, такими, как, например, алгебра. Лиз была умница, не то что я. Несмотря на устрашающие названия – литература и тесты для проверки понимания, общественные науки и домашняя экономика, – сами предметы не являлись чем-то особенным. Литература и тесты на понимание оказались просто чтением. Общественные науки – информацией с какими-то вкраплениями истории. И первым, чему нас стали учить в домашней экономике – девочек седьмого класса, – оказалась сервировка стола. Нож справа от тарелки, острием к тарелке; ложка рядом с ножом; вилки – слева, положенные так, как они должны будут использоваться.

Наша учительница, миссис Томпсон, была большой, медлительной, с напудренным лицом, в серьгах, которые всегда задевали ее ожерелье. Она заявила, что учит нас «искусству выживания», что это должна знать каждая женщина. Но ты же не умрешь от того, что положила ложку слева от тарелки? Мальчики седьмого класса должны уметь делать покупки и научиться таким интересным и полезным вещам, как накачка спустившейся шины, починка лампы, сборка книжной полки. Когда я сказала миссис, что моя идея об искусстве выживания заключается в том, что я должна уметь накачать спустившуюся шину, а не накрывать на стол, миссис Томпсон возразила, что это мужская работа.

Нас даже не учили ничему практическому, например, как составлять бюджет или пришить оторванную пуговицу. Главное – знать, как ставить стакан для воды по отношению к стакану для сока и каким должно быть белье. Мама не задыхалась в корсете, а ее подруги не носили лифчиков, но миссис Томпсон повторяла, что недопустимо, чтобы под одеждой можно было увидеть женское тело, вот почему все женщины должны носить корсет – необходимое основание под белье, – и можно только стыдиться того, что в наш век много женщин его не носят.

Это было скучно, и я даже не могла ее слушать. Я провалила бы тест, если бы миссис Томпсон не сказала, что даст нам бонусы за каждое название кухонной посуды. Большинство девочек написали пять или шесть названий, а я вспомнила много чего, начиная от ножа для разрезания пиццы до терки для сыра, до щипцов для орехов, от ножа для очистки яблок до скалки. Я закончила тест с тридцатью семью очками.

– Это неправильно, – сказала миссис Томпсон, проверив тесты. – Ты одна из самых плохих

учениц, но у тебя большее количество очков в классе просто из-за твоих бонус-ответов.

- Вы же сами устанавливали правила, - напомнила я.

Вскоре после первого теста я поняла, что раз в неделю можно выходить из дома, если ты присоединишься к группе оживления. И так, не зная на самом деле, что это за группа оживления, я решила быть добровольцем. Нам нужно было по пятницам, в день игры в футбол, помогать группе поддержки, увеличив собою количество людей в толпе, а потом продолжать это во время игры. Мы делали подбадривающие палочки с бульдогами, какими награждали класс, самый оживленный во время игры, и рисовали открытки, которые разбрасывали в коридорах перед каждой игрой.

В первой игре этого года Байлер выступал против Больших Речных Сов. Когда мы встретились в спортзале, Терри Прюитт, старшая, лидер группы, сказала, что нам нужно прийти с открытками на тему Сов. Я сообщила об этом Лиз, и та быстро сочинила каламбуры про Сов и стишок, который мог пригодиться - «Ощипать Сов», «Выпотрошить Сов», «Замазать Сов», «Совы - Глупые курицы» и самое лучшее: «Бульдоги Рычат, Совы Пищат».

- Почему ты не вступаешь в эту группу оживления? - спросила я сестру. - У тебя здорово получилось бы.

- Вряд ли. Это все для людей особого племени.

На следующей встрече группы оживления я прочитала список лозунгов Лизы. Терри понравился стишок «Бульдоги Рычат, Совы Пищат». Она сказала, что мы могли бы сделать из старой простыни большой флаг, написать на нем спреем слова и повесить в спортзале на стене для оживления перед игрой в пятницу. Она обратилась к Ванессе Джонсон, одной из черных девочек группы оживления, которая была моей одноклассницей.

- Ванесса, ты могла бы помочь Бин, - сказала Терри.

- Значит, я помощница? - Она была выше всех девочек, у нее были длинные, хорошо развитые руки и ноги. Ванесса медленно скрестила руки на груди и уставилась на Терри.

- Мы все помогаем друг другу, о'кей?

Терри нашла простыню, краску-спрей и повела нас делать флаг на улице. Когда мы шли по холлу, я стала говорить Ванессе, что сначала мы должны обвести слова карандашом, чтобы быть уверенными, что правильно их расположили и они в конце не полезут вверх.

- Кто дал тебе право командовать? - усмехнулась Ванесса.

- Я не команду. Это просто идея.

Та уперлась руками в бедра.

- Неужели? Ты хочешь поговорить о том, что так, а что не так? А вот не так - это закрыть нашу школу и заставить нас ходить в школу белых бедняков.

- Я думала, черные дети хотят учиться в белых школах. Полагала, что в этом есть смысл.

- А зачем нам ходить в белую школу? Когда у нас есть своя? У нас в Нельсоне футбольная

команда, – говорила Ванесса, – группа поддержки и команда оживления, свои цвета школы. Семьи Нельсона гордятся школой, и в выходные дни люди приходят туда наводить чистоту. Какие-то семьи даже красят свои машины в цвета школы – пурпурный и серебряный. Но теперь дети из Нельсона должны отказаться от этого. И бывшие ученики Нельсона не знают никого из тех, кого избрали старостой класса в Байлере, и не знают имен «короля» и «королевы» на встрече выпускников. Байлер никогда не станет их школой.

– Если ты так к этому относишься, то зачем же вошла в команду оживления?

– Я не могу быть там ведущей, хотя и была бы на этом месте лучше белой девочки, – ответила Ванесса. – Но это не означает, что я должна просто сидеть на скамеечке. Мою сестру, Летисию, одну из двух ведущих в группе поддержки из Нельсона, выбрали для парада в Байлере. Поэтому я буду приходить на каждую игру, поддерживать ее и подбадривать мальчиков из Нельсона в команде Байлера. Я не собираюсь сдаваться. И намерена войти в группу поддержки в следующем году.

Я подняла простыню.

– Тогда, я считаю, мы должны наделать шуму с этим флагом.

– Бедняжка хочет наделать шуму, – произнесла Ванесса и впервые улыбнулась.

Глава 27

В следующую субботу, когда я внизу, в подвале дома Мэддоксов, складывала чистое белье, на лестнице появился мистер Мэддокс. Он спустился вниз и подошел, двигаясь на удивление проворно для такого большого мужчины.

– Занята делом, – заметил он, – мне это нравится. Ты работаешь на меня, значит, должна быть занята делом.

– Спасибо, – сказала я. – Я складывала крупные вещи, а теперь займусь носками.

Мистер Мэддокс вытянул руки и оперся ими о стену подвала. Он возвышался надо мной, и мне показалось, будто меня заперли между его рук. Мистер Мэддокс придвинулся так близко, что я почувствовала его дыхание на своем лице. И его запах. Не то чтобы он вонял, но я не привыкла находиться так близко к взрослому мужчине и из-за этого запаха подумала о его поте, мышцах и теле. Я не испытывала неприязни, но меня это немного встревожило.

– Знаешь, что мне в тебе нравится? – продолжил мистер Мэддокс. – Ты меня не боишься. А некоторые люди нервничают, когда я становлюсь рядом с ними.

– Я не нервничаю.

– Ты не испугалась. – Он упирается правой рукой в бедро, а теперь потянулся и положил руку мне на плечо. Был август, и на мне была рубашка без рукавов. Его огромная рука была такой грубой и шершавой, и я даже почувствовала его ногти.

– Ты серьезно относишься к своим обязанностям, – продолжил мистер Мэддокс, – и не делаешь проблем из-за мелочей. Не то что Дорис. Та любую мелочь превращает в проблему. У тебя хорошее чувство юмора, ты веселая. Обладаешь мужеством и кажешься старше своих лет.

Кстати, сколько тебе лет?

- Двенадцать.

- Двенадцать? Всего-то? Трудно поверить. А выглядишь и ведешь себя как взрослая. - Неожиданно мистер Мэддокс засунул большой палец мне под мышку и погладил ее. - У тебя уже появился пушок на персике.

Я отпрянула.

- Уберите палец!

Мистер Мэддокс еще какое-то мгновение держал свой палец у меня под мышкой, потом опустил руку и засмеялся.

- Ну, не выдумывай никаких глупостей обо мне! Я не сделал ничего плохого. Просто высказался о твоём возрасте. У меня есть жена и дочь. Я вырос с сестрами и все знаю о женщинах и об их циклах, и о том, когда они могут рожать. Я взрослый, и ты вот-вот повзрослеешь. Если мы намерены иметь деловые отношения, как взрослые люди, нам нужно разговаривать и о таких вопросах. Например, если в какой-то день ты не сможешь прийти ко мне на работу, потому что у тебя начинается цикл и все болит, нужно сказать мне об этом. Так всегда бывает на фабрике.

Я опустила голову. Не знала что ответить. Не хотела сглупить. Понимала: то, что мистер Мэддокс засовывал палец мне под мышку, это неправильно, однако не могла не согласиться с тем, что он говорил.

Мистер Мэддокс вытянул руку и поднял мой подбородок.

- Ты не злишься на меня? - спросил он. - Я думал, мы просто разговаривали о взрослении. Слушай, если ты злишься, то должна об этом сказать. Если считаешь, что я поступил нехорошо, ты тоже можешь сделать мне нехорошо. Например, как-то обзвать. - Он помолчал. - Или ударить меня. Давай, ударь меня. - Он раскинул руки. - Прямо сюда, в желудок. Изо всех сил. - Он ждал. Потом показал на свои челюсти. - Или прямо в лицо, если хочешь.

- Нет, спасибо.

- Не хочешь меня ударить? Я знаю, ты не боишься меня, так что, полагаю, не разозлилась. Хорошо. - Мистер Мэддокс вытащил свернутые в рулон деньги и вынул оттуда двадцатку. - Вот - за дневную работу, - сказал он. И зашагал вверх по лестнице.

Двадцать долларов - это было больше того, что мистер Мэддокс обычно платил мне за день. У меня мурашки побежали по коже. Приняв деньги, я сообразила, что позволила ему купить меня. Но двадцать долларов - хорошая сумма. Мистер Мэддокс понимал, что мне они нужны, и знал, что я их возьму. Я положила деньги в карман, закончила складывать белье и ушла, ни с кем не попрощавшись.

- Мне не нравится мистер Мэддокс, - пожаловалась я сестре этим вечером.

- А он тебе и не должен нравиться. Ты просто должна знать, как вести себя с ним.

Я хотела рассказать Лиз обо всем, что произошло, но постеснялась. При этом, когда я проигрывала все это у себя в голове, подумала, что мистер Мэддокс не сделал ничего плохого, а если и сделал, то извинился. Я удержалась и не стала раздувать историю из того, что случилось, чем бы это ни было. В общем, я просто должна понимать, как обращаться с мистером Мэддоксом. Как делала это Лиз.

Глава 28

Обычно мама звонила раз в неделю, но бывало, что и реже. Когда так случалось, она извинялась, говорила, что собиралась позвонить, но вы знаете, как безумно захватывает мир музыки.

Еще не подошло время нам с Лиз приехать в Нью-Йорк, говорила нам мама, однако мы не будем вечно сидеть в «Мэйнфилде». Помимо всего прочего, для нас было хорошо, что мы представим жизнь в Байлере. Это поможет нам понять ее, осознать, почему она решила уехать. Это сделает нас благодарными ей за те страдания, которые маме достались, когда она растила нас с сестрой.

Когда я сообщила маме, что вошла в команду оживления, она вздохнула:

- Почему ты захотела в этом участвовать? - Она сама была в группе поддержки, сказала мама, и ее просто трясет от воспоминаний. Футбол - варварство. И группа поддержки - способ промывания мозгов женщин, чтобы те думали, будто мужчины - звезды, а большинство женщин считали бы, что всю жизнь должны стоять на обочине и поддерживать мужчин.

- Не становись еще одной малышкой в группе поддержки, - посоветовала мама. - Будь звездой собственного шоу. Даже если нет публики.

Я понимала, в ее словах есть смысл. Но все-таки мне нравилось находиться в команде оживления. Это было весело, у меня появились друзья. А еще я поняла, что в школе Байлера очень важно обладать силой духа.

Впрочем, Лиз приняла мамин совет близко к сердцу. Она склонялась к тому же и была рада, что в перспективе мама поддержит ее мнение. Я изо всех сил старалась добиться в Байлере успеха, но сестра постоянно делала замечания по поводу необычных местных привычек, бросалась латинскими выражениями, поправляла грамматику соучеников и гримасничала, услышав музыку кантри. После первого дня в школе мы с Лиз стали носить голубые джинсы, но через две недели сестра вернулась назад к наряду, который выделял ее из всех, к той самой оранжево-пурпурной юбке, к берету, и недавно надела даже какую-то мамину одежду - ту самую, что хотел на нас напялить дядя Тинсли, - твидовый охотничий жакет и бриджи для верховой езды. Прошли годы с тех пор, как я училась в школе вместе с Лиз, но тогда, когда я думала о ней как о блистательной, прекрасной и во всем совершенной, стало ясно: другие дети в Байлере считали, что сестра ведет себя странно и что-то изображает.

В Калифорнии мы не обращали внимание на спорт. Серьезно относились к спорту только ребята из команды. Но в Байлере всем городом владели «Бульдоги». Знаки приветствия команды вывешивались в витринах вдоль Холлидей-авеню. Люди писали лозунги «Бульдогов» на стеклах своих машин и домов и сажали в свои садах белые и красные цветы. Взрослые обсуждали, какие перспективы у команды, и спорили о силе и слабости отдельных игроков.

Учителя прерывали уроки, чтобы поговорить о предстоящей игре. И все относились к игрокам команды, как к богам.

В день игры полагалось надеть в школу красное и белое. Это не являлось правилом, но все так поступали, сказала мне Терри Прюитт. В день открытия сезона, когда «Бульдоги» должны были играть с «Совами», я надела красно-белую майку. Лиз поступила по-своему, надев оранжево-пурпурную юбку и заявив, что она нонконформист, как мама. Она надевала голубое платье, когда этого хотел Мэддокс, и сопровождала его, что бы он ни говорил, но лишь потому, что она была у него на службе. Никто в школе Байлера не советовал Лиз, что надевать или кого приветствовать.

В день игры от всех требовались бодрость духа, оживление и поддержка. Я отправилась украшать спортивный зал. Дети и учителя были в красном и белом, включая бывших учеников Нельсона. Классы соревновались в громкости своей поддержки, самый шумный выигрывал палочки с изображением бульдогов и привилегию размахивать ими вечером во время игры. Когда подошла очередь седьмого класса, мы с Ванессой стояли перед классом и размахивали руками. Кто-то встал и крикнул:

- Уходи, Пеструшка, уходи!

Я только улыбнулась и еще сильнее завертела руками. Должна признать, что я очень возгордилась, когда мы выиграли тросточки с изображением бульдогов.

Игра началась вечером. Вокруг футбольного поля включили прожекторы, хотя еще было светло. По полю дул жаркий ветер, в серебряном небе висел полумесяц.

Вся семья Уайеттов явилась пораньше, чтобы занять лучшие места внизу и оттуда подбадривать Рут. Джо, который держал Эрла, помахал мне рукой. Лиз не пришла, заявив, что согласна с мамой, футбол – варварство. Появился дядя Тинсли в серой фетровой шляпе и старом, красно-белом пиджаке университетской команды с вышитой на нем большой буквой Б. Я стояла на боковой линии игрового поля в команде оживления, и он направился ко мне.

- Итак, - сказал дядя Тинсли. - Мы уладили разногласия. - Он подмигнул. - Сделайте их, «Бульдоги»!

Места на трибуне заполнялись быстро, и там, как в школьном кафетерии, черные и белые сидели раздельно. Когда команда вышла, каждого «Бульдога» представляли, каждый выбегал на поле. Белые фанаты приветствовали белых игроков Байлера, но молчали, если объявляли черных игроков из Нельсона. Черные на трибунах поддерживали своих игроков, но, конечно, не белых.

Когда на поле вышли «Совы», фанаты приветствовали всю команду, но у «Сов» был только один черный игрок. Перед игрой люди говорили, что «Совы» слабая команда, но Биг-Крик был маленьким городом в горах, там, скорее всего, было мало черных жителей, так что в команде не возникало проблем с интеграцией, которую приходилось переживать Байлеру.

Когда на поле вышли «Совы», фанаты приветствовали всю команду, но у «Сов» был только один черный игрок. Перед игрой люди говорили, что «Совы» слабая команда, но Биг-Крик был маленьким городом в горах, там, скорее всего, было мало черных жителей, так что в команде не возникало проблем с интеграцией, которую приходилось переживать Байлеру.

В начале игры толпа была полна энергии и выкрикивала приветствия каждый раз, когда «Бульдоги» завершали передачу или игрок отбирал мяч, и мычали, если «Совы» продвигались вперед. Группа поддержки стояла около боковой линии, прыгая и тряся шариками, а в это время команда оживления бегала взад-вперед перед трибунами, подбадривая публику и выкрикивая:

- «Бульдоги» рычат, «Совы» пищат!

Всех охватил общий восторг. Однако ко второй четверти «Бульдоги» потеряли два очка, и публика скисла. Я не очень-то много знала о футболе - правила казались очень запутанными, - но поняла, что мы проигрываем. В перерыве спросила Рут, что происходит. У «Бульдогов» не было командной игры, объяснила та. Дэйл Скарберри, белый защитник, пасовал только белым, а новые черные игроки не делали блока за своими белыми товарищами. Если так продолжится, то «Бульдогов» разгромят.

Когда Дэйл Скарберри провел передачу, которую перехватил один из игроков «Сов», я удивилась, услышав, что фанаты Байлера - и ученики, и взрослые - начали мычать на свою команду. И повторяли это каждый раз, когда какой-то «бульдог» ошибался, и они не просто мычали, они еще и кричали - «От вас воняет на поле!», «Идиот!», «Выставить его!», «Ты, сосунок!», «Не мозги, а дерьмо!».

«Совы» снова выиграли. Наша команда оживления все еще прыгала и размахивала руками, пытаясь привлечь публику на свою сторону, но тут кто-то бросил на поле бумажный пакет с кухонными очистками. Я наклонилась, чтобы поднять его, и, возвращаясь на боковую линию, увидела, как на трибуне встал белый мужчина и швырнул гамбургер в сестру Ванессы, Летисию, когда та, широко улыбаясь, подняла свой шарик над головой. Гамбургер попал ей в грудь, оставив жирное пятно на нарядной красно-белой форме.

Летисия игнорировала это, но потом белый мужчина с холма, я узнала его, встал и бросил большой пластиковый стакан с мороженым и колой. Стакан ударил Летисию в плечо, крышка с него слетела, и жидкость насквозь промочила форму. Летисия продолжала дергаться и выкрикивать так же энергично, как раньше, однако улыбаться перестала.

Тетя Эл обернулась и посмотрела на обоих белых мужчин.

- Эй, так нельзя! - крикнула она.

И в этот момент на трибуне поднялся черный мужчина и швырнул стаканчик с содой в Рут. Стаканчик попал ей в плечо, и жидкость испачкала одежду.

Это было уж слишком. Джо кинулся к черному мужчине, но другой черный повалил Джо прежде, чем тот добежал. Группа белых фанатов начала прыгать по скамейкам трибуны, чтобы защитить Джо, люди кидались напитками и едой, кричали, дрались друг с другом, женщины ругались, вцеплялись в волосы, малыши плакали, дети визжали, ученица седьмого класса ударила тросточкой какого-то парня по голове. Весь этот ад продолжался до тех пор, пока на трибуны не ворвалась полиция с дубинками.

Мы проиграли со счетом 36:6.

Глава 29

В понедельник в школе все говорили только об игре. Белые ученики возмущались скандалом на трибунах, называя его постыдным и позорным, но считали, что во всем виновата интеграция. Говорили, что так и должно было получиться; раз перемешали черных и белых, то ни к чему хорошему это не могло привести. Черные дети возмущались и утверждали, что все произошло не по их вине, в Нельсоне никогда не было таких взрывов, здесь они просто защищались. Многих учеников меньше огорчал этот скандал, чем то, что «Бульдоги» отдали победу в руки «Сов Большого Крика», обычно «Бульдоги» были лучше всех. Считалось, что интеграция усилит команду, а выходит, говорили дети, мы не смогли побить даже этих слабаков из Биг-Крика.

Вскоре выступил директор и объявил, что необходимо соблюдать «взаимное уважение и единство». Но ничего этого не было, пока после ленча не начался урок английского, когда учителя открыто подняли данную тему.

Моя учительница английского, мисс Джарвис, молодая женщина с крепко сжатыми губами, сказала, что нам следовало бы обсудить все происходившее на игре.

- Начали белые, - заявила Ванесса Джонсон. - Бросив колу в мою сестру.

- Во время игр всегда кто-то что-то бросает, - заметил Тим Брюстер, мальчик с холма. - Просто вы все превращаете это в расовые отношения.

- Мы здесь не собирались обмениваться обвинениями, - произнесла мисс Джарвис. - Но я хотела бы послушать ваши соображения по поводу того, что мы можем сделать для успеха интеграции здесь, в Байлере.

Белые дети стали утверждать, будто проблема в том, что черные все продолжают говорить о предубеждении и рабстве, хотя освобождены сто лет назад. Черным можно иметь свою черную гордость, но если вы начинаете говорить о белой гордости, то объявляетесь расистом. Белые дети с холма сказали, что у их семей не было рабов. Большинство их предков работали слугами, но никто никогда не слышал, чтобы люди жаловались на то, что они были ирландскими рабами. Я осмотрелась вокруг: молчат, кто-то намерен упомянуть старую хлопковую плантацию Холлидеев? Никто не сказал ни слова, и я уверена, они даже не вспомнили об этом.

Может, рабство закончилось сто лет назад, отвечали черные дети, но еще недавно они не могли поехать в кафе «Обеды Бульдога», и даже теперь на них там презрительно смотрели. Только несколько лет назад их начали нанимать на фабрику «Текстиль Холлидей», но им все еще дают самую грязную работу. Настоящая проблема, говорили черные ученики, в том, что белых пугает вступление черных во владения спорта и музыки. Белые хотели заставить черных замолчать, и чтобы они перестали настаивать на своих правах и вернулись мыть туалеты, стирать белье и готовить еду для белых людей.

- Мы не собираемся принимать сегодня какие-либо решения, - сказала мисс Джарвис. Ей хотелось бы, чтобы мы прочитали книгу о расовом конфликте в маленьком южном городе. Название книги - «Убить пересмешника».

Мне нравилась книга «Убить пересмешника», но я не считала, что это лучшая из когда-либо написанных книг, как утверждала мисс Джарвис. Я думала, что самым интересным был не расовый конфликт, а то, как Скот и два мальчика вынюхивали все около большого дома, где как в берлоге жил отшельник. Это напоминало мне о том, что значит быть ребенком.

При всем том, что мисс Джарвис называла книгу великой, у многих детей в классе возникли с ней проблемы. Белые говорили, что они понимают: черных нельзя было линчевать, и им не нужно это подробно объяснять. Некоторые возмущались тем, что в книге город делился на хороших, уважаемых белых и на отбросы, плохих белых. Черных же детей интересовало, почему героем должен быть благородный белый парень, который пытался спасти беспомощного черного парня? Почему предводитель толпы линчевавших был описан как благородный белый парень, в сущности, как порядочный человек? Им также не нравилось то, что все хорошие черные знали свое место и заставляли своих детей вставать, когда мимо проходил благородный белый.

- Никто не бросает вызов системе, - сказала Ванесса.

- Наша дискуссия идет совсем не так, как мне хотелось бы, - произнесла мисс Джарвис. - Мне хотелось бы, чтобы вы изложили свои мысли на бумаге.

Когда дядя Тинсли услышал об этом задании, у него загорелись глаза.

- «Убить пересмешника» - в своем роде прекрасная книга, - проговорил он. - Но если ты действительно хочешь понять отношения рас на Юге, нужно читать историка К. Вудворда.

Дядя Тинсли сидел за своим столом в библиотеке. Он достал книгу со стеллажа и передал мне. Называлась книга «Странная карьера Джима Кроу».

Я начала читать, но текст был таким сложным, что я увязла в нем на первой же странице. Дядя Тинсли забрал у меня книгу и, пролистывая ее, пытался что-то объяснить, читая отрывки. Я в это время записывала.

От того, что во времена рабства белые и черные на Юге жили вместе, сказал дядя Тинсли, после гражданской войны они ладили лучше, чем черные и белые на Севере, где расы не существовали в такой близости. Юридически сегрегация (разделение) сначала стартовала на Севере, и северяне лицемерно винили во всем южан. В сущности, законы Джима Кроу вступили в силу на Юге только на рубеже веков. И приблизительно в то же время начали употреблять то слово, которое К. Вудворд называл «негрофобией», чтобы натравить бедных белых на бедных черных, в то время как эти две группы людей должны были быть естественными союзниками.

Дядя Тинсли помог мне написать сочинение и заставил меня прочитать его вслух. Кое-что он убрал. Мне нужно было себя подать, сказал он. Он играл когда-то в театральном клубе в Вашингтоне. Дядя Тинсли показал мне, какими жестами что-то подчеркнуть и как использовать то, что он называл «многозначительные паузы».

Дядя Тинсли помог мне написать сочинение и заставил меня прочитать его вслух. Кое-что он убрал. Мне нужно было себя подать, сказал он. Он играл когда-то в театральном клубе в Вашингтоне. Дядя Тинсли показал мне, какими жестами что-то подчеркнуть и как использовать то, что он называл «многозначительные паузы».

На следующий день, когда настала моя очередь читать классу сочинение, я не знала, интересно ли это будет детям, и так нервничала, что лист бумаги дрожал у меня в руках. Мне не помогло, что я по совету дяди Тинсли употребляла такие причудливые слова, как «бремя белого человека» и «негрофобия».

Я старалась использовать жесты, которые дядя мне показывал, но забыла

о многозначительных паузах. Читала быстро, размахивала руками. Закончив, подняла голову. Ученики перешептывались, что-то рисовали, некоторые даже ухмылялись. Большинство были явно сбиты с толку.

Тинки Брюстер поднял руку.

- Что такое «негрофобия»? – спросил он.

- А тебе и не нужно знать, что это означает. Это слово для тех, кто не любит черных людей, – пискнула Ванесса с задней парты. – Бин, ты просто белая девчонка, которая свихнулась.

Весь класс грохнул.

- Ванесса! – воскликнула мисс Джарвис и обратилась ко мне: – Что ж, ты нашла нечто такое, с чем согласятся все.

Глава 30

Однажды днем мы с Лиз забрались на чердак и стали открывать там сундуки и шкафы, и наткнулись на старую гитару. Мышка пожевала ее гриф, но Лиз пробежала пальцами по ладам и заявила, что звук не такой уж плохой. Когда мы принесли гитару, дядя Тинсли сказал, что это мамина гитара, она появилась у нее в то время, когда ей было столько лет, сколько Лиз сейчас. Мама решила, что станет исполнять народные песни. Сестра отнесла гитару в город, в музыкальный магазин, где продавец натянул новые струны и настроил ее. И теперь Лиз целыми днями, сидя в «птичьем крыле», брэнчала на ней.

Мама пыталась учить нас обеих играть на гитаре. Я была безнадежна. Без слуха, заявила мама. У Лиз был талант, но она не воспринимала никакой критики, а мама постоянно указывала ей на ошибки и ставила ее пальцы в правильное положение. Великие музыканты не всегда играли по правилам, говорила она, но прежде чем начать играть не по правилам, правила следует выучить. В общем, мама изводила сестру упражнениями, и в конце концов та сказала:

- Хватит.

Теперь же Лиз просто получала удовольствие, перебирала лады и играла аккорды, слушая песни по радио и соображая, что и как надо делать, но при этом никто не раздражался каждый раз, когда она брала неверную ноту.

Вскоре Лиз решила, что ей нужна другая гитара. В Байлере, в витрине музыкального магазина была выставлена подержанная гитара «Силверстоун» за хорошую цену – сто десять долларов. Продавец сказал, что это была бы выгодная покупка – и Лиз решила купить гитару на те деньги, что лежали у нее на чековой книжке. Я старалась избегать мистера Мэддокса, так что работала там мало, но сестра, которая помогала ему в офисе, отложила на свой счет около двухсот долларов.

В понедельник, вскоре после моего чтения «Негрофобии», Лиз поехала на велосипеде в город, планируя пойти в банк, взять деньги и в тот же день привезти гитару. У гитары был ремешок, и сестра собиралась ехать домой, повесив ее на спину. Она очень волновалась.

Было довольно прохладно, так что можно было видеть свое дыхание. Я надела мамин темно-синий жакет, который нашла на чердаке – он в отличие от большинства вещей не выглядел слишком старомодным, – и собирала перед домом листья в большие кучи. И тут подъехала Лиз. Без гитары.

- Что случилось? – спросила я. – Кто-то уже ее купил?

- Моих денег в банке нет, – сообщила она. – Их взял мистер Мэддокс.

Она поставила велосипед под навес, и мы сели на ступеньки у входа. После похода в банк Лиз поехала к Мэддоксам выяснить, что произошло с ее деньгами. И мистер Мэддокс сказал ей, что снял деньги с ее счета, поскольку процент был слишком низким, и вложил их в государственные облигации, с более высоким процентом, но эти деньги можно будет получить только по прошествии года. Если бы он не был так занят, то объяснил бы ей это раньше. Лиз сказала ему, что хотела взять деньги на покупку гитары, Мистер Мэддокс заметил, что глупо тратить деньги на проходящее увлечение. Большинство детей, желающих играть на музыкальных инструментах, теряют к ним интерес через два месяца, сказал он, и им или их родителям нечего было тратить деньги на эти дурацкие вещи, которые потом валялись в кладовке.

- Просто не могу поверить! – воскликнула Лиз. – Это же мои деньги. Мистер Мэддокс не может диктовать, что мне с ними делать.

Когда Лиз произносила эти слова, из дома вышел дядя Тинсли с половником в руке. Обед был готов.

- Мистер Мэддокс? – произнес он. – Джерри Мэддокс? При чем тут он?

Мы с Лиз переглянулись. Об этом нельзя было говорить дяде Тинсли.

- Мистер Мэддокс не хочет отдавать мне мои деньги, – проговорила Лиз.

- Что ты имеешь в виду?

- Мы работали у него.

- Это была единственная работа, которую мы смогли получить, – добавила я.

Дядя Тинсли долго, молча смотрел на нас. Потом сел рядом с нами, положив половник на ступеньку, и прижал пальцы к вискам. Я не понимала, был он расстроен или зол, испытывал отвращение или огорчение. Видимо, он испытывал все эти чувства одновременно.

- Нам нужны были деньги на одежду, – объяснила Лиз.

- И мы хотели помочь с расходами, – сказала я.

Дядя Тинсли глубоко вздохнул:

- Холлидеи работают на Мэддокса! Никогда бы не подумал, что до этого дойдет. И вы утаили это от меня?

- Мы просто не хотели вас огорчать, – произнесла я.

- Что ж, теперь мне все известно, и я очень огорчен.

Мы с Лиз стали объяснять, как нам хотелось не быть обузой, и потому мы искали работу. Мистер Мэддокс был единственным, кто дал работу, и он завел нам чековые книжки, а теперь, когда Лиз захотела взять деньги и купить гитару, оказалось, что мистер Мэддокс вложил их в государственные облигации.

Дядя Тинсли снова глубоко вздохнул:

- Если бы вы пришли ко мне с самого начала, я мог бы рассказать вам, что с Мэддоксом нечто подобное раньше или позже должно было случиться. Он так всегда поступает. Он - подлая змея. - Дядя Тинсли встал. - Я не хочу, чтобы вы вообще имели с ним дело.

- А как же мои деньги? - спросила Лиз.

- Забудь о них.

- Но ведь это двести долларов!

- Запиши их на счет своего опыта.

Глава 31

С того дня, как я все узнала о своем папе, я жила в одной комнате с Лиз. В ту ночь, когда сестра погасила свет, стало видно полную, яркую луну, которая бросала тени на пол. Мы лежали рядом в кровати, уставившись в потолок.

- Я хочу получить свои деньги, - внезапно произнесла Лиз.

- Как? - спросила я. - Дядя Тинсли сказал нам, чтобы мы больше не имели никаких дел с мистером Мэддоксом.

- Ну и что? Это мои деньги. Я их заработала.

- Но дядя Тинсли...

- Неважно, что сказал дядя Тинсли, - продолжила Лиз. - Что он понимает? Заперся в старом доме, ест оленьи бифштексы. Он не понимает, каково это - нуждаться в работе. И никогда не понимал. - Она села и посмотрела в окно. - Деньги - мои. Мне они нужны. Я заработала их. И намерена их получить.

Во вторник, после занятий, Лиз уселась на велосипед и покатила в город, чтобы увидеть мистера Мэддокса. Я ожидала, что она вернется через час или два. К обеду ее все еще не было. Я пошла в кухню, где дядя Тинсли открывал банку с помидорами. Он выложил помидоры в большую медную плоскую тарелку и попробовал бифштекс.

- Нужно его чем-то оживить, - сказал он. - Где Лиз?

- У нее какое-то дело. Должна скоро вернуться.

Я понесла тарелки на стол. После того как дядя прочитал молитву и прожевал несколько кусков, он спросил:

- Что за дело?
- Какое дело?
- Ты сказала, что у Лиз какое-то дело. Что за дело? – Он пристально смотрел на меня.

А я смотрела на свою ложку и пыталась сообразить, что сказать.

- Ну, знаете, дело.
- Нет, не знаю.
- Поручения и всякое такое.
- Бин, ты ужасная врунья. У тебя бегают глаза. Смотри прямо мне в лицо и говори, где Лиз.

Я почувствовала, что у меня дрожит нижняя губа.

- А в принципе тебе не нужно мне что-либо говорить. Есть только две вещи, которые я просил вас не делать, когда вы оказались здесь. Первое – не искать работу, но вы нашли ее. Второе – забыть о тех деньгах, но Лиз на следующий день поехала за ними.
- Дядя Тинсли, пожалуйста, не сердитесь на нас. Лиз просто хочет получить свои деньги. И пожалуйста, не выгоняйте нас.
- Бин, я не собираюсь выгонять вас. Давай послушаем, что она скажет.

Во время обеда дядя Тинсли поглядывал на часы.

- Уже поздно, – наконец произнес он. – Ей не следовало бы так задерживаться. Я намерен заставить ее сидеть дома, пока она не поседет. – И добавил: – Что ей действительно нужно, так это хорошая порка.
- Бин, я не собираюсь выгонять вас. Давай послушаем, что она скажет.

Во время обеда дядя Тинсли поглядывал на часы.

- Уже поздно, – наконец произнес он. – Ей не следовало бы так задерживаться. Я намерен заставить ее сидеть дома, пока она не поседет. – И добавил: – Что ей действительно нужно, так это хорошая порка.

Мы мыли посуду в кухне, когда услышали стук в дверь. Я побежала посмотреть, кто это, и зажгла свет в портике. Открыла дверь, увидела, что там стоит незнакомый мужчина, поддерживающий Лиз. Сестра плакала. Веки ее опухли и покраснели, на щеках и на подбородке были кровоподтеки, блузка порвана. Сестра обеими руками держала стаканчик и сосала питье через соломинку, но жидкости в стаканчике уже не было, там только постукивали кубики льда.

- Лиз! – крикнула я.

Она не смотрела на меня и, когда я попыталась обнять ее, отпрянула.

Подошел дядя Тинсли.

- Мистер Холлидей, я не знал, что она ваша племянница, - произнес мужчина. Он был худой, черноволосый, с черными усами, в синей куртке механика с вышитым на кармане именем «Уэйн». - Тут такое нехорошее дело, мистер Холлидей...

- Что случилось?

Уэйн объяснил, что работает в гараже, но иногда подрабатывает и таксистом. Джерри Мэддокс нанимал его от случая к случаю, ему нужен был шофер для поездок на деловые встречи. Для пущего виду.

- Мистер Мэддокс говорил, это усиливает ауру.

- Я понимаю, Уэйн.

В этот день Уэйн задержался в гараже, и тут приехал мистер Мэддокс с этой девушкой. Он сказал, что карбюратор автомобиля барахлит, но у него есть несколько встреч, на которых он должен присутствовать, и он хотел бы, чтобы Уэйн повозил его и девушку по городу. Когда они сели в машину, мистер Мэддокс сказал, что эта девушка проститутка и ему между встречами нужно кое-что поделывать на заднем сиденье.

- Господи! - воскликнул дядя Тинсли.

Они стали ездить по городу, продолжил Уэйн, останавливаясь в разных местах, девушка ждала в автомобиле, пока мистер Мэддокс куда-то уходил. Время шло, вечерело, и девушка начала выражать недовольство тем, что не получила своих денег, и все повторяла: «Это мои деньги, я их заработала». А мистер Мэддокс отвечал ей, что она получит деньги, только сначала должна сделать то, что он хочет. Уэйн подумал, будто проститутка торгуется об оплате. Спор становился все более жарким, девушка кричала громче и злее. Потом в зеркальце заднего обзора Уэйн увидел, что мистер Мэддокс ударил ее тыльной стороной руки, и она заплакала. Мистер Мэддокс поймал взгляд Уэйна.

- Смотри на дорогу! - велел он. - Я плачу тебе не за то, чтобы ты следил за мной.

Стемнело. Уэйн услышал, что его пассажиры стали драться, девушка умоляла мистера Мэддокса остановиться, и он еще два раза ударил ее по лицу. Машина остановилась на красный свет. Девушка внезапно выпрыгнула из салона. Мистер Мэддокс бросился за ней, но девушка обежала машину, вскочила на сиденье рядом с Уэйном и заперла дверь.

- Поезжайте! - крикнула она.

Уэйн тронулся, оставив мистера Мэддокса на углу. Девушка всхлипывала. Ее блузка была разорвана пополам, и она придерживала ее руками. Уэйн заметил, что проституция тяжелая работа. Неожиданно девушка сказала, что ее дядя - Тинсли Холлидей и она хочет, чтобы Уэйн отвез ее в «Мэйнфилд». Вот тогда-то Уэйн и сообразил, что девушка вовсе не проститутка.

- Она была так сильно расстроена, мистер Холлидей, - продолжил он. - Но я знаю, как надо вести себя с людьми в таком состоянии. Так что я остановился у магазинчика и купил ей колу. Думаю, это помогло ей успокоиться.

Уэйн смотрел то на меня, то на дядю Тинсли, будто хотел понять, какова наша реакция. Казалось, что он сильно волнуется.

- Спасибо вам за все, - произнес дядя Тинсли. - Вам было нелегко, но вы поступили правильно.
- Мистер Мэддокс сильно разозлился на меня, но мне наплевать. Он поступил плохо. И я готов выступить свидетелем.

Я снова попыталась обнять Лиз, и на сей раз она не вырвалась, но во всем ее теле ощущалось напряжение. Плечи были такими худенькими и хрупкими, что казалось, я могу сломать эти косточки, если обниму ее покрепче. Сестра выронила стаканчик из рук, и мороженое растеклось по полу. Я почувствовала, что, если бы не поддерживала Лиз, она бы упала.

- Уэйн, спасибо вам за все, что вы сделали, - сказал дядя Тинсли. - Вы хороший человек.

Обычно дядя Тинсли был прижимист с деньгами, но тут вытащил из кошелька двадцать долларов и протянул их Уэйну.

- Я не могу это принять, сэр, - возразил тот. - Я делал это не за деньги.
- А я настаиваю. После всего, что произошло, Мэддокс, конечно, не заплатит вам.
- Ладно, большое вам спасибо.
- Благодарю вас, Уэйн. Теперь мы справимся сами. - Он открыл дверь.

Уэйн вышел, кивнув мне и Лиз, будто говоря: «Думаю, вы справитесь».

Я снова сжала Лиз:

- Как ты?

Она покачала головой.

- Что будем делать? - обратилась я к дяде Тинсли.
- Надо уложить ее в кровать, - ответил он.
- Может, вызвать полицию?
- Не думаю, что это хорошая идея.
- Мы должны что-то сделать, - настаивала я.
- Я говорил вам, держитесь подальше от Мэддокса, но вы меня не послушали.
- И все-таки мы должны что-то сделать. - Я легонько встряхнула сестру. - А ты как считаешь?
- Не знаю, - пробормотала она.
- Ты не хочешь, чтобы он за все ответил? - У меня не выходило из головы, как Уэйн сказал, что готов выступить свидетелем. Похоже, он еще раньше подумал о том, чтобы пойти в полицию.
- Что сделано, то сделано, - произнес дядя Тинсли. - Предъявив обвинение, ты не изменишь того, что случилось. Это лишь создаст еще больше неприятностей - и большой скандал.
- Лиз, ты-то чего хочешь?

- Я хочу только одного - лечь в ванну.

Глава 32

Я приготовила для сестры ванну. Меня беспокоило, что в воде могли пропасть свидетельства того, что произошло, но Лиз хотелось полежать в ванне. Она еще хотела, чтобы вода была очень горячей, и попросила, чтобы я осталась с ней.

- Что произошло, Лиз? Он действительно...

- Он пытался. Но об этом я не желаю говорить.

- У тебя все в порядке?

- Нет.

- Не нужно ли нам поехать в больницу?

- Именно этого я больше всего не хочу.

- А вдруг у тебя что-нибудь повреждено?

- Я не хочу, чтобы кто-то меня обследовал.

- А тебя не волнует, что ты можешь забеременеть?

- Нет. Он не... сказала же, не желаю об этом говорить.

Когда Лиз забралась в ванну, она так и оставалась в белье. Она не объясняла почему, но я поняла.

- Ты умница, Лиз, - произнесла я. - Ты убежала от Мэддокса.

- Я не умница, - возразила сестра. - Если бы была умницей, никогда не села бы в машину.

- Не думай об этом. Ты же убежала.

После ванны Лиз легла в кровать и, натянув одеяло на голову, сказала, что ей хочется побыть одной. Я спустилась вниз. Дядя Тинсли находился в гостиной. Я пыталась позвонить маме, спросить, что мы должны делать, чтобы потребовать обвинения, но она не отвечала.

- Надо пойти в полицию, - сказала я.

- Нет, - заявил дядя Тинсли.

- Хотя бы поговорить с адвокатом.

- Такие дела лучше оставить при себе, в семье.

- Все гораздо хуже, чем рассказывал Уэйн. Лиз сказала, что Мэддокс пытался изнасиловать ее.

- О, боже! Бедная девочка. - Он взъерошил волосы. - И все-таки, что ни сделай, это не смягчит нанесенную травму. Будет только хуже.

- Но Мэддокс не может остаться безнаказанным.

- Ты не знаешь Мэддокса, - вздохнул дядя Тинсли. - Люди работали на Мэддокса, но не понимали, какой он человек. Больше всего он любит драку. Многие люди думают, что бой закончен, когда противник повержен, но Мэддокс считает, что тут-то и надо начать бить еще сильнее.

Мэддокс провел множество сражений в суде. У чиновника графства есть реестр судебных дел длиной в милю, где записаны все дела, в которые Мэддокс был вовлечен. Он был истцом из-за споров с соседями о границах земли. Выступал против врача по поводу преступной небрежности. Судился с химчисткой, с механиками, предъявляя претензии к починке машины, с городскими властями из-за рытвины на улице. В то время как большинство людей представляют себе суд местом, где можно искать справедливости, для Мэддокса суд - место, где можно погубить того, кто встал у него на пути или выступил на противоположной стороне.

Всему этому Мэддокс научился давным-давно, рассказывал дядя Тинсли, когда жил в пансионе на Роуд-Айленд и своровал какие-то украшения у своей хозяйки. Полиция обыскала его комнату, и Мэддокса признали виновным. Потом появился адвокат по гражданским делам, который доказал, что полиция не имела права обыскивать комнату Мэддокса без его разрешения. Дело дошло до Верховного суда. Мэддокс победил, хотя все знали, что он виновен. И вот тогда Мэддокс сообразил, что виновность и невиновность несущественны и люди, разбирающиеся в законе, могут вычислить, как закон обойти.

- Он хвастается тем, что выиграл то дело, - сказал дядя Тинсли. - Он грязно воюет. Вот почему вы не должны связываться с Мэддоксом.

- Как же нам быть? Делать вид, будто ничего не случилось?

Дядя Тинсли подтолкнул кочергой горящее полено, и искры полетели в трубу.

Я вернулась в «птичье крыло». Дядя Тинсли хотел делать вид, что ничего не произошло, а я размышляла о том, что рассказы мамы о своей семье были правдой - все родственники были специалистами по притворству.

Лиз лежала, натянув одеяло на голову. Я взяла фотографию папы и его «Серебряную звезду» из сигарной коробки, которую хранила в белой колыбели, и понесла их в ванную, чтобы рассмотреть при свете. Погладила пальцами крошечную серебряную звезду, что была внутри большой золотой звезды, и задумалась, какой совет дал бы мне отец, если бы был жив. Я смотрела на его усмешку, на его самоуверенную позу со скрещенными на груди руками, в которой он стоял, прислонившись к двери, и поняла, что одну вещь Чарли Уайетт никогда бы не сделал. Он никогда не сделал бы вид, будто ничего не случилось.

Глава 33

На следующее утро я встала раньше сестры и спустилась вниз. Дядя Тинсли находился в кухне. Он начал рассказывать, что ночью был сильный мороз, в это время года птицы, особенно голубые сойки, подлетают к окнам и разбиваются о стекло.

- Они всегда пугают меня, - сказал он. - Наверное, сами пугаются гораздо больше. Иногда они просто отпрыгивают, а порой ударяются так сильно, что падают замертво.

Было ясно, что дядя Тинсли не намерен говорить о том, что случилось с Мэддоксом, в надежде, что мы перестанем думать об этом деле. Лежа ночью в кровати, я решила, что мы с Лиз должны, по крайней мере, встретиться с адвокатом. Я не очень-то разбиралась в судах и в законах, но знала, что у всех есть адвокаты, даже у бедных черных парней из книги «Убить пересмешника». Понимала, что дядя Тинсли знает в городе всех адвокатов, но поскольку он хотел, чтобы мы забыли об этой истории, то не было смысла просить его о рекомендации или сообщать о нашем плане. У меня был приятель Билли Корбин, чей папа работал адвокатом. Можно поискать его в телефонной книге.

Когда я принесла наверх чай для Лиз, она уже проснулась. Ее лицо еще больше опухло, ссадины стали ярче, чем прошлым вечером.

- Мне нельзя идти в школу, - произнесла она.

- И не нужно. - Я протянула ей чашку с чаем и рассказала о своем плане, о том, что мы с ней поедem поговорить с папой Билли Корбина.

- Как хочешь, - сказала Лиз.

Перед тем как выйти из дома, я снова пыталась позвонить маме. Была уверена, что она хотела бы, чтобы мы предъявили обвинение, поскольку всегда выступала за женщин, отстаивавших свои права. Впрочем, никогда нельзя быть уверенным в маминой реакции. Я долго звонила, но безуспешно.

Вместо того чтобы поехать в школу на автобусе, мы с Лиз отправились в город пешком. Было не так уж холодно, однако в тех местах, куда не попадало солнце, трава была белой и ломкой. Мы прошли мимо эму, которые щипали травку на дальнем краю поля, но не остановились, чтобы посмотреть на них.

Когда мы дошли до Холлидей-авеню, я попросила телефонистку позвонить маме. Ответа не было. Я думала подняться на холм и поговорить с тетей Эл, но она не любила давать советы. К тому же, если она посоветует предъявить обвинение и мистер Мэддокс узнает об этом, он может сделать ее жизнь невыносимой. Так или иначе, но казалось, будто самым важным делом был разговор с адвокатом.

Я нашла адрес мистера Корбина в телефонной книге, висевшей на цепочке. Его офис находился над обувным магазином, на двери из матового стекла была надпись «Вильям Корбин, эск., юрист». Мы постучали, но никто не ответил. Дверь была заперта.

- А мы подождем, - сказала Лиз. Мы сели на верхнюю ступеньку лестницы.

Вскоре по лестнице стал подниматься мужчина с двумя большими портфелями, в помятом костюме. Он выглядел усталым, у него были черные круги под глазами.

- Мистер Корбин? - спросила я.

- Да. Кто вы?

- Я Бин Холлидей, а это моя сестра Лиз. Нам нужно поговорить с вами. О юридическом деле.

Мужчина улыбнулся.

- Позвольте мне сделать предположение. Ваша мама наказала вас, и вы хотите, чтобы я защитил вас?

- Это серьезно, - добавила я.

Он вытащил ключ и отпер дверь.

- Подозреваю, что так и есть. - Он посмотрел на Лиз. - Что с вами случилось?

- Вот по этому вопросу мы и хотели бы с вами поговорить, - произнесла я.

В офисе мистера Корбина был беспорядок, повсюду лежали открытые книги и бумаги. Я посчитала это добрым знаком. Каждый адвокат, который не в состоянии нанять секретаря, чтобы тот держал офис в порядке, должен быть честным.

Мистер Корбин сел в скрипящее кожаное кресло, лицом к столу, и стал переключать какие-то бумаги, лежавшие на столе.

- Итак, рассказывайте, что произошло, - велел он.

Я откашлялась:

- Все очень сложно.

- Обычно так и бывает, - заметил мистер Корбин.

- И ужасно, - добавила Лиз. Это были первые слова, которые она произнесла с того момента, как мы прибыли в город.

- Вероятно, вы вряд ли скажете мне что-то такое, чего я уже раньше не слышал, - сказал он. - И если адвокат не может держать свой рот закрытым, чтобы не говорить о том, что ему рассказывали его клиенты, то он не должен быть адвокатом.

- Сколько это будет стоить? - спросила я.

Мистер Корбин улыбнулся и покачал головой.

- Давайте сейчас об этом не беспокоиться. Просто выслушаем, в чем проблема.

- Это касается Джерри Мэддокса, - сообщила я.

Мистер Корбин поднял брови.

- Тогда представляю, насколько все сложно.

И после этого мы выложили всю нашу историю. Мистер Корбин спокойно слушал, подперев сложенными руками подбородок.

- Уэйн сказал нам, что может быть свидетелем, - добавила я.

- Какая грязь, - вздохнул мистер Корбин и потер переносицу. - Значит, вы не обратились в больницу или в полицию?

- Я хотела сначала поговорить с адвокатом.
- Почему с вами не пришел ваш дядя?
- Он хочет, чтобы мы забыли обо всем.
- А вы не хотите? Намерены предъявить обвинение?
- Я хочу, чтобы мой дядя вышиб мозги из мистера Мэддокса, - сказала я.
- Я этого не слышал.
- Что нам нужно делать по закону?
- На самом деле вопрос не в том, что вы считаете нужным сделать. Вопрос скорее в том, как вы собираетесь поступить. - Мистер Корбин поднял скрепку и отложил ее в сторону. - Мы имеем две возможности, - продолжил он. - Первая - мы могли бы настаивать на обвинении, что повлекло бы за собой судебное разбирательство, и суд может наказать мистера Мэддокса за то, что он якобы сделал. Но этого нельзя гарантировать. Вторая - мы могли бы решить, что это был инцидент, в котором принимали участие обе стороны - поскольку Лиз добровольно села на заднее сиденье машины с мистером Мэддоксом, - и нам не нужно, чтобы весь город знал об этом.
- Как же правильно поступить? - спросила я.
- Я не могу решать за вас, - ответил мистер Корбин. - Вы должны решить это сами. И, к несчастью, вы не выбираете между хорошим решением и плохим. Каждое решение по своему плохо.
- Мне не можем просто ничего не делать, - заметила я.
- А почему?
- То, что сделал Мэддокс, это плохо. И он потом будет разгуливать, посмеиваясь над тем, как ему удалось вывернуться. И он может еще раз сделать то же самое.
- Вероятно.
- Мы не должны позволить, чтобы это случилось.
- Ты думаешь, он снова попытается? - спросила Лиз.

Весь разговор вела в основном я, и меня удивило, что сестра заговорила.

Мистер Корбин пожал плечами:

- Как я уже сказал, это возможно.
- Просто не хочу, чтобы подобное повторилось, - вздохнула Лиз. - Боюсь, что он снова это сделает. Я боюсь даже столкнуться с ним.
- Вы могли бы уехать из города, - заметил мистер Корбин, - и жить с вашей мамой.
- Мы пытались сделать это прошлым летом, - сказала я. - Но ничего хорошего не получилось.

Мэддокс напал на мою сестру, а мы должны прятаться? Это неправильно.

- Да. Неправильно. Тем не менее вы должны выбирать.

- Я не знаю, как поступить, - сказала Лиз. - У меня в голове все перемешалось. Бин, что ты думаешь?

- Если мы не предъявим обвинения, то получится так, будто ничего не произошло.

- Вы правы, - кивнул мистер Корбин. - Если вы выдвигаете обвинение, то впоследствии можете отказаться от него, но не забывайте, что подобное иногда развивается по инерции.

- Хорошо, - сказала я, - если мы не желаем делать вид, будто ничего не случилось, и не хотим уезжать из города и прятаться, то у нас нет выбора. Мы должны выдвинуть обвинение.

Мистер Корбин положил скрепку на стол.

- Бин Холлидей, сколько вам лет?

- Хорошо, - сказала я, - если мы не желаем делать вид, будто ничего не случилось, и не хотим уезжать из города и прятаться, то у нас нет выбора. Мы должны выдвинуть обвинение.

Мистер Корбин положил скрепку на стол.

- Бин Холлидей, сколько вам лет?

- Двенадцать. В апреле будет тринадцать.

- Вы слишком молоды, чтобы самой принимать решение. Это должен сделать ваш дядя.

- Он сойдет с ума, - сказала я.

- Я позвоню ему. - Мистер Корбин поднял телефонную трубку и набрал номер. - Тинсли, - сказал он, - это Билл Корбин. - Он объяснил, что мы с Лиз в его офисе и решили выдвинуть обвинение против Джерри Мэддокса за якобы произошедшее прошлым вечером нападение. Он замолчал, стал слушать дядю Тинсли, потом покачал головой. - Нет, сэр. Это не мой совет. Они пришли ко мне, и я обрисовал их возможности, и они приняли это решение. - Он снова помолчал. Затем протянул трубку мне. - Он хочет поговорить с вами.

- Какого черта, что ты делаешь? - воскликнул дядя Тинсли.

- Мы собираемся выдвинуть обвинение, - произнесла я.

- Бросьте это дело!

- Тогда он снова сможет совершить попытку. А если он так и поступит? Что вы предлагаете? Спустить все на тормозах? Нет. Мы выдвигаем обвинение.

Наступило долгое молчание.

- Встретимся в офисе шерифа.

Мистер Корбин позвонил в офис шерифа и сообщил им, что мы придем. Когда я спросила,

сколько мы ему должны, он ответил, что это будет pro bono. Лиз объяснила, это значит «бесплатно».

- Вы будете нашим адвокатом? - спросила я. - Pro bono?

- Если выдвигаете обвинение, то вашим адвокатом становится государственный обвинитель, - пояснил мистер Корбин. - Вы не будете нуждаться во мне.

- Ясно.

Отдел шерифа находился в кирпичном здании с плоской крышей. Человек за столом, увидев нас, не проявил особой радости. Он позвонил кому-то. Тот вообще не улыбался. Велел мне ждать в приемной и увел Лиз в дальнюю комнату для дачи показаний.

Через несколько минут появился дядя Тинсли в одном из своих твидовых пиджаков и в серой фетровой шляпе. Он сел рядом со мной на оранжевый пластиковый стул. Мы молчали. Вскоре дядя Тинсли протянул руку и взлохматил мне волосы.

Лиз долго не было.

- Как дела? - спросила я, когда она вышла.

- Они сделали несколько фотографий, задавали вопросы, я им отвечала. Пошли домой.

Глава 34

Когда мы добрались до «Мэйнфилда», уроки в школе уже закончились. Дядя Тинсли сказал, что мы должны остаться дома и отдохнуть. Через несколько часов мы услышали шум машины на подъездной дорожке. Я подошла к окну и увидела, что это с визгом остановился черный автомобиль Мэддокса. Беременная Дорис Мэддокс вышла и захлопнула за собой дверцу. Лиз была наверху, в «птичьем крыле», а мы с дядей Тинсли вышли встретить Дорис.

На мгновение я поверила, что Дорис пришла извиниться и попытаться загладить ситуацию. Она постоянно жаловалась, что муж ее негодяй - всегда где-то шляется, у него ужасный характер, постоянно лжет. Я думала, Дорис собирается сказать что-то вроде «Слушай, то, что сделал мой муж, - плохо, но он обеспечивает меня и детей, и если вы зайдете слишком далеко, то это навредит моей семье». Но увидев ее лицо, я поняла, что она приехала не извиняться. Губы были крепко сжаты, глаза полыхали.

- Какого черта, что вы надумали? - кричала она. - Как вы смеете? Как вы смеете после всего, что мы делали для вас?

К ним в дом пришел помощник шерифа, сказала она, арестовал мужа, забрал его в тюрьму, где у него взяли отпечатки пальцев и посадили в камеру. Его адвокат занялся этим делом, и Джерри должны выпустить к концу дня. Мы не знаем, против чего мы восстали, заявила Дорис. Затеяли борьбу с вредным носорогом. Ее муж отлично знает законы. Он выиграл множество судебных дел. Вел борьбу вплоть до Верховного суда Роуд-Айленда и выигрывал. Мы еще пожалеем, что все это затеяли.

- Присяжные не поверят грязной лгунье!

Сначала меня будто оглушило, но, когда Дорис начала пугать и обвинять нас во лжи,

я вспыхнула:

- Вы вовсе не такие уж великие и могущественные. У нас есть свидетель. Он даст показания о том, что происходило. Ваш муж причинил боль Лиз, а вы теперь делаете вид, будто он святой, и еще говорите о чем-то, что он делал для нас?

- Твоя сестра проститутка! - крикнула Дорис. - Мой муж нанял ее как личного секретаря, платил ей, учил ее, доверял ей, покупал красивую одежду и вел себя с ней, как с королевой. Мы знаем, что вы обе воровали у нас. Вчера твоя сестра напилась и стала приставать к Джерри на заднем сиденье машины. Когда он отказал ей, она выдумала эту историю. Пошла против него, потому что он выгнал вашего никчемного дядю. У вас есть свидетель? Что ж, у нас есть свой свидетель. У нас есть доказательство - бутылка водки с вашими отпечатками.

Я не поняла, о чем она говорит, поскольку никогда в жизни не пила водки и была совершенно уверена, что сестра тоже не пила.

- Вы можете извращать факты сколько угодно, - заявила я. - Но вы знаете, что ваш муж это сделал. Уверена, правда выйдет наружу.

- Когда наружу выйдет правда о вас обеих, - сказала Дорис, - вы не сможете показать свои рожи в этом городе. Запомни мои слова. Мой муж уничтожит вас.

Она села в машину, хлопнула дверцей, резко выехала на поворот и помчалась по дороге так, что гравий разлетелся из-под шин. Я боролась с желанием показать ей средний палец, но понимала, что дядя Тинсли этого не одобрит.

- Она думает, что напугает нас, но у нее не получилось, правда?

- Готовится дерьмовая буря, - произнес дядя Тинсли.

Впервые я услышала от него ругательное слово.

Глава 35

Этим вечером Лиз объявила, что завтра не пойдет в школу. Ни я, ни дядя Тинсли не пытались ее отговорить.

На следующее утро, подойдя к автобусной остановке, я сразу поняла, что все всё знали. В таком маленьком городе, как Байлер, новости распространяются быстро. Стоило помощнику шерифа сказать своему шуруну, что племянница Тинсли Холлидея предъявила обвинение Джерри Мэддоксу, как через час об этом говорили в парикмахерской и в салоне красоты. Дети тоже обсуждали это и, заметив меня, зашептались: «Она идет», «Чучело появилось» и «А где же вторая?»

Когда я пришла в школу, до первого урока еще оставалось время. Я направилась в библиотеку, в которой всегда лежала газета «Байлер дейли ньюс». Я ожидала, что о деле Мэддокса будет большая статья на первой странице, потому что в газете всегда рассказывалось о местных новостях, какими бы незначительными они ни были - лошадь упала в бассейн, загорелся чей-то сарайчик или фермер вырастил помидор в пять фунтов весом. На первой странице статьи не было, не было этой истории ни на второй, ни на третьей страницах. В конце концов я нашла ее на последней странице под рубрикой «Полицейские заметки», с заголовком: «Обвиняется

хозяин фабрики».

«Джерри Мэддокс, сорока трех лет, начальник цеха в «Текстиль Холлидей», был обвинен в якобы нападении на местную девушку, чье имя не упоминается из-за ее возраста. Он был освобожден под залог. Дата суда пока не назначена».

Я считала, что это крупное дело, более значительная новость, чем помидор в пять фунтов весом, и касается она известного в городе человека. Наверняка люди сплетничали об этом, но они ведь не знали правды. Я рассчитывала, что весь город прочтает в официальном сообщении, что именно произошло. Думала, что это один из способов наказания Мэддокса и это давало бы уверенность в том, что он снова этого не совершит.

В статье даже не было сказано «пытался изнасиловать», будто редактор боялся написать это слово. «Нападение». Что это означает? Из того, что люди могли прочитать в «Байлер дейли ньюс», получалось, что Мэддокс мог просто оттолкнуть какую-то девушку, которая нахально вела себя с ним в споре из-за парковки.

Остаток дня был просто ужасным. В коридорах ученики таращились на меня, отворачиваясь, когда я ловила их взгляды. Девочки шептались, хихикали и указывали на меня пальцами. Парни ухмылялись и дурацкими, писклявыми голосами говорили всякую ерунду, вроде: «Помогите! Помогите! Ко мне пристают!»

Вскоре я столкнулась с Ванессой. Она увидела меня и покачала головой.

- Обратились к закону? Так поступают только белые.

- А что бы ты сделала? - спросила я.

- Я не села бы в машину с мистером Мэддоксом. Если забираешься на заднее сиденье к мужчине, к боссу, то должна представлять, что может случиться. Так всегда и бывает.

Лиз решила, что и на следующий день не пойдет в школу. На самом деле, сказала она, она не выйдет из дома до тех пор, пока с лица не сойдут синяки. Это была пятница, день после выхода статьи, в коридорах школы все события развивались от плохих к самым плохим. Дети продолжали тихо смеяться за моей спиной, бросали мне в голову скомканные бумажные шарики и толкали меня.

В этот вечер была футбольная игра против «Оранжевых Шершней». На этой неделе от меня не было большой помощи команде оживления. И Лиз вряд ли была в настроении придумывать стишки или каламбуры. В начале недели я придумала «Оранжевые, вы испугались?», но руководителю команды оживления, Терри Прюитт, это не понравилось. И все-таки плакаты со слоганом «Прихлопнем Шершней» были сделаны, и в пятницу вечером вся школа собралась в спортзале на еженедельное развлечение.

Когда пришло время мне и Ванессе всех «зажечь», чтобы наш седьмой класс мог выиграть, мы встали на игровое поле и начали размахивать руками. Толпа не отреагировала.

Большинство детей, сидевших на трибунах, просто таращились на нас, будто они не могли поверить, что у меня хватило смелости там появиться. Но я очень старалась, и несколько учеников нехотя прокричали нам приветствия, но потом на нас стали мычать. А вслед за этим посыпался мусор – комки жеваной бумаги, пакет с кукурузой, пенни. Я посмотрела на Ванессу. Она все размахивала руками с тем же суровым видом, какой был у ее сестры после того, как во время футбольной игры в нее попал стаканчик с содой. Я пыталась следовать примеру Ванессы, не обращала внимания на мусор и мычание, но мычание становилось громче, а приветствия смолкли. Я поняла, что продолжать не имеет смысла, и ушла с поля, оставив Ванессу одну.

Терри Прюитт стояла у дверей.

- Бин, ты в порядке? – спросила она.

Я кивнула.

- Но думаю, что уйду из команды.

Она сжала мое плечо:

- Наверное, так будет лучше.

В этот день, прежде чем я села на остановке в автобус, чтобы ехать домой, несколько мальчиков с холма столпились вокруг, стали толкать меня плечами и говорить: «Я Джерри Мэддокс. Ты боишься меня?» Учитель видел, что происходит, но отвернулся. Джо Уайетт тоже все это заметил и приблизился ко мне.

- Эй, куз, как дела? – спросил он. И обернулся к мальчикам. – Знаете, что она моя кузина?

Мальчики отошли, но все равно не пускали меня в автобус. Джо предложил проводить меня до дома.

- Есть тут некоторые – тупицы, – сказал он.

Мы шли молча. Был морозный ноябрьский день, и за городом, по дороге в «Мэйнфилд», можно было уловить запах горящих дров, плывущий из каминных труб фермерских домов.

- Хочешь поговорить обо всем этом? – спросил Джо. – Если нет, то поговорим о каштанах.

Поскольку мне меньше всего хотелось снова рассказывать об этом безобразии, то я сказала:

- Давай поговорим о каштанах.

Сейчас то время года, когда собирают каштаны, объяснил Джо. Много каштановых деревьев погибло из-за насекомых-вредителей, но он видел несколько деревьев на вершине холма, которые выжили. Джо собирал каштаны, а мама поджаривала их на огне, который он разводил в старой банке из-под масла.

- Может, завтра пойдем и соберем немного каштанов? – предложил Джо.

Глава 36

С тех пор как четыре дня назад Лиз побывала в полиции, она не выходила из дома. Не покидала «птичье крыло», а я приносила ей бифштексы на подносе. Ее продолжали преследовать мысли: правильно ли было выдвигать обвинение и не виновата ли она сама во всех неприятностях? Глупо было надеяться получить свои деньги, если Лиз сядет в машину с мистером Мэддоксом. Она задумывалась, а не лучше нам было бы, если бы нас в Лост-Лейке забрали «похитители детей».

- Вряд ли, - возразила я.

- Ничего не могу с собой поделать, - призналась Лиз. - Не могу управлять своими мыслями. - Мысленный спор был таким жарким, сказала она, что сестра чувствовала, как разные голоса выступают за нее и против. Один голос, пирожное в Зазеркалье, все говорил «Съешь меня» - и после этого она так вырастет, что люди будут ее бояться. Другой голос советовал Алисе отпить из бутылки «Выпей меня», и один глоток сделает ее такой маленькой, что никто ее не станет замечать. Лиз понимала, что это не настоящие голоса, но ничего не могла с собой поделать.

Я все пыталась дозвониться маме, но мне это не удалось. Представляла, как мама скажет, что Лиз нужно выйти из дома, подышать свежим воздухом и прочистить голову. Так что в субботу утром я настояла на том, чтобы она пошла со мной к Уайеттам, собирать каштаны.

- Я для этого не гожусь, - заявила Лиз. - И лицо у меня еще ужасное.

- Неважно, - сказала я. - Ты должна выйти из дома.

- Нет.

- Очень плохо. Ты должна. Нельзя оставаться тут вечно.

Лиз в пижаме сидела на кровати. Я стала доставать ее одежду из комода, бросать вещи в нее и еще пощелкивать пальцами, чтобы она поторопилась.

Дядя Тинсли обрадовался, увидев, что Лиз встала и оделась. Чтобы это отпраздновать, он открыл консервную банку с венскими сосисками. После завтрака мы оседлали велосипеды и поехали на холм. Тетя Эл, как всегда, была в кухне. У нее готовилась овсяная каша, и она натирала туда сыр. Увидев нас, она обрадовалась и предложила нам кашу. Лиз сказала, что мы уже поели и сыты.

- А у меня еще осталось местечко, - произнесла я.

Тетя Эл засмеялась и протянула мне тарелку.

- Надеюсь, ты понимаешь, что я верю каждому слову в твоей истории, - обратилась она к Лиз. - Весь город разделен из-за твоего обвинения, - продолжила она. - Многие люди не верят тебе - но многие верят. Дело в том, что те, которые верят, не могут открыто заявить об этом. Они хорошие люди, но запуганы. У них есть работа, и они не хотят ее потерять. Боятся Джерри Мэддокса. Но они обрадовались, узнав, что кто-то выступил против него. Ты мужественная девочка.

- Или безумная, - усмехнулась Лиз.

- Нет, - возразила я. - Безумно делать вид, будто ничего не случилось.

Тетя Эл похлопала меня по руке.

- Ты пошла в своего отца.

В кухню вошел Джо с двумя мешками из-под муки.

- Возьми еще один мешок для Лиз, - сказала тетя Эл. - И мне один тоже. Я совсем никуда не выхожу из дома, только на работу на этой чертовой фабрике.

Джо посадил Эрла на плечи и повел нас в лес за домом Уайеттов. Земля была покрыта густыми зарослями ежевики, но, когда мы зашли дальше в лес, ежевика почти исчезла. Все листья в основном опали, солнце светило сквозь обнаженные ветки, и можно было видеть мертвые стволы, упавшие сучья и толстые стебли плюща, взбирающиеся на верхушки деревьев.

Для женщины, которая проводит много времени в кухне, тетя Эл вела себя в лесу, как у себя дома. Когда она была девочкой, рассказывала тетя Эл, сбор каштанов был ее любимым занятием. Ферма родителей находилась на краю леса с каштановыми деревьями, и некоторые из них были такими большими, что трое взрослых мужчин вместе не могли обхватить один ствол. Один гигантский каштан стоял рядом с их домом, и при первом же морозе каштаны начинали падать. Они были такими крупными, что казалось, будто по крыше стучит дождь. Она и десять ее братьев и сестер вставали до рассвета, собирали каштаны и потом продавали их в городе, чтобы купить ботинки и ситец.

В тридцатые годы какая-то эпидемия из Китая погубила каштаны. За несколько лет все прекрасные огромные деревья превратились в жалкие мертвые скелеты.

- Люди говорили, что это выглядит как конец света, и так это и было.

Не стало диких индеек и оленей, которые ели каштаны, и семьи фермеров, что охотились и рассчитывали на урожай каштанов, вынуждены были уходить с земли. Они переезжали в города, вроде Байлера, где получали работу на фабриках.

- Несколько каштанов еще осталось, - сказала тетя Эл. - Джо знает, где они, но мы не хотим их показывать.

- Их нужно оставить в покое, - сказал Джо.

Вскоре дорога потянулась вверх. Подойдя к лежавшей на земле старой тракторной шине, мы свернули с тропы и стали пробираться сквозь ветви кустов. Через несколько минут Джо показал на дерево с темной корой. У дерева было два прямых ствола, вздымавшихся вверх, на ветках кое-где еще висели желтоватые зубчатые листья.

- Когда Джо в первый раз показал мне это дерево, - произнесла тетя Эл, - я упала на колени и плакала, как дитя.

Джо посадил Эрла на лежавшее рядом бревно, поднял скорлупу каштана и протянул мне. Скорлупа почти ничего не весила. Джо указал на пятно цвета ржавчины на коре дерева, размером с блюдо.

- Тут есть вредители, но они пока не погубили дерево, - объяснил он. Потом кивнул на небольшие четыре деревца и на несколько молодых ростков на старом пне. - Уверен,

они придумают, как им сражаться с этой заразой.

- Есть еще надежда для дерева, если оно спилено, что оно снова пустит ростки, и тогда эти хрупкие ростки будут жить, - сказала тетя Эл.

Я взглянула на Лиз. Она смотрела вверх на стволы-близнецы большого каштана, поднимающиеся к небу.

- О чем ты думаешь? - спросила я.

- Как грустно, наверное, было дереву стоять здесь все эти годы, когда болезнь убивала его братьев и сестер, - ответила сестра. - Как вы считаете, дерево понимает, почему только оно одно выжило?

- О чем ты думаешь? - спросила я.

- Как грустно, наверное, было дереву стоять здесь все эти годы, когда болезнь убивала его братьев и сестер, - ответила сестра. - Как вы считаете, дерево понимает, почему только оно одно выжило?

- Деревья не задумываются о таких вещах, - усмехнулся Джо. - Они просто растут.

- Вообще-то мы этого не знаем, - заметила тетя Эл. - Если задумываешься, почему выжил, это не поможет тебе выжить.

В лесу было тихо, только белки ворошили сырые листья, когда носились по земле. Мы наклонились и стали собирать каштаны.

Глава 37

К понедельнику Лиз стала выглядеть немного лучше, и мы с дядей Тинсли решили, что настало время вернуться в школу, хотя ей этого не хотелось. Сидение в «птичьем крыле», размышления и прислушивание к своим «голосам» не шло ей на пользу.

Этим утром Лиз двигалась так, будто находилась под водой, натягивала чулки, потом снимала их, ворошила свои рубашки и говорила, что не может найти того, чего ей хочется. Я боялась, что мы пропустим автобус, и велела ей поторопиться, говоря, что она тянет время. Но сестра уверяла меня, что быстрее двигаться не может. Мы опоздали на автобус, и поскольку дядя Тинсли ненавидел тратить бензин на ненужные поездки, мы решили идти в школу пешком. Уроки начались как раз в тот момент, когда мы только пришли, и это было наше первое опоздание.

Я не рассказывала сестре, что меня дразнили после того, как мы выдвинули обвинение. Для нее это стало бы еще одной причиной не возвращаться в школу. Когда мы шли по коридору, все старались не замечать Лиз, отходили в сторону и отступали. Девочки, которые игнорировали ее, теперь меняли направление своего движения и довольно громко, чтобы она услышала, что-то шептали. Они даже взвизгивали и говорили что-то вроде «Вот она!» и «Безумная Лиззи!» или «Надо отойти в сторонку!» Во время ленча ученицы пристраивались за Лиз и передразнивали ее походку, а другие в коридоре что-то кричали. Этим вечером Лиз шутила, что она чувствовала себя Моисеем, разводящим воды Красного

моря, но все это было ужасно. Сестра возненавидела школу, и каждое утро я должна была вытаскивать ее из кровати и одевать. В школе становилось все хуже, девочки открыто насмеялись над ней, передразнивали ее голос и толкали, когда Лиз проходила мимо.

В конце недели я натолкнулась на Лизу Сондерс, стоявшую с девочками на лестничной площадке. Лиза была участницей группы поддержки, но ушла из команды, когда в футбольной команде появились черные ребята. У нее был длинный нос, она завязывала свои светлые волосы в «хвост». Ее папа являлся владельцем агентства «Шевроле», и она была одним из тех детей Байлера, у которых была своя машина. Если она не была со своим бойфрендом, который всегда держал руку у нее на плече, то ее окружали подруги, которые постоянно шептались.

Лиза держала бумаги с каким-то текстом и протянула мне один листок.

- Вот, Бин. Я сделала обращение к друзьям. Заполни, если хочешь.

Эти несколько скрепленных вместе страниц с заголовком «Обращение к друзьям» были похожи на тест – с группами вопросов и каким-то сложным выбором или с уже заполненными на бланке ответами. Большинство вопросов простые: «Название вашего любимого телешоу», «Назовите модель и цвет машины, о которой мечтаете». Но некоторые были острее, например, «Какого учителя вы больше всего хотели бы видеть сгоревшим?» или «С каким учеником вашего класса вы меньше всего хотели бы пойти на свидание?». Я услышала, что подруги Лизы хихикают, но не понимала почему, пока не открыла последнюю страницу. Вот какой был последний вопрос:

«Если мальчик пойдет на свидание с Лиз Холлидей, то что он должен взять для защиты?

- А) Презерватив
- Б) Кусок мыла
- В) Ружье
- Г) Джерри Мэддокса».

У меня вспыхнуло лицо, руки сжались, будто хотели что-то схватить и разорвать на куски, и я бросилась к Лизе Сондерс с криком:

- Ты думаешь, что ты какая-то особенная, так я тебе покажу!

После этого я схватила ее за волосы, расцарапала ей кожу и порвала одежду. Лиза Сондерс впиалась ногтями мне в лицо и стала царапать кожу, но мне не было больно. Я только чувствовала злость. Мы катались по полу, ругаясь, визжа и брыкаясь, нажимали друг другу на глаза и отбивались от ударов. Ученики окружили нас и наблюдали за дракой, подбадривая и выкрикивая слова поддержки и Лизе, и мне. Бей! Бей! Ударь ее! Ударь хорошенько!

Вскоре я почувствовала на себе еще одну пару рук, мужских. Учитель, мистер Белкер, протиснулся сквозь толпу и растащил нас. Я тяжело дышала, как собака, которую трясет от ярости, но порадовалась, увидев, что поквиталась с Сондерс. Из ее длинного носа текла кровь, на лице расплылась тушь, а еще я выдернула резиночку из «хвоста» вместе

с пригоршней светлых волос.

Друзья Лизы стали обвинять меня в том, что это я начала драку. Когда мистер Белкер тащил нас обеих за руки в кабинет директора, они шли за нами, продолжая рассказывать, как Бин Холлидей неизвестно откуда и неизвестно почему прыгнула на Лизу.

Директора не было, и мистер Белкер отвел нас к мисс Клэй, заместительнице директора.

- Драка в коридоре, - сообщил он.

Мисс Клэй посмотрела на нас поверх очков.

- Я поняла, мистер Белкер, - сказала она. - Садитесь, девочки. - И она протянула нам коробку с бумажными носовыми платками. Я начала рассказывать об «Обращении к друзьям», поскольку именно с этого и началась драка, но мисс Клэй прервала меня.

- Это все неважно. - И начала читать нам лекцию о том, как она разочарована в нас, о том, что подобное поведение в школе недопустимо.

- Девочки - и бьют друг друга, - сказала она. - Это неженственно.

- Неженственно? - спросила я. - Вы думаете, мне важно, что женственно, а что нет?

Я все еще была возбуждена. И разгорячилась сильнее, когда сообразила, что мисс Клэй не намерена дать мне возможность рассказать об этом омерзительном «Обращении к друзьям». Я стала говорить, что если бы учителя выполняли свою работу и смотрели за своими учениками вместо того, чтобы отворачивать свои невидящие глаза, когда кто-то из учеников дразнится, то эти девочки не стали бы дразнить мою сестру и я не должна была бы ее защищать.

Мисс Клэй сняла очки:

- Не говорите со мной таким тоном, молодая леди. Вы должны уважать старших.

- Я уважаю людей, которые выполняют свою работу! - бросила я. - Уважать людей только потому, что они старше - полная чепуха. Джерри Мэддокс старше. И что, я должна его уважать?

- Не пытайся перейти к другой теме, - произнесла мисс Клэй, - Джерри Мэддокс не имеет никакого отношения к данному делу.

- Черта с два! - воскликнула я. - И вы тоже это понимаете. И если делаете вид, будто ничего не знаете, то вам, как и всем остальным, надо поднять вашу голову от вашей задницы.

- Джин Холлидей, вы исключены!

- Что?

- Можете провести следующие три дня дома, чтобы подумать о своем поведении.

- А как насчет нее? - Я указала на Лизу Сондерс, которая молча сидела, скрестив ноги, промокала потекшую тушь бумажными платками и изображала невинную. - Она ведь тоже дралась. И она написала эти гадости о Лиз, что я и пыталась вам объяснить.

- Меня не интересует, из-за чего вы поссорились, - заявила мисс Клэй. - Школьная администрация никогда не докапывается до причин этих ссор, и, по моему мнению, мы не должны этого делать. Вы исключены не за драку, а за употребление неподобающих слов в разговоре с заместителем директора.

Глава 38

Дядя Тинсли очень огорчился, когда я рассказала, что меня исключили из школы.

- Это унижительно, - сказал он. - Еще одно унижение семьи Холлидей. - Но как только я объяснила, что заступалась за Лиз, он сказал: - Что ж, полагаю, ты делала то, что считала необходимым. Это скажется на нашем положении в обществе.

Смешно, что вроде бы так и получилось. Когда я в конце ноября вернулась в школу, ученики относились ко мне уже по-другому. Теперь я не была Пеструха. Теперь я была девочка, которая побила Лизу Сондерс. Я предположила, что это было не что иное, как ступенька вверх. Дразнить почти перестали, и несколько человек вели себя со мной дружелюбно. Получалось так, что если прежде они думали, что пойти к полицейским и обвинить Мэддокса - предательство, все равно что побежать к учителю, когда кто-то напал на тебя, то теперь удары кулака вызывали их уважение.

Дети по-прежнему не давали Лиз спокойно жить, но судья назначил дату заседания, и всем стало понятно, что дело не заглохнет. Вот тогда-то мы и осознали, что нам есть о чем гораздо больше волноваться, нежели чем о длинном носе Лизы Сондерс и ее подружках.

На подъездной дорожке к «Мэйнфилду» и на газоне стали появляться кучи мусора. Мы вставали утром и видели, что повсюду разбросаны использованные памперсы, пустые бутылки из-под колы, банки от спагетти, пластиковые пакеты, смятая бумага и цилиндрики из-под «Принглсов». Все это носило имя Мэддокса.

Однажды, когда мы шли к автобусной остановке, на нашей дороге неизвестно откуда возник его черный автомобиль. За рулем был сам Мэддокс, он сгорбился, нагнувшись вперед, как гонщик. Мэддокс направил машину на нас с Лиз и проехал так близко, что мы отпрыгнули в канаву. Нас обдало горячим воздухом, когда автомобиль пронесся мимо. Я подняла камень и бросила его вслед Мэддоксу, но камень не долетел.

После этого стало казаться, будто Мэддокс курсировал вокруг нас почти каждый день, пытаясь сбить нас с дороги, когда видел, что мы идем домой или едем на велосипедах в город. И когда бы ни выходила из дома, я всегда слышала шум его автомобиля. Я начала набивать карман камнями и, наконец, попала в цель, сделав ему хорошую вмятину, но чаще всего Мэддокс удирал слишком быстро, так что мне не удавалось как следует его ударить.

Мы не говорили об этом дяде Тинсли. Мы никогда серьезно не обсуждали, не пойти ли нам вообще в полицию, поскольку пока ничего не могли доказать. Жаловаться на Мэддокса означало получить еще больше неприятностей. Но то, что делал Мэддокс, действовало на Лиз. Она боялась и не хотела выходить из дома. И стала все чаще рассказывать о голосах, которые предупреждали ее, что Мэддокс прячется за каждым кустом и деревом.

Я продолжала говорить Лиз - и себе, - что голоса звучат только сейчас, они сразу исчезнут, как только Мэддокса признают виновным и отправят в тюрьму. Был декабрь, до суда

оставалось три месяца, и я очень волновалась за сестру. И это заставило меня задуматься, не следует ли нам отказаться от дела. Если мы откажемся сейчас, то Мэддокс поймет, что это его террор вынудил нас сдать. Мы должны будем уехать из города. Потому что я не представляла, что поеду на велосипеде по Байлеру, зная, что могу наткнуться на него, и он улыбнется ужасной улыбкой человека, который может сделать все, что пожелает. Но и отъезд из города не станет спасением. Мэддокс будет охотиться на Лиз, и от этого голоса начнут звучать еще сильнее.

Я решила, что не могу ждать до суда. Я должна убить Джерри Мэддокса.

Глава 39

У меня не было машины, чтобы задавить Мэддокса, поэтому нужно было придумать что-то другое. За домом Мэддокса находился какой-то холм, сложенный из валунов и камней. Я заметила его, когда работала у Мэддоксов, и тогда еще подумала, что если камни покатаются вниз, то могут кого-то серьезно поранить. Или даже убить. И я решила сама сдвинуть камни.

Я буду прятаться на холме, пока Мэддокс не выйдет из задней двери, чтобы проверить градусник и выбросить мусор в мусорный бак, и тогда я столкну камень вниз и раздавлю его, как жука.

На следующий день после школы я поехала на велосипеде в Байлер, оставила велосипед у библиотеки и прошла через двор соседей Мэддокса к холму за его домом. Я пробралась мимо низкорослых сосенок на холмик, который был высотой с кресло, и одну его сторону покрывал лишайник. Я толкнула камень, чтобы посмотреть, насколько он подвижен, и поняла, что не могу его пошевеливать. Камень, наверное, весил целую тонну.

Мне нужен был помощник.

Лиз не годилась для такого дела, о дяде Тинсли нечего было и говорить. Единственным человеком, к которому я могла обратиться, был Джо Уайетт. Я жаловалась ему, как нас запугивает Мэддокс. Так что на следующий день в школе я объяснила ему свой план и спросила, захочет ли он мне помочь.

- Когда, куз? - произнес Джо.

Я рассказала, какие большие и тяжелые там камни. Джо не очень хорошо учился в школе, но был сообразительным. Джо сказал, что нам нужен рычаг, чтобы сдвинуть камень с места. У его папы есть длинный крепкий брус, он как раз годится для такой работы.

На следующий день мы встретились с Джо у библиотеки, у него в руках был этот тяжелый брус. Мы зашли в лесок за домом Мэддокса, и я показала камень. Джо подsunул под него этот брус, но камень даже не шевельнулся. Джо взял камень поменьше и использовал его как точку опоры. Потом мы вдвоем нажали на длинный конец бруска и подвинули большой камень вперед.

- Получится, - кивнул Джо.

- С Мэддоксом покончено, - сказала я.

Мы сели на сосновые иголки и стали ждать.

Приблизительно через час мы услышали свисток поезда и гроыхание и визг колес на железной дороге. Когда шум затих, открылась задняя дверь. Мы вскочили и схватились за конец бруска. Но вместо Мэддокса вышла Дорис. Она только что родила, в одной руке она несла своего розовощекого новорожденного, в другой – мешок с мусором.

Я почувствовала слабость во всем теле. Ярость, подстрекавшая меня к убийству Мэддокса, исчезла. Как бы сильно я ни ненавидела Дорис за то, что она встала на сторону мужа, я не собиралась убивать ни ее, ни маленького ребенка. Тут до меня дошло, что на самом деле я никого не хочу убивать, даже Мэддокса. Каким бы плохим он ни был.

- Может, это и не такая уж хорошая идея, - сказала я.

- Я тоже так думаю, - произнес Джо.

Мы увидели, что Дорис, не выпуская ребенка, подняла крышку бака, кинула туда пакет и положила крышку обратно. Потом она вернулась в дом. Джо вытащил брусок из-под камня.

- Хотя это была хорошая точка опоры, - проговорил он. - Могло бы получиться, если бы мы захотели.

Мы двинулись через холм от дома Мэддоксов.

- Значит, мы сдались? - спросила я.

- Нет, - ответил Джо и поддел ногой сосновую шишку. - Знаешь, мы можем все-таки напакостить Мэддоксу.

- Что ты хочешь сказать?

- «Понтиак».

Глава 40

Мы с Джо хотели разбить ветровое стекло, но побоялись, что шум заставит Мэддокса выскочить из дома. Потом Джо предложил испортить замки, но мы отказались и от этой идеи, поскольку это было бы всего лишь косметическое повреждение. В конце концов решили, что лучше всего изрезать шины. Мэддокс может, конечно, купить новые, но мы должны по-настоящему заявить о себе. А новые шины тоже можно изрезать.

Мы ждали уик-энда, когда Мэддокс должен находиться дома. Джо сказал, что мы в сумерки встретимся у библиотеки. Он всегда носил с собой большой складной нож, и мне не надо беспокоиться об оружии. Добавил, что вчера ходил, изучал улицу Мэддокса и выработал план нападения. Мы должны одеться в темное, предупредил Джо.

- Камуфляж, - объяснил он.

Когда в субботу я приехала в назначенное время, Джо ждал меня у библиотеки на парковке велосипедов. Он сел на велосипед, и мы поехали к Мэддоксу. Солнце уже садилось, был бесцветный декабрь, небо было серым.

Мы доехали до улицы Мэддокса и увидели, что «Понтиак» стоит под навесом между двумя домами. Джо велел мне спрятаться с велосипедом за кустом омелы на углу улицы. Мне нужно

было смотреть по сторонам, и, если кто-то станет приближаться, на машине или пешком, я должна закричать, как кричит сова. К этому времени солнце село, зажглись уличные фонари, под ними были круги красноватого света. Пока я ждала у куста, Джо небрежно прохаживался по улице и осматривался. Как только увидел, что вокруг все спокойно, нырнул за большой рододендрон.

Я смотрела поверх куста, как Джо перебежал от куста к кусту, часто останавливаясь, чтобы оценить ситуацию. Когда он добрался до куста вблизи дома Мэддокса, то лег на живот и стал что-то делать около автомобиля.

Вскоре загорелся свет в портике дома, стоявшего напротив дома Мэддокса. Открылась входная дверь, и старая леди выпустила маленькую собачку. Я начала ухать как сова. Собачонка залаяла. Внезапно Джо бросился ко мне. Когда он добежал до меня, то велосипед с поднятым багажником был наготове.

- Сделал два колеса, - сказал он, задыхаясь, и вспрыгнул на велосипед.

Я взобралась на багажник и оттолкнулась двумя ногами, а Джо, стоя на педалях, крутил ими так быстро, как только мог.

Мы решили объехать город и через пятнадцать минут уже находились у фабричного холма. Джо приготовился слезть и пройти остаток пути пешком, а я собиралась сойти, чтобы вернуться в «Мэйнфилд», когда рядом с нами остановилась патрульная машина. Полицейский велел нам встать на обочину. Джо остановил велосипед, а полицейский поставил машину позади нас, вышел, не выключая мотора и не погасив лампы. Надел свою шляпу с широкими полями и застегнул ремешок под подбородком.

- Кажется, тут кто-то торопится? - произнес он.

- Хочу поспеть домой к обеду, - сказал Джо.

- Мы получили сообщение, что на Уиллоу-Лейн кто-то изрезал шины, - сказал полицейский. - Вам что-нибудь об этом известно?

- Нет, сэр, - ответил Джо.

- Вы этого не делали?

- Нет, сэр.

- Вы отрицаете это?

- Да, сэр.

- Мы просто катались на велосипеде, - произнесла я.

- Я не с вами разговариваю, - сказал полицейский. Он обернулся к Джо: - А ну-ка выложи все из своих карманов на капот автомобиля.

Джо вздохнул, слез с велосипеда и начал вынимать все из карманов: ключи, мелочь, несколько винтиков, каштан. И большой складной ножик.

- Да, сэр.

- Мы просто катались на велосипеде, - произнесла я.

- Я не с вами разговариваю, - сказал полицейский. Он обернулся к Джо: - А ну-ка выложи все из своих карманов на капот автомобиля.

Джо вздохнул, слез с велосипеда и начал вынимать все из карманов: ключи, мелочь, несколько винтиков, каштан. И большой складной ножик.

Полицейский взял нож и открыл его.

- Замаскированное оружие, - заявил он.

- Это мой нож, которым я стругаю, - объяснил Джо.

- Оружие, - повторил полицейский. - Следуй за мной. - Он подошел к полицейской машине и открыл дверцу. - Залезай.

Люди медленно проезжали по улице и вытягивали шеи, чтобы посмотреть, как Джо забирается на заднее сиденье патрульного автомобиля. Я так и стояла, широко расставив ноги, придерживая велосипед. Машина тронулась с места. Я хотела помахать рукой Джо, но он не обернулся.

Глава 41

Я в темноте возвращалась в «Мэйнфилд». Пока мы с Джо планировали, а потом и проводили «операцию», мне казалось, будто порезать шины автомобиля Мэддокса было справедливо. Я хотела защищать себя и Лиз и бороться с тем, кто пытался нас убить. Но теперь мне пришлось в голову, что если бы я попыталась кому-то объяснить «операцию» с шинами, то это выглядело бы невероятной глупостью, каким-то дурацким преступлением. Теперь я даже сама не могу в это поверить. Главное, я вовлекла в неприятность Джо. Я продолжала думать о нем, уставившись на дорогу впереди, когда мимо проехала полицейская машина.

Я не могла рассказать об этом ни дяде Тинсли, ни сестре и пошла спать. На следующее утро я поехала к дому Уайеттов, чтобы узнать, что случилось с Джо. Я теперь никогда не стучалась - тетя Эл настаивала, чтобы я просто входила, считая меня членом семьи. Джо сидел у кухонного стола с Эрлом, а тетя Эл жарила яичницу с беконом. Я хотела обнять Джо, но он был каким-то безразличным. Полицейский, сказал он, забрал у него нож и прочел лекцию о том, что надо соблюдать закон. У них не было никаких данных о том, что Джо натворил что-то плохое, и они его отпустили.

- Клянусь, эти помощники шерифа могли бы лучше проводить свое время, чем забирать мальчиков с фабричного холма за то, что у тех есть нож, которым они что-то стругают, - сказала тетя Эл. - Бин, хочешь яичницу?

- Конечно, хочу, - ответила я и села рядом с Джо.

Я чувствовала облегчение, хотя мы не сказали ни одного слова при тете Эл. Джо налил мне кофе с молоком, и мы просто сидели и ухмылялись, как крокодилы. Потом тетя Эл передала мне хрустящую, блестящую от жира яичницу. Мы позавтракали, и я стала мыть посуду. Тетя Эл говорила о том, как мы погуляем по первому снегу, когда в дверь громко постучали.

Джо пошел открывать. На ступеньке стоял Мэддокс. Было холодное зимнее утро, но Мэддокс был без пальто, в черной куртке с откинутым назад капюшоном. Он ткнул пальцем в Джо.

- Я знаю, это был ты, - заявил Мэддокс.

- Вы о чем?

- Не изображай невинного, ты, сукин сын!

- Давайте обойдемся без грубых слов, - сказала тетя Эл. - В чем дело?

Мэддокс оттолкнул Джо, вошел в дом и посмотрел на меня.

- Разве не удивительно, что ты здесь? - воскликнул он.

- Она член нашей семьи, - пояснила тетя Эл. - У нее есть право тут находиться. А теперь, пожалуйста... В чем дело?

- Я скажу вам, в чем дело. Дело в хулиганстве и в порче личной собственности. Ваш парень порезал шины моего автомобиля.

- Нет, - возразил Джо.

- Я знаю, это был ты! Сначала я не мог вычислить, кто это совершил, но утром один приятель из полиции упомянул, что парня Уайеттов взяли за то, что у него был нож, и он находился в компании с одной из сестер Холлидей.

- Он говорит, что этого не делал, - произнесла тетя Эл. - Если у вас есть какие-то доказательства, то предъявите их.

- Только то, что я не имею доказательств, не означает, что он этого не делал. Но он получит по заслугам.

В кухню вошел дядя Кларенс.

- Что происходит?

- Ваш сын нуждается в порке, - заявил Мэддокс. - Во-первых, за то, что изрезал шины, а во-вторых, за то, что врет.

- Это правда, сынок? - спросил дядя Кларенс.

- Джо говорит, что он этого не делал, - сказала тетя Эл.

- Он этого не делал, - повторила я. - Вечером Джо находился со мной. Мы катались на велосипедах.

- И ты, наверное, тоже принимала в этом участие, - усмехнулся Мэддокс и ткнул пальцем в сторону тети Эл. - Вы работаете на фабрике, - произнес он и обернулся к дяде Кларенсу. - А вы получаете от фабрики чеки, как пострадавший. Люди, которые работают на фабрике и берут там деньги, делают то, что я велю. Так вот: парня нужно выпороть.

Мэддокс и дядя Кларенс долго смотрели друг на друга. Потом дядя Кларенс вышел из комнаты и вернулся с кожаным поясом в руках.

- Ох, Кларенс, - вздохнула тетя Эл.

- Снаружи, - сказал Мэддокс.

Он дал пройти Джо и дяде Кларенсу через дом, на задний двор. Джо смотрел вперед, не говоря ни слова, как было и в полицейской машине. Мы с тетей Эл вышли вслед за ними. В огороде мертвые стебли помидоров дяди Кларенса были привязаны к столбикам. Тетя Эл сжала мою руку, когда дядя Кларенс сказал Джо, чтобы тот наклонился и сжал колени. Мэддокс стоял рядом. Дядя Кларенс начал бить Джо ремнем по попе.

При первом ударе я почувствовала, что должна остановить дядю Кларенса. Тетя Эл крепче сжала мне руку. Дядя Кларенс бил и бил Джо. Тот не произнес ни слова, и, когда дядя Кларенс в конце концов остановился, Джо выпрямился. Он ни на кого не смотрел и ничего не говорил. Просто направился в лес по дороге, которая вела к большому каштану.

Мэддокс хлопнул дядю Кларенса по спине и положил руку ему на плечо.

- Остаемся друзьями, - сказал он. - Пошли, попьем пивка.

Глава 42

Дяде Кларенсу не хотелось пить пиво с Мэддоксом, и тот ушел. У дяди Кларенса начался мучительный, судорожный кашель, потом, когда ему стало легче, он надел свою военную фуражку и ушел. Я сидела в кухне с тетей Эл и Эрлом и чувствовала, что тетя Эл хочет, чтобы я не уходила. Мы долго молчали, а потом она спросила:

- Зачем вы это сделали?

Значит, поняла.

- Это я виновата, - сказала я и стала объяснять, что с тех пор, как Лиз выдвинула обвинение, Мэддокс начал бросать мусор на наш двор и пытался сбить нас своей машиной. И Лиз слышала голоса, так что я почувствовала, что мы должны как-то ответить, должны бороться, и единственным, кто мог бы мне помочь, был Джо.

- Миленькая моя, вы просто кидаете камешки в злобного быка.

Мы еще посидели с тетей Эл в кухне. Я расспрашивала ее о голосах Лиз, и она сказала, что иногда слышит, как с ней говорит Бог, а иногда - дьявол.

Рут вернулась из воскресной школы.

- Что такое? Почему такие вытянутые лица? - спросила она.

- Твой отец выпорол Джо, - объяснила тетя Эл.

- Его Мэддокс заставил, - добавила я.

- Папа бил, потому что ему велел Мэддокс?

- Прямо по попе, - сказала я.

- Мистер Мэддокс был здесь? - воскликнула Рут. - В нашем доме?

Она села за стол.

- Только что, - ответила я. Я начала объяснять, что произошло, и, закончив, увидела, что Рут опустила голову.

- Знаете, я никогда никому не рассказывала, почему перестала работать у Мэддокса, - произнесла она.

Тетя Эл испуганно посмотрела на дочь.

- Он ко мне приставал, - сообщила Рут. - Прижал меня в угол и начал лапать, как сумасшедший. Я убежала, но, конечно, напугалась.

- Миленькая моя, - вздохнула тетя Эл. - Я же спрашивала, не случилось ли чего, а ты сказала - нет.

Рут сняла свои очки и нервно крутила их.

- Мне не хотелось, чтобы об этом кто-нибудь знал.

Глава 43

Мама снова исчезла. Как только мы выдвинули обвинение, я звонила ей в Нью-Йорк, но она не отвечала. Звонила рано утром, в середине дня, поздно вечером, но бесполезно.

В конце концов, через три недели, мама позвонила. Она была в религиозном убежище, объяснила она, в Кэтскиллс. Путешествие с несколькими новыми друзьями совершили экспромтом. Мама пыталась позвонить перед отъездом, но не сумела, наверное, потому, что дядя Тинсли выключал телефон. Она оставалась в убежище дольше, чем рассчитывала, и поскольку у буддистов нет телефона, не могла позвонить.

- Там было очень хорошо, - сказала она. - Я почувствовала, что стала уравновешенной. - Она начала рассказывать, как буддисты учили, что такое «чи» и как нужно концентрироваться, но я ее прервала.

- Мама, у нас неприятности! На Лиз напал один человек. Состоится суд.

Она пронзительно взвизгнула. Потребовала рассказать обо всем подробно, и пока я говорила, выкрикивала: «Что?», «Как он посмел?», «Мои девочки! Мои детки!» и «Я убью его!» Она немедленно выезжает, чтобы рано утром оказаться в «Мэйнфилде».

- Это убьет мое «чи» ко всем чертям, - добавила мама.

- Это убьет мое «чи» ко всем чертям, - добавила мама.

Мама не приехала в Байлер к тому времени, когда мы уходили утром в школу. Она появилась, когда мы вернулись, и это было к лучшему, потому что дядя Тинсли объяснил ей все

юридические детали и Лиз не пришлось все еще раз вспоминать. Мама обняла ее. Сестра не хотела от нее отрываться, и мама обнимала ее, гладила по волосам, повторяя:

- Все будет хорошо, детка. Мама здесь.

Потом она обернулась, чтобы обнять меня. Я даже удивилась, что сильно на нее злюсь. Мне хотелось спросить: «Где же ты была все это время?» Но я промолчала и тоже обняла ее. Она стала тереться лицом о мое плечо. Я почувствовала, что мама плачет и пытается это скрыть. Интересно, действительно ли она собирается помогать нам или сама нуждается в утешении?

Когда сестра рассказала, как к ней относятся в школе, мама заявила, что Лиз больше не должна ходить в школу, по крайней мере до тех пор, пока не состоится суд. Мама будет учить ее дома.

Она предложила учить дома и меня, но я отказалась. В школе ребята по большей части перестали доставлять мне неприятности, и, кроме того, меньше всего мне хотелось бы весь день сидеть в «Мэйнфилде», размышлять о Мэддоксе, выслушивать мамины объяснения мира, как она его представляла, и читать унылые стихи Эдгара Аллана По. Теперь он стал любимым писателем Лиз, которым она заменила Льюиса Кэрролла. Мне нужно было побывать везде и во всем поучаствовать.

Поскольку мы с сестрой снова жили в одной комнате, мама переехала в другое помещение в «птичьем крыле», в то, которое в ее детстве являлось игровой комнатой. Когда мама сообщила администрации школы, что временно берет на себя образование Лиз, никто не возражал ей, поскольку грядущий суд мог вызвать серьезное напряжение. Мама избегала затевать споры с дядей Тинсли и проводила дни с Лиз, писала в журналы и вела разговоры о жизненной энергии. Все эти темы она изучала, живя в своем духовном убежище. Сестра цеплялась за маму и за ее слова, а ту это радовало. Они вместе сочиняли стихи и заканчивали друг за другом фразы. Мама привезла с собой две свои любимые гитары - «Зимэйтис» и медового цвета «Мартина» - и дала «Мартина» сестре, пообещав, что никогда не будет критиковать ее игру, даже если Лиз станет делать что-то неправильно.

Мама раздражала меня, когда только появилась, но оказалось, она очень годится для нашего случая. Лиз рассказывала ей о голосах, которые продолжала слышать. Они теперь звучали чаще, и это ее пугало.

- Если голоса реальные, то я в беде, - сказала сестра. - Если же они не настоящие, то я в еще большей беде.

Я боялась, что мама потащит Лиз к психиатру, который отправит ее в сумасшедший дом. Но мама сказала, что Лиз не должна бояться голосов. Видимо, сознание и душа разговаривают друг с другом. Когда мы спорим сами с собой, тогда и возникают эти голоса. Когда твое сознание говорит тебе, что что-то было плохой идеей, тогда и звучит его голос. Если музыка шепчет тебе в ушко стихи, то это тоже голос. Все слышат голоса, объяснила мама. Просто одни слышат голоса отчетливее, чем другие. Лиз нужно прислушиваться к этим голосам, направлять их в определенное русло и превращать их в живопись, в поэзию и в музыку.

- Не бойся темных мест в себе, - добавила мама. - Если сможешь высветлить их, то найдешь там сокровище.

Мама никогда не придавала большого значения Рождеству, утверждая, что это языческий праздник, который христиане присвоили. На самом деле Христос родился весной. А дядя Тинсли сообщил, что не отмечает этот день с тех пор, как умерла Марта. Но когда учеников распустили на рождественские каникулы, он сказал, что поскольку за последние годы это первый семейный сбор в «Мэйнфилде», мы должны отметить праздник. И мы с дядей Тинсли нашли в живой изгороди на верхнем пастбище маленький, очень красивый кедр. Срубили его, принесли в дом и повесили на него хрупкие старинные украшения из коллекции семьи Холлидей. Некоторые из них, по словам дяди Тинсли, были сделаны в 1880-х годах.

Мы избегали разговоров о суде. Мама и дядя Тинсли решили жить в мире и согласии и договорились в Рождество устроить представление. Мама исполнила несколько номеров из своего сочинения «Найди волшебство», а потом сказала:

- Ладно, если вы настаиваете, то спою еще.

Лиз прочитала поэму По «Колокола», которая, несмотря на название, была не очень-то рождественской, скорее мрачной. Я прочитала мое эссе о негрофобии, не забывая делать многозначительные паузы. Мама пошутила, что дядя Тинсли должен выкопать старый меч конфедератов, который в семье Холлидеев передавался по наследству из поколения в поколение, и вручить его мне, поскольку у меня есть южные корни.

- У меня от всей этой конфедератской чепухи в городе просто мурашки по спине, - призналась Лиз. - Один из домов на холме действительно вывесил тот флаг.

- Дело не в рабстве, - заметил дядя Тинсли, - а в традиции и в гордыне.

- Только если ты не черный человек, - усмехнулась мама.

- Дядя Тинсли, - сказала я, - может, сыграете на рояле?

Он покачал головой:

- Обычно мы с Мартой играли вместе. Но больше я не играю. - Дядя Тинсли встал. - Я устрою свое представление в кухне.

На обед он собирался сделать запеканку по старому семейному рецепту Холлидеев и отбивные из оленины с грибами, луком, репой и яблоками.

Когда обед был готов, уже стемнело. Пока мы с Лиз накрывали на стол, мама нашла в подвале бутылку вина. Она наполнила бокалы для себя и для дяди Тинсли, половину бокала для Лиз и четвертушку для меня. В Калифорнии мама любила выпить вечером немного вина. Она давала мне пригубить чуть-чуть, но сейчас впервые налила вино в мой бокал.

Дядя Тинсли прочитал короткую молитву, поблагодарил Бога за праздник с нами и поднял бокал.

- За Холлидеев!

Мама улыбнулась, и я подумала, что она вот-вот скажет что-нибудь саркастическое, но выражение ее лица смягчилось.

- Забавно, - произнесла мама. - Раньше Холлидеев собиралось очень много. - Она подняла бокал. - За нас четверых. Мы - это все, кто остался.

Всю зиму Лиз оставалась дома с мамой, которая очень серьезно занялась преподаванием. Они читали Германа Гессе и Гарджию, о котором мама услышала в ее духовном убежище. Она прочитала целый курс об Эдгаре Аллане По. Лиз особенно тянуло к таким стихам, как «Аннабел Ли», «Ворон» и «Колокола», где были строки: «И шелковая грусть не всегда прощуршит каждой из пурпурных занавесок» и «Звону колоколов, что хлынул так музыкально от колоколов, колоколов, колоколов, колоколов».

Дядя Тинси работал над своими геологическими документами, иногда ходил на охоту и два раза возвращался с мертвой крольчихой, привязанной ремешком к капоту машины. Он также энергично взялся давать уроки Лиз, читал ей лекции по математике, геологии и о составе виргинской оранжевой глины, объяснял труды К. Ванн Вудворда и причины, по которым гражданская война не должна так называться.

- В ней не было ничего гражданского, и она должна называться войной между штатами.

Мэддокс не оставлял своих попыток задавить меня автомобилем с новыми шинами, но поскольку со мной никогда не было Лиз, я перестала его бояться и начала даже получать удовольствие от школы. Мисс Джарвис, которая вела ежегодник, а также являлась моей учительницей английского языка, предложила мне работать в ежегоднике, что оказалось гораздо веселее, чем я представляла - веселее, чем находиться в команде оживления. Там было много дел. Мы должны были находить фотографии, писать статьи и рекламы и вести страницу памяти пожилого мужчины, который погиб в автомобильной катастрофе - мисс Джарвис сказала, что в течение года подобное случается очень часто, - и придумывать темы для фотоснимков, например, «Заснуть на посту» или «Простые танцевальные движения».

Тем временем ученики начали привыкать к интеграции. У футбольной команды был ужасный год, там все еще случались сражения между белыми и черными, но баскетбольная команда стала играть лучше благодаря парочке очень высоких черных игроков. Один парень был таким длинным, что его называли Башня. Он был очень хорошим игроком, и ему отвели целую страницу в ежегоднике. Группа поддержки тоже стала больше походить на команду, черные девочки теперь меньше приплясывали, а белые девочки - больше. У матери Ванессы, хозяйки салона красоты для черных женщин, где она также продавала косметику «Эйвон», был голубой «Кадиллак», и она стала возить черных и белых девочек из группы поддержки, в том числе Рут, на игры, которые проходили не в Байлере.

Лиз и мама безвылазно сидели со своими уроками дома, а я стала проводить больше времени в доме Уайеттов. Порка действительно изменила Джо. Он замкнулся и разговаривал еще меньше, чем раньше. Но тут появился пес.

Джо всегда хотел собаку. Дядя Кларенс считал, что собака, которая не охотится, не охраняет овец и просто сидит, поглощая пищу, - пустая трата денег. Однако после порки тетя Эл уговорила его позволить ей взять щенка для Джо, сказав, что собака может кормиться остатками еды. Мы пошли в загон для скота, где Джо взял черно-белого щенка. Тетя Эл объяснила, что в нем есть немного от колли, от гончей и от терьера. Джо возразил, что это чистокровная псина, и дал щенку простую кличку - Пес.

- Повезло тебе! - воскликнула я. - Хотела бы я иметь собаку!

- Пес будет нашим общим, - заверил Джо.

Пес был умным наглым малышом, который повсюду следовал за Джо. Он шел за ним каждое утро к автобусной остановке, и, когда днем тот выходил из автобуса, Пес сидел и ждал его, независимо от погоды. Эта собачонка действительно поднимала дух Джо.

В ту зиму раза два шел снег, и мы с Джо немного покидались снежками с другими ребятами с фабричного холма. Наша компания, включая Пса, прерывала сражение, чтобы обстреливать проезжавшие машины, и все убегали в лес, когда водители вылезали и пытались догнать нас, с криком:

- Возвращайтесь, вы, недоумки!

Если бы не неприятности с Мэддоксом, то можно было бы сказать, что мне в Байлере жилось хорошо.

Глава 45

У меня было очень хорошее предчувствие по поводу суда. Мы дважды встречались с Дикки Брайсоном, поверенным адвокатом. Он был крупным мужчиной, и, хотя его галстук всегда казался слишком туго завязанным, он много улыбался и шутил. Он был игроком-звездой в команде «Байлерские Бульдоги», его фотография висела на стене «Обеды Бульдога», и некоторые люди все еще называли его школьным прозвищем Блиц - внезапное нападение.

Дело было совсем простым, сказал нам Дикки Брайсон, и суд тоже будет простым. На суде он должен будет начать с помощника шерифа, который брал заявление у Лиз, и фотографий, потом вызовет на место свидетеля меня и дядю Тинсли, чтобы мы дали показания о состоянии избитой Лиз, когда она пришла домой, потом он должен будет вызвать Уэйна, чтобы тот дал показания о том, чему был свидетелем, когда возил Лиз и Мэддокса по городу, и в конце он вызовет Лиз, чтобы она изложила свою версию события.

Мне казалось, что вести это дело - все равно что в баскетболе забросить мяч в корзину. Мэддокс сделал то, что сделал. Он знал это, мы знали это, и как только присяжные заседатели услышат правду, они тоже будут это знать. В конце концов, у нас был свидетель, и его никто не склонял на нашу сторону, он не был нашим родственником или другом. Он был совершенно беспристрастным человеком. Как мы могли не выиграть?

Я все повторяла и повторяла это Лиз, но с приближением дня суда она все больше нервничала, а иногда замолкала, будто хотела от всего отказаться.

В утро суда небо было чистым, но было дьявольски холодно, даже листья рододендрона свернулись и стали похожи на тоненькие сигары. Мы с Лиз и мама одевались в «птичьем крыле», когда Лиз прижала руку ко рту и кинулась в ванную. У нее был пустой желудок, но я слышала ее позывы на рвоту и звук спускаемой воды. Когда Лиз вышла, вытирая рот тыльной стороной руки, мама протянула ей коробочку с мятными конфетками.

- Нервничать - это не всегда так уж плохо, - сказала мама. - Почти все исполнители волнуются

во время шоу. Кэтрин Хепберн обычно каждый вечер перед выходом на сцену отказывалась выступать.

Я надела желто-зеленые брюки, которые не надевала с первого дня школы, Лиз вышла в оранжево-пурпурной юбке. Мы хотели выглядеть прилично, и у нас это была единственная приличная одежда. Я чаще всего носила джинсы, а у Лиз был цыганистый наряд, который она собрала из старых маминых вещей на чердаке. Мы сожгли ту одежду, которую купил нам Мэддокс. Я боялась, что мама наденет одно из ее платьев-хиппи или что-нибудь похуже. Но она натянула черные брюки и свой красный бархатный жакет, будто это ей нужно было выходить на сцену.

- Мама, ты уверена, что правильно оделась? - спросила я.

- Вы, если хотите, можете одеться для судьи, - ответила она. - А я оделась для присяжных.

Дядя Тинсли ждал нас внизу. Он был в костюме в полоску, с жилетом, из кармашка для часов свисала маленькая золотая цепь. Никто не хотел завтракать, так что мы сразу залезли в машину. Во время поездки в город все мы старались оживить Лиз.

- Не позволяй Мэддоксу тебя запугать, - сказала я. - Он просто хулиган.

- У тебя есть факты, и закон на твоей стороне, - сказал дядя Тинсли. - Ты прекрасно со всем справишься.

- Не опускай глаза, - сказала мама, - глубоко дыши и направляй свой «чи».

- Просто мне нужно быть банальной, как в группе поддержки, - сказала Лиз. - А вы меня мучаете.

Мы перестали ее оживлять. Минуты две мы ехали молча, потом Лиз сказала:

- Простите, я знаю, вы стараетесь мне помочь. Я просто хочу, чтобы все закончилось.

Суд на Холлидей-авеню был большим каменным зданием с башенками и высокими окнами, перед ним стояла статуя солдата Конфедерации. Мы прошли сквозь крутящуюся медную дверь и увидели, что по вестибюлю бродят почти все причастные к делу. Мэддокс был одет в блестящий темно-синий костюм, так же были одеты и Дорис, и дети. Дорис держала новорожденного ребенка, Джерри цеплялся за ее юбку. Синди держала за руку Рэнди, которому в то время было два года. Когда Мэддокс увидел нас, он свирепо посмотрел на меня, я ответила ему тем же. Если это было соревнование взглядов, которого он хотел, я ему это устроила.

Дикки Брайсон беседовал с женщиной в костюме, потом сказал что-то смешное, и мужчина рассмеялся. Он повернулся и начал разговаривать с Мэддоксом, а Дикки Брайсон подошел к нам с бумагами в руках. Сообщил, что человек, беседующий с Мэддоксом, его адвокат, Лиланд Хэйс. Он проведет перекрестный допрос.

- И вы могли шутить с адвокатом Мэддокса? - спросила я.

- Байлер маленький городок, - ответил он. - Тут следует быть дружелюбным со всеми.

Около девяти часов через крутящиеся двери протиснулись тетя Эл и Джо, за ними вошел Уэйн, который затянулся напоследок сигаретой и погасил ее в пепельнице вестибюля. До того как я

успела поймать его взгляд, судебный пристав открыл двери зала заседаний и пригласил всех войти.

В зале был высокий потолок с тяжелыми бронзовыми люстрами и высокие окна, пропускавшие бледный мартовский свет. В нем все казалось очень торжественным, скамьи и деревянные стулья присяжных были очень твердыми, будто их спроектировали так, чтобы на них было неудобно сидеть.

- Прошу встать, - произнес судебный пристав, и шум, который мы создали, поднявшись одновременно, напомнил мне о церкви. Вошел судья, человек без улыбки, чьи черные очки для чтения, громоздящиеся на кончике носа, соответствовали его черной мантии. Он занял место у стоявшего на возвышении стола и стал просматривать бумаги, ни разу не взглянув на присутствующих.

- Судья Брэдли, - прошептал дядя Тинсли. - Он был в Вашингтоне и в Ли, когда и я находился там.

Пока все хорошо, подумала я. Казалось, суд - с помощниками шерифа, с судьей в мантии, стенографисткой, сидящей у маленькой пишущей машинки, - будет очень серьезным и официальным, и я восприняла это как позитивный знак.

- Мистер Мэддокс, - сказал судья, - встаньте и выслушайте обвинение.

Тот встал и выпрямил плечи. Женщина у маленького стола перед судьей тоже встала и стала читать обвинение: пытался изнасиловать, усугублял сексуальное нападение и наносил побои.

- Каков ваш ответ, виновен или невиновен? - спрашивал судья после каждого пункта обвинения.

- Невиновен, - каждый раз громким голосом, который отдавался эхом под высоким потолком, отвечал Мэддокс.

- Вы можете сесть.

Мэддокс и его адвокат расположились за столом в дальнем конце зала с ограждением. За столом, стоящим недалеко от них, что-то быстро писал в желтом блокноте Дикки Брайсон. Я надеялась, что Мэддокс почувствует, как мой взгляд сверлит его затылок.

Помощник шерифа проводил группу мужчин и женщин, которые сели по одну сторону зала суда. Я видела многих из них в городе, на холме или в магазине. Среди них была Тэмми Элберт, которая подвезла нас в «Мэйнфилд», когда мы приехали в Байлер. Она говорила, что все отдала бы, чтобы быть Шарлоттой Холлидей. Это показалось вторым хорошим знаком.

Судья посвятил несколько минут нашей судебной системе, обязанностям присяжных и ответственности горожан. Потом попросил свидетелей выйти вперед. Затем он спросил присяжных, знает ли кто-нибудь из них нас или кого-либо из адвокатов.

Встал мужчина в клетчатом пиджаке.

- Я знаю здесь почти всех, - сказал он. - Думаю, что остальные тоже знают.

- Предположим, вы знаете, - сказал судья. - Будет ли это препятствовать кому-то из вас выносить беспристрастный вердикт?

- Предположим, вы знаете, - сказал судья. - Будет ли это препятствовать кому-то из вас выносить беспристрастный вердикт?

Присяжные переглянулись и покачали головами.

- Значит, никому? Есть ли какая-нибудь другая причина, по которой присяжный считает, что не может быть беспристрастным?

Присяжные снова покачали головами.

- Давайте запишем: присяжные считают, что могут быть беспристрастными.

Два адвоката встали и стали читать фамилии из своих блокнотов. Люди, которых они называли, взбирались на места для присяжных. В их числе была и Тэмми Элберт. В течение десяти минут места для присяжных заполнились. В этот момент судья попросил свидетелей удалиться. Мы все последовали в дверь за помощником шерифа, а мама, в своем красном бархатном жакете, осталась сидеть на скамейке рядом с Джо и тетей Эл.

Уэйн прикурил и направился в вестибюль, пока помощник шерифа вел остальных в небольшую комнату. Рядом с тарелкой с глазированными булочками, которые не вызывали аппетита, стояла фильтровальная машина для кофе. Через полчаса помощник шерифа сделал знак дяде Тинсли следовать за ним. Почти через двадцать минут помощник шерифа вернулся и позвал меня. Закрывая за собой дверь, я подняла вверх большой палец - все будет хорошо!

Глава 46

Меня привели к присяге, и я села на стул для свидетеля. Мэддокс откинулся назад, скрестив руки, будто призывал меня отступить. Дядя Тинсли занял место на галерее рядом с мамой и ободряюще кивнул мне. Присяжные изучали меня, будто я была какой-то диковинкой. У меня пересохло в горле. Дикки Брайсон встал, попросил меня назвать свое имя, и я что-то пискнула, посмотрев на присяжных. Мужчина в клетчатом пиджаке ухмыльнулся.

- Ваша очередь отвечать, - произнес Дикки Брайсон.

В ответ на его вопросы я стала объяснять, как мы с Лиз начали трудиться у Мэддоксов, как я в основном работала на миссис Мэддокс, а Лиз была скорее личным помощником мистера Мэддокса, как он завел чековые книжки с накопительным счетом. Потом Дикки Брайсон спросил, что произошло в ту ночь, когда моя сестра вернулась с Уэйном, и я рассказала присяжным все, что вспомнила. Чем больше я говорила, тем спокойнее себя чувствовала. Когда Дикки Брайсон сказал: «Вопросов больше нет», я решила, что прекрасно со всем справилась.

Лиланд Хэйс встал и застегнул пиджак. У него были короткие седоватые волосы и длинный обгоревший на солнце нос. Когда он улыбался, гусиные лапки образовывались в уголках его глаз.

- Доброе утро, молодая леди, - начал он. - Как поживаете?

- Прекрасно. Спасибо.

- Хорошо. Рад слышать. - И он с блокнотом в руках подошел к месту свидетеля. - Я понимаю,

как нелегко находиться здесь и давать показания, и я восхищаюсь тем, что вы это делаете.

- Спасибо, - повторила я.

- Вы работали у Джерри Мэддокса?

- Да, сэр. - Дикки Брайсон говорил мне, что отвечать надо кратко.

- С его стороны было весьма великодушно дать вам работу, не правда ли?

- Вероятно. Но мы зарабатывали деньги. Это не являлось благотворительностью.

- Кто-нибудь еще предлагал вам работу?

- Нет. Но мы очень старались.

- Просто отвечайте - «да» или «нет». Итак, почему вы пошли работать к мистеру Мэддоксу?

- Нам были нужны деньги.

- Зачем девочкам нужны деньги? Разве ваши родители не обеспечивали вас?

- Многие дети работают, - сказала я.

- Отвечайте на вопрос, пожалуйста.

- У меня только один родитель. Моя мама. Папа умер.

- Мои сочувствия. Наверное, трудно расти без отца. Как он умер?

Дикки Брайсон встал:

- Протестую! Не имеет отношения к делу.

- Поддержано, - сказал судья.

Я посмотрела на присяжных. Тэмми Элберт усмехнулась. Она знала, как погиб мой отец. Они все знали. Они также знали, что он не женился на моей маме.

- Сейчас вы живете со своим дядей?

- Да, сэр.

- Почему? Ваша мама о вас не заботится?

- Протестую! - повторил Дикки Брайсон. - Не имеет отношения к делу.

- Ваша честь, я полагаю, что имеет, - произнес Лиланд Хэйс. - Это касается мотивов и характера.

- Согласен, - кивнул судья.

- Так почему вы не живете со своей матерью?

Я посмотрела на маму. Она сидела очень прямо, сжав губы.

- Все очень сложно, - ответила я.

- Вы поразили меня тем, что очень смышленная молодая леди. Уверен, вы сумеете объяснить присяжным, что это за сложности.

- У мамы были дела, и мы решили навестить дядю Тинсли.

- Дела? Какие?

- Личные.

- Можете сказать более определенно?

Я покосилась на маму. Она выглядела так, будто вот-вот взорвется. Я обернулась к судье.

- Я должна на это отвечать? - спросила я.

- Да.

- Но это дело личное.

- В суде часто обсуждаются личные проблемы.

- Ну, - я глубоко вздохнула, - у мамы возникли некие переживания, и ей нужно было побыть одной. Мы решили поехать к дяде Тинсли.

- Значит вы, две девочки, сами отправились в Виргинию? Ваша мама знала об этом?

- Нет.

- Храбрые девочки. А раньше ваша мама делала то же самое? Оставляла вас одних?

- Ненадолго. И она всегда была уверена, что у нас много пирогов с курицей.

- Хорошо, достаточно, - Лиланд Хэйс посмотрел на присяжных. Тэмми Элберт прямо вся вывернулась, чтобы взглянуть на маму, чье лицо стало красным, как ее жакет.

- Значит, ваша мама исполнитель?

- Певица и автор песен.

- И представление - это форма некой игры, правильно?

- Думаю, да.

- Вашу маму часто приглашают принять участие в игре, так?

- Что вы хотите сказать?

- Могла ли она, например, выдумать бойфренда, которого не существовало в действительности?

- Протестую! - крикнул Дикки Брайсон. - Не относится к делу.

Мама смотрела на присяжных и яростно трясла головой.

- Я отзываю этот вопрос. - Лиланд Хэйс откашлялся. - Когда у вашей мамы случались эти переживания, она оставляла вас в одиночестве. Это означает, что вы были должны как-то устроиваться. Даже лгать, если чувствовали, что это необходимо.
- Протестую.
- Поддержано.
- Я перефразирую. Нужно ли было вам лгать?
- Нет, - четко и громко произнесла я.
- Вы лгали или нет своему дяде Тинсли о том, что работаете у мистера Мэддокса?
- Мы просто не говорили об этом.
- То есть вы не лгали человеку, который позволил вам жить в своем доме, кормил вас и заботился о вас. Вы просто вводили его в заблуждение!
- Вероятно.
- Вы любите своего дядю Тинсли?
- Разумеется.
- Он опекал вас, потому что ваша мама о вас не заботилась. Так что вы хотите, чтобы он был всем доволен, и хотите угодить ему. Когда не вводите его в заблуждение. Это правильно?
- Да, - кивнула я.
- Говорил ли ваш дядя когда-либо, что испытывает неприязнь к мистеру Мэддоксу?
- У него была на это веская причина.
- Потому что мистер Мэддокс рекомендовал владельцам фабрики «Ткани Холлидея» прервать отношения с вашим дядей?
- Есть и еще... Дядя Тинсли думал, что он плохо обращается с рабочими.
- Отвечайте только «да» или «нет».
- Значит, вы лгали по поводу мистера Мэддокса, чтобы не огорчать своего дядю!
- Протест! - крикнул Дикки Брайсон.
- Поддерживаю, - кивнул судья.
- Хэйс снова посмотрел в свой блокнот.
- Еще только два пункта, - произнес он. - Вы брали еду из холодильника Мэддоксов без их разрешения?
- Когда я готовила сэндвичи для детей, то иногда делала один и себе.
- Значит, вы брали пищу Мэддоксов без их разрешения?

- Я не думала, что мне оно нужно.
- И вы пили водку мистера Мэддокса без его разрешения, что явилось одной из причин вашего увольнения?
- Нет! - крикнула я.
- Вы воровали деньги из комода, что стало еще одной причиной увольнения?
- Нет!
- Вы объявили вендетту мистеру Мэддоксу?
- Нет.
- Джо Уайетт ваш кузен?
- Да.
- Вы и Джо Уайетт разрезали шины машины мистера Мэддокса?

Я опустила голову.

- Я этого не делала.
 - Значит, это совершил Джо Уайетт?
- Я пожала плечами.
- Откуда мне знать?
 - Может, вы тоже находились там. Помните, мисс Холлидей, что вы под присягой. Вы помогли Джо Уайетту это спланировать или довести до конца преступление?
 - Мэддокс пытался нас убить! - воскликнула я. - Он все время пытался наехать на нас своим автомобилем. Мы должны были защищаться. Это была самозащита...
 - Все понятно, - кивнул Лиланд Хэйс. - Глупая мелкая вражда. Больше вопросов нет.
 - Но мне нужно объяснить...
 - Больше вопросов нет.
 - Вы не дали мне возможности все объяснить!
 - Молодая леди, на этом все закончено, - проговорил судья.

Лиланд Хэйс сел, а Дикки Брайсон поднялся с места. Он попросил меня объяснить присяжным, что я имела в виду, утверждая, что мистер Мэддокс пытался наехать на нас. Я рассказала, что, когда мы шли на автобусную остановку, он катил по дороге в своем «Понтиаке» и съехал из общего потока прямо на нас. Мы должны были прыгнуть в канаву, чтобы дать ему проехать.

Лиланд Хэйс спросил:

- Вы когда-либо заявляли об этом в полицию?
- Нет, - ответила я.
- Значит, в полиции нет записи об инциденте?
- Но он это делал!
- Это будут решать присяжные. Вы допускаете, что между вами и мистером Мэддоксом вражда?
- Я думаю, вы можете это так назвать. Но все началось, потому что он...
- Вопросов больше нет.

Судья сказал, чтобы я сошла вниз, но у меня не было сил двигаться. Я только что предала маму. Выдала Джо. И призналась, что лгала дяде Тинсли. Как это получилось? Я считала, что во всем права, желала лишь одного - рассказать правду о том, что Мэддокс проделал с Лиз, и тогда я уже не выглядела бы враньей, воровкой, злобным погубителем шин. Я чувствовала себя оскорбленной и вместе с тем хотела убежать из зала суда, забраться в какую-нибудь глубокую, темную дыру и остаться там навсегда.

Я сошла с возвышения для свидетелей. Дикки Брайсон говорил мне, что после того, как я закончу давать свидетельские показания, могу сесть на галерее. Когда я проходила мимо Мэддокса, он покачал головой и посмотрел на присяжных, будто хотел сказать: «Ну вот, вы видите, что это за девочка».

Я села между мамой и дядей Тинсли. Он похлопал меня по руке, но мама даже не взглянула на меня.

Дикки Брайсон попросил судебного пристава привести Уэйна Клеммонса, который ходил по коридору и курил. Он был в серой ветровке, но даже не побрился. После того как Уэйн принял присягу и сел, он пробормотал свое имя и опустил голову, будто стал изучать шнурки на своих ботинках. Дикки Брайсон попросил его описать, чему он был свидетелем в ночь тех событий.

- Да особенно и нечего рассказывать, - произнес Уэйн. - Мэддокс и девушка сидели на заднем сиденье моей машины и спорили из-за денег. Она хотела получить у него деньги. Но на самом деле я ничего не видел.

- Как же так? - удивился Брайсон.
- Я вел автомобиль и смотрел на дорогу.

Брайсон вынул из пачки лист бумаги.

- Мистер Клеммонс, вы говорили в полиции, что наблюдали, как Джерри Мэддокс физически и сексуально нападал на Лиз Холлидей на заднем сиденье вашего такси?

- Я не могу вспомнить, чего я говорил в полиции. Я немного выпил, и вообще, с тех пор, как вернулся из Вьетнама, у меня память ни к черту. Забываю то, что случилось, и помню то, чего не было.

- Мистер Клеммонс, позвольте напомнить, что вы здесь под присягой.
- Как я уже сказал, я смотрел на дорогу. Откуда я мог знать, что происходило на заднем сиденье?
- Это ложь! - крикнула я.

Судья стукнул молоточком и заявил:

- Я требую соблюдать порядок в суде.
- Но как он может сидеть тут и лгать...

Но судья снова стукнул молоточком и воскликнул:

- К порядку!

Потом он обернулся к судебному приставу, что-то прошептал ему на ухо, и тот вышел через боковую дверь. Через несколько минут я почувствовала, что мое плечо крепко сжала чья-то рука. Я повернулась - это был судебный пристав. Он поманил меня пальцем. Я встала и посмотрела на Уэйна Клеммонса, который все еще разглядывал шнурки своих ботинок. Судебный пристав вывел меня из зала, закрыв дверь, и произнес:

- Судья не хочет, чтобы вы возвращались.

Дверь судебного зала открылась, и появился Уэйн.

- Почему вы врала? - выпалила я.
- Довольно, молодая леди, - сказал судебный пристав.

Уэйн покачал головой, прикурил и двинулся по коридору к выходу.

- Не возвращайтесь в комнату свидетелей, - сказал судебный пристав, - и не разговаривайте с другими свидетелями.

Я села на скамейку в коридоре. Вскоре судебный пристав открыл дверь в комнату свидетелей.

- Поднимайтесь, мисс, - произнес он.

Лиз встала и пошла за ним. Ни разу не взглянув на меня.

В начале второго двери судебного зала открылись. Лиз вышла из двери с мамой и дядей Тинсли, будто они ее охраняли. Джо и тетя Эл следовали за ними.

- Как там было? - спросила я сестру, но она молча прошла мимо меня.
- Просто отлично, - сказала мама.

- Этот адвокат был очень суров с ней, - добавил дядя Тинсли. - Потом место для свидетелей занял Мэддокс. Он заявил, что уволил вас за воровство, и вы обе делали все это у него за спиной.

- Грязный лгун! - воскликнула я. - Наверное, они этому не поверили.

- Они не знают, чему верить, - усмехнулся дядя Тинсли. - Но мы не должны это обсуждать, пока не закончится суд.

Мы отправились в «Обед Бульдога», заняли столик сзади, под фотографиями футбольных игроков. Вошли адвокаты, судья и заняли столик в середине. За ними следовали присяжные, те сели у стойки. Когда мы взяли меню, появился Мэддокс, он занял столик впереди.

- Тут сидит мешок дерьма! - громко сказала я.

- Тихо, - зашипел дядя Тинсли. - Не надо разговаривать о деле. Хочешь, чтобы присяжные не вынесли никакого решения?

- Как мы можем есть в одном помещении с ним? Меня стошнит.

- Все обедают здесь, - заметил дядя Тинсли.

- Это одна из радостей жизни маленького города, - усмехнулась мама.

После ленча мы вернулись в суд и сидели на неудобных скамейках в коридоре, когда присяжные начали свое обсуждение. Я считала, что они будут долго разбираться с основными данными и обдумывать юридически спорные вопросы, но через час судебный пристав позвал всех в зал. Он сказал мне, что поскольку свидетели закончили давать показания и присяжные вынесли вердикт, судья позволил мне вернуться.

Друг за другом вошли присяжные. Я взглянула на Тэмми Элберт, но она смотрела на судью. Помощник передал ему листок бумаги. Судья развернул его и прочитал.

- Вердикт гласит: невиновен по всем обвинениям, - произнес он.

Тетя Эл открыла от изумления рот, а мама крикнула:

- Нет!

Судья стукнул молоточком по столу.

- Суд закончен.

Мэддокс хлопнул Лиланда Хэйса по спине и стал пожимать руки присяжным. Мы с Лиз сидели и молчали. Я чувствовала себя сбитой с толку, будто мир перевернулся и мы оказались в таком месте, где виноватый был невиновен, а невиновный - виноватым. Как же жить в таком мире?

Дикки Брайсон убрал свои бумаги в папку и подошел к нам.

- В таких делах, как «он-сказал-она-сказала», трудно что-либо доказать, - произнес он.

- Но у нас был свидетель, - возразила я.

- Нет, сегодня у вас не было свидетеля.

Мы сели в машину и поехали по Холлидей-авеню. Я взяла Лиз за руку, но она высвободилась и отодвинулась к дверце. Мама была так возбуждена, что с трудом сдерживала себя. Когда она прикуривала, у нее дрожали руки. Этот адвокат защиты – монстр, сказала она. Какие возмутительные, лживые слова он говорил о ней. И как отвратительно вел себя с ее девочками. С Лиз он обошелся еще хуже. Воображение Лиз и ее творческую натуру использовал против нее же. Обвинял Лиз в том, что она постоянно что-то выдумывала – например, она меняла окончания сказок. Якобы синяки на лице Лиз появились после того, как Тинсли Холлидей ударил ее. Он спросил Лиз об извращенце, от которого мы удрали в Новом Орлеане, потом сказал присяжным, что это свидетельствует о том, что она называет мужчин «извращенцами» без всяких доказательств. Еще адвокат добавил, что два любимых писателя Лиз – Льюис Кэррол и Эдгар Аллан По – сами были извращенцами. Мол, ложь стала привычкой Лиз, наделенной сверхактивным воображением и одержимой идеей извращения – и что это само по себе больше чем легкое извращение. И мама стала говорить, как ненавидит Байлер, город, наполненный провинциалами, деревенщиной и недоумками. Город недалеких людей, ограниченных, с подлой душой, отсталых и предубежденных. Присутствие в зале суда стало самым унижительным испытанием в ее жизни. Мы, а не Мэддокс действительно были в суде в одиночестве, представив суду наши ценности и наш стиль жизни, нашу готовность выйти в мир и делать что-то иное и творческое, вместо того чтобы тратить время в этом большом клаустрофобией фабричном городишке.

- Замолчи, Шарлотта, – пробурчал дядя Тинсли.

- Вот в этом-то и проблема, – усмехнулась мама. – Все предлагают заткнуться и притворяться, будто все в порядке. Маленькая Бин была единственной, кому хватило мужества встать и сказать, что все это ложь.

- Присяжные думали, что лгу я, – тихо промолвила Лиз. – И ничего не произошло. Вы же слышали вердикт. Ничего не произошло. – Она посмотрела в окно. – Была куча лжи или лживая куча? – Лиз вытянула ноги и обхватила колени. – Тучи лжи или лживые тучи? Тучные ежи или с ежами тучи? Ежовые ножи или ножки ежих? Лживые ежики или у ежиков ножки? Ежик и нож или ложь, ложь, ложь?

- Перестань, пожалуйста!

- Не могу.

Казалось, что день будет длиться вечно, но, когда мы вернулись домой, оказалось, что еще не поздно. Если утро было ясным, то теперь небо заволочло облаками и начался холодный, морозящий дождик. Лиз сказала, что поднимется в «птичье крыло», чтобы побыть одной и подремать. Дядя Тинсли решил разжечь камин в гостиной и попросил меня набрать под деревьями щепок на растопку. Я не смогла найти хороших щепок, потому отрубила немного от двух небольших бревен топориком, который висел на стене.

- Перестань, пожалуйста!

- Не могу.

Казалось, что день будет длиться вечно, но, когда мы вернулись домой, оказалось, что еще не поздно. Если утро было ясным, то теперь небо заволочло облаками и начался холодный, морозящий дождик. Лиз сказала, что поднимется в «птичье крыло», чтобы побыть одной и подремать. Дядя Тинсли решил разжечь камин в гостиной и попросил меня набрать под деревьями щепок на растопку. Я не смогла найти хороших щепок, потому отрубила немного от двух небольших бревен топориком, который висел на стене.

После суда приятно было заняться чем-либо простым. Кидаешь полено на колоду для рубки, опускаешь топорик, и полено раскалывается надвое. Потом складываешь это и раскалываешь еще одно полено. Никаких хитростей, никаких сюрпризов.

Нарубив щепок, я сложила их в холщовый мешок, добавила к ним несколько прутиков из старого ящика и отнесла в дом. Дядя Тинсли стоял на коленях перед камином и набивал его газетой и порванным на полоски картоном. Мама сидела рядом в обитом парчой кресле-качалке. Они с дядей Тинсли, похоже, устали от неприятностей. Он говорил о том, как важно, чтобы пламя было сильным, как надо правильно рассчитать количество материала для того, чтобы огонь разгорелся. И пока огонь не разгорится, дрова не класть. Иначе пойдет дым.

- Бин, узнай, может, Лиз спустится к нам, - сказала мама. - Она могла бы погреться, когда здесь станет тепло.

Я взобралась по лестнице на второй этаж. Дядя Тинсли всегда отключал радиаторы до тех пор, пока температура сильно не понижалась и в холле становилось холодно. Дождь усилился, и было слышно, как он барабанит по металлической крыше. Открыв дверь нашей комнаты, я увидела, что сестра лежит на кровати. Неожиданно она издала булькающий звук, который меня напугал.

- Лиз! - воскликнула я. - У тебя все в порядке?

Я села рядом с ней, потрясла ее руку и позвала ее по имени, и, когда она посмотрела вверх, взгляд ее был затуманен и блуждал. Она пробормотала несколько слов, но я их не поняла. Я побежала вниз.

- Лиз плохо! - крикнула я.

Мама вскочила с кресла, дядя Тинсли выронил из рук полено. Мы все побежали наверх. Дядя Тинсли сильно встряхнул Лиз.

- Ты что-нибудь принимала? - спросил он.

- Таблетки, - пробормотала она.

- Какие?

- Мамины таблетки.

Дядя Тинсли посмотрел на маму:

- О каких таблетках она говорит?

- Наверное, о моем снотворном.

- Ты выпила снотворное?

- А?

- Шарлотта, иди, проверь пузырек.

Дядя Тинсли стал шлепать Лиз по лицу и стащил ее с кровати. Сестра закачалась и упала на пол. Сказал, что мы должны разбудить Лиз. Мама вернулась и сообщила, что пузырек пуст, но там оставалось немного, шесть или восемь таблеток. Дядя Тинсли потащил Лиз в ванную, а мама шла за ними, объясняя, что в последние дни она иногда давала Лиз лекарство, чтобы та не нервничала. Дядя Тинсли заставил Лиз выпить несколько стаканов воды и потом наклонил ее над унитазом, а сам засунул ей пальцы в рот, до горла. Лиз вырвало прямо ему на руки, но дядя Тинсли не убирал пальцев, пока не дождался просто рвотного спазма. Затем он запихнул ее в ванну и включил холодный душ. Лиз начала кашлять и размахивать руками, бить дядю Тинсли и просить маму остановить его.

- Надо, чтобы вышло лекарство, миленькая, - объяснила мама.

- Тут уж не до веселья, - сказал дядя Тинсли.

- Может, вызвать «Скорую помощь»? - предложила я.

Мама и дядя Тинсли в один голос сказали «нет». Запинаясь, подыскивая слова, дядя Тинсли произнес:

- Мы все контролируем.

- С ней все будет в порядке, - заверила мама. - Сегодня мы уже достаточно имели дел с официальными лицами.

Дядя Тинсли принес Лиз одну из своих больших фланелевых рубашек. Мы с мамой помогли ей ее надеть, затем завернули в одеяло и свели вниз, посидеть у камина, пока дядя Тинсли переодевался. Мама сделала Лиз горячий кофе, а я вытирала и расчесывала ее волосы.

- Ты пыталась убить себя? - спросила я сестру.

- Я просто хотела заснуть, - ответила она. - Мечтала, чтобы все исчезло.

- Это глупо, - сказала я, хотя понимала, что так говорить нельзя. - Это же то, что делал Мэддокс, когда пытался нас убить. Значит, ты собираешься сама сделать это за него?

- Оставь меня в покое, - попросила Лиз.

- Бин права, - произнесла мама. - Он бы обрадовался, услышав, что ты отравилась таблетками. Не давай ему повода позлорадствовать.

Лиз пила кофе и смотрела на огонь в камине.

Глава 48

Утром, когда я утром проснулась, Лиз все еще крепко спала. Я слегка толкнула ее локтем, и она пробормотала, что жива и хочет, чтобы ее оставили в покое. Поскольку была суббота,

я дала ей еще поспать.

Я спустилась в кухню, где дядя Тинсли пил кофе и читал свой геологический информационный бюллетень. Положила себе на тост яичницу, села рядом и стала есть. Вошла мама с книгой в руках.

- У меня потрясающая идея по поводу одной экскурсии! - воскликнула она и протянула мне журнал. Это была реклама поездки к знаменитым деревьям Виргинии. Мама сказала, что мы с Лиз постоянно говорили об особых деревьях вокруг Байлера, о большом тополе около школы и о каштане в лесу за домом Уайеттов. Но они - ничто по сравнению с деревьями, которые действительно поражают воображение - это кипарис без листвы в Ноттоуэй-Ривер-Свампе - самое большое дерево во всем штате, трехсотлетняя красная ель в Джефферсон-Форест и огромный дуб в Хэмптоне. Под его ветвями читали рабам прокламацию об освобождении. Этим деревьям - дюжины, продолжила мама, каждое из них очаровывает и может изменить жизнь. Так что мы, три девочки, могли бы посмотреть на них, соединившись с их душами.

- Они будут нас вдохновлять, - добавила она. - Это то, в чем мы нуждаемся.

- Экскурсия, Шарлотта? - спросил дядя Тинсли. - Сейчас не время для экскурсий.

- Ты всегда настроен негативно, - усмехнулась мама. - Отвергаешь любые мои предложения.

- А как же школа? - спросила я.

- Я буду учить вас дома.

- Мы сейчас поедem?

- Мы не можем здесь оставаться, - ответила мама. - Или тебе тут нравится жить, а?

Я была настолько потрясена судом, вердиктом и тем, что Лиз приняла эти дурацкие снотворные таблетки, что не могла даже и думать о том, что нам теперь делать.

- Мама, я не знаю, чего желаю, но мы не можем уехать просто так.

- Почему?

- Каждый раз, когда у нас возникает какая-нибудь проблема, мы уезжаем. Но в новом месте всегда сталкиваемся с новой проблемой, и нам приходится покинуть и его. Мы всегда только уезжаем. Разве нельзя однажды где-то остаться и решить проблему?

- Правильные слова, - заметил дядя Тинсли.

- Вы пытались решить проблему, выдвинув обвинение против Мэддокса, и видите, куда это вас привело, - возразила мама.

- И что же мы должны были делать? Убежать? - Я неожиданно разозлилась. - Это то, что тебе прекрасно удается, правда?

- Как ты смеешь так разговаривать со мной? Я твоя мать.

- Тогда изменись и веди себя как мать. У нас не возникло бы всех этих неприятностей, если бы ты вела себя разумно.

Раньше я никогда так с мамой не разговаривала. Сообразила, что зашла слишком далеко, но было поздно. Мама села к столу и заплакала. Она пыталась быть хорошей матерью, говорила она, но это было трудно. Не знала, что делать, куда идти. Мы все не могли бы поместиться в мерзкой однокомнатной квартире, которую она снимала в Нью-Йорке, и мама не могла позволить себе что-нибудь получше. Если мы не хотим ехать на экскурсию, то могли бы найти дом в Кэтскилле, около духовного убежища. Она не желает оставаться в Байлере.

Дядя Тинсли обнял маму за плечи, и она вздохнула.

- Не такой уж я плохой человек, - промолвила мама.

- Знаю, знаю, - кивнул он. - Всем нам трудно.

Я была готова извиниться за свои слова, но промолчала. Чувствовала, что права, и маме нужно осознать свое поведение. Дядя Тинсли продолжал утешать ее, а я налила стакан апельсинового сока для Лиз и пошла наверх, посмотреть, как у нее дела.

Лиз спала, и я разбудила ее. Она повернулась на спину и уставилась на потолок.

- Как себя чувствуешь? - спросила я.

- А как я должна себя чувствовать?

- Довольно паршиво. Вот, пей.

Лиз села и отхлебнула сок. Я рассказала о маминей идее с экскурсией и о возможности переезда в Кэтскилл, к ее духовному убежищу. Сестра молчала. В любом случае, продолжила я, мама говорит, что должна покинуть Байлер, и нам нужно решить, что мы собираемся делать.

- Ты старшая, - сказала я, - но, с моей точки зрения, мамина идея с этой экскурсией такая же безумная, как и остальные ее идеи. А план с Кэтскиллом - просто психоз какой-то. Я не хочу уезжать в духовное убежище и жить с буддистскими монахами. А если маме и там не понравится? К тому же осталось три месяца до окончания учебного года. Нам нужно доучиться в Байлере. У нас есть дядя Тинсли и Уайетты. Дело с Мэддоксом закончилось. Нам может не нравиться, как именно оно закончилось, но это так.

- Не знаю, - сказала Лиз. - У меня болит голова. - Она поставила стакан с соком на тумбочку около кровати. - Я хочу спать.

Я спустилась вниз. Дядя Тинсли добавлял дрова в камин, мама сидела в кресле-качалке. У нее опухли веки от слез. Она выглядела спокойной, но при этом грустной.

- Мама, прости меня за все, что я говорила. Я понимаю, что это больно.

- Было бы не больно, если бы не являлось правдой, - сказала мама.

- Иногда я бываю резкой.

- Не извиняйся за то, что ты такая, какая есть. И никогда не бойся говорить мне правду.
- Мисс Клэй в школе считает, что у меня безобразный рот.
- Она права, - усмехнулась мама. - И если ты сможешь заставить его работать на себя, то он далеко тебя уведет.

Глава 49

Лиз целый день лежала в кровати и проспала всю ночь. На следующее утро она отказалась вставать. После завтрака дядя Тинсли попросил меня помочь ему почистить водосточные трубы. Мы вдвоем несли из сарая алюминиевую выдвигающуюся лестницу, когда неожиданно на нашей подъездной дорожке появились два эму. Они наклоняли головы и смотрели по сторонам своими огромными глазами цвета жженого сахара.

- Птицы, наверное, заблудились, выйдя с поля Скраггса, - сказал дядя Тинсли. - Скраггс никак не починит забор.

Мы положили лестницу на землю, эму стали осторожно изучать ее. Я помчалась наверх и позвала Лиз, она натянула джинсы и спустилась вниз. Эму направились к сараю, издавая какие-то булькающие звуки. Они двигались длинными шагами и каждый раз, когда поднимали ноги, покачивали головами. У меньшего по росту эму была слегка вывернута нога, и он слегка подбирал ее при ходьбе. Эму поглядывали то назад, то вперед, будто желали заверить друг друга, что они в безопасности.

Дядя Тинсли сказал, что следует сообщить Скраггсу, что эму сбежали, и пошел в дом позвонить. Вскоре он вернулся и сказал, что эму принадлежат зятю Скраггса, Тэйтеру. Он работает в долине и приедет домой послезавтра. Только зять знает, как поймать птиц, так что Скраггс просит подержать их пока у себя.

- Я считаю, надо это сделать, по-соседски, - произнес дядя Тинсли. - Но нам нужно отправить их на пастбище.

Эму побрели за сарай, в сад. Они находились в нескольких футах от ворот, которые вели на главное пастбище, окруженное забором. Мы медленно двигались за эму и смогли подогнать их ближе к открытым воротам. Как только птицы прошли через ворота, Лиз быстро закрыла их.

Позднее мы привели на поле маму и показали ей эму. Посмотрев на их когти, она сказала, что не желает иметь с ними дела. А Лиз эму казались очаровательными. Мы с дядей Тинсли снова стали заниматься очисткой водосточных труб, а Лиз стояла у забора, наблюдая за эму. Ей просто не верилось, что тут появилось нечто такое странное, как две эти птицы. Они казались ей кем-то не из этого мира, существами из доисторической эпохи, или пришельцами с другой планеты, или даже ангелами. Она решила, что птица, которая побольше ростом, самец, а та, что поменьше - самка, и назвала их Юджин и Юнис.

Лиз полюбила не только самих эму, но и влюбилась в слово «эму». Она произносила его «эмью» или «эмуу», издавая звук, похожий на мычание коровы. Исписала целый лист разными словами, которые рифмовались со словом «эму», прибавив к «эму» «теорему», «проблему», «солону», «дилемму» и «клемму».

В этот вечер она нашла статьи об эму в «Энциклопедии» и завалила нас информацией об этих

птицах. О том, что они из Австралии, могут бежать со скоростью сорок пять миль в час, самец сидит на гнезде, у них двойные перья с двумя «султанчиками», растущими из каждого пера.

- Они таинственные и прекрасные, - произнесла Лиз.

- Как ты, - улыбнулась я.

Я-то думала, что пошутила, но сестра кивнула. Она чувствовала, что сама что-то вроде эму, сказала она. Наверное, от того, что ей с самого раннего детства снится, что она летает. В душе она и есть эму. Лиз была уверена, что эму тоже снятся полеты. Это еще одно их свойство. И она, и эму хотели летать - у них просто нет нужных для этого крыльев.

Глава 50

Утром в понедельник я пошла в школу. Суд закончился два дня назад, но мы еще не знали, что нас ждет впереди. Мама настаивала на том, чтобы уехать из Байлера. Она говорила о путешествии и о поездке в Кэтскилл. Еще хотела поехать на остров Чайнакотеге, чтобы посмотреть на диких пони. Лиз по-прежнему отказывалась ходить в школу. Если она не следила за эму, то сидела в нашей комнате и, как одержимая, сочиняла стихи про эму.

Вот одно стихотворение:

С эму никогда не нужно сражаться, Знайте, эму не привыкли сдаваться.

Еще одно:

Если эму чихают, То бумажными платками Носы Вытирают.

А вот еще:

Эму внимательно читают В газетах вести, Иногда в одиночестве, Иногда - вместе, Но Спроси, что они там понимают, На это эму только моргают, Не хотят своими мыслями делиться, Ничего не скажут, Но Постараются исхитриться, Притвориться И будто смутиться.

В среду днем Тэйтер с приятелями приехал в пикапе с прицепленным к нему пустым трейлером. Тэйтер был невысоким парнем с покатыми плечами, с волосами цвета песка и со сжатыми губами. Он едва поблагодарил нас за то, что мы держали эму, и тут же начал жаловаться на этих глупых птиц. Мол, от них одни неприятности, они худшее, с чем он вообще имел дело. Какой-то парень в Калперер-Каунти продал ему птиц, уверяя, что у мяса и яиц эму большое будущее, но эта пара не размножалась и не несла яиц. Однажды он из одного эму сделал барбекю, но мясо оказалось вонючим. В общем, единственное, что эти проклятые птицы делают, - бродят, пугая коров и оставляя большие лепешки. Никуда не годятся, одни заботы.

Тэйтер подал трейлер к воротам на пастбище. Мы двинулись на поле, но мама отошла назад, жалуясь, что она не в тех туфлях. Кроме того, она не доверяла этим эму - они могли бы внезапно на нас напасть.

Лиз принесла с собой немного хлеба и пыталась завлечь эму в трейлер, но когда они приблизились к наклонной доске, то стали вглядываться в темноту, испугались и попятиться. Мы провели больше часа, крича и размахивая руками, пытаюсь прогнать эму к трейлеру. Ничего не получалось. Как только мы подходили ближе, эму кричали, хлопали своими маленькими крыльями и увертывались от нас. Наконец Тэйтеру удалось ухватиться рукой за шею Юджина, но птица лягнула его когтистой ногой, и он отскочил назад.

- Проклятые птицы! - воскликнул Тэйтер. - Такие глупые. Я их застрелю.

- Они не глупые, - возразила Лиз. - Почему они должны делать то, что вы хотите?

- Ну, я ненавижу этих уродов.

- Неужели? А я их люблю.

Тэйтер остановился и уставился на нее.

- Вы любите эму? - спросил он. - Тогда забирайте их.

- Правда? - Лиз опустила на колени и раскинула руки. - Спасибо. Большое спасибо.

Тэйтер смотрел на нее, как на сумасшедшую.

- Минутку, - произнес дядя Тинсли. - Мы не можем просто так их взять. Кто будет смотреть за ними?

- Я, - ответила моя сестра.

- Я помогу, - сказала я.

- Мы сейчас говорим о деле, которое затянется надолго, - заметил дядя Тинсли.

- Верно, - кивнула мама. - Но мы не останемся в Байлере. Мы уезжаем. В Кэтскилл. Или куда-нибудь еще.

- Мы не можем покинуть эму, - проговорила Лиз.

Судя по выражению маминого лица, это ее озадачило.

- Ты хочешь остаться в Байлере, потому что влюбилась в пару больших, отвратительных птиц, которые случайно забрели на нашу дорогу?

- Я им нужна. Никто не будет ухаживать за ними.

- Мы не имеем отношения к этому месту!

- А эму тоже не имеют отношения к этому месту, но они - здесь.

- Ладно, возьмем этих проклятых птиц, - сказал дядя Тинсли и посмотрел на Лиз. - Но при условии, что ты вернешься в школу.

- Хорошо! - воскликнула Лиз. - Я вернусь в школу.

- Мама, а как же ты? - спросила я. - Что ты собираешься делать?

- Я не могу здесь жить, - ответила она. - Не могу.

На следующий день Лиз собиралась в школу, а мама стала упаковывать вещи, чтобы вернуться в Нью-Йорк. Похоже, все это к лучшему, сказала она. В Нью-Йорке она найдет издателя, чтобы издать стихи Лиз об эму. Мама также собиралась снять приличную квартиру в Верхнем Уэст-Сайде, где мы могли бы жить, а потом она устроит нас в школу для одаренных детей.

На следующее утро мы встали рано. Перед самым рассветом прошла гроза, и в свежем, влажном воздухе чувствовался запах электричества. Мама положила чемодан в багажник машины и всех нас обняла. Она была в своем красном бархатном жакете.

- Племя Троих, - произнесла она, - скоро снова будем вместе.

Мы смотрели, как ее «Дарт» скрылся за поворотом дороги.

- Уехала, - сказала Лиз.

Глава 51

Когда Лиз вернулась в школу, после суда миновала неделя, и мы надеялись, что ребята перестанут дразнить ее. Вышло не совсем так, но Лиз нашла способ справляться с этим. Она проплывала по коридорам, находясь в своем собственном мире, словно больше никого не существовало, а после школы играла на гитаре и до позднего вечера сочиняла стихи про эму. Еще она рисовала иллюстрации - эму читают газеты, эму сморкаются, эму играют на саксофоне.

- Племя Троих, - произнесла она, - скоро снова будем вместе.

Мы смотрели, как ее «Дарт» скрылся за поворотом дороги.

- Уехала, - сказала Лиз.

Глава 51

Когда Лиз вернулась в школу, после суда миновала неделя, и мы надеялись, что ребята перестанут дразнить ее. Вышло не совсем так, но Лиз нашла способ справляться с этим. Она проплывала по коридорам, находясь в своем собственном мире, словно больше никого не существовало, а после школы играла на гитаре и до позднего вечера сочиняла стихи про эму. Еще она рисовала иллюстрации - эму читают газеты, эму сморкаются, эму играют на саксофоне.

Несмотря на мамины разговоры о том, чтобы найти издателя, Лиз приходила в ужас от того, чтобы показать стихи кому-нибудь кроме домашних. Если кто-то стал бы критиковать ее поэзию, она погибла бы - так что я взяла принадлежащую мне копию стихов и отдала мисс Джарвис. Та разыскала Лиз и сказала, что у нее настоящий талант. Сестра начала проводить время ленча в классе мисс Джарвис. Несколько других учеников тоже бывали там - Сисил Бэйли, которая постоянно говорила об Элизабет Тэйлор и которую иногда называли

чудаковатой; Кеннет Дэниелс, он носил пелерину и тоже писал стихи; альбинос Клэр Оуэнс, уверявшая, будто она видит ауру вокруг людей, и Келвин Суилли, мальчик с такой большой головой, что, когда его класс изучал Солнечную систему, какой-то умник прозвал его Юпитероголовый. Никто в классе мисс Джарвис ни над кем не смеялся, а она всех подбадривала и ценила за их индивидуальность. Лиз чувствовала себя изгоем, не сознавая, что в школе есть и другие аутсайдеры. Это открытие стало для нее настоящим откровением.

Глава 52

Я была так занята с Лиз и эму, что после суда почти не виделась с Уайеттами. Но однажды в апреле, после того как мне исполнилось тринадцать лет, мы с сестрой пришли домой и увидели, что в портике сидят дядя Тинсли и тетя Эл.

- На фабрике большие события, - сказал дядя Тинсли.

- Вашего мистера Мэддокса уволили, - сообщила тетя Эл.

- Что? - воскликнула Лиз. Я ущипнула ее за плечо.

- Эл была свидетелем, - добавил дядя Тинсли. - Она прошла всю эту длинную дорогу, чтобы рассказать вам, что произошло.

- Это была славная прогулка, - улыбнулась тетя Эл. От оправдательного вердикта Мэддокс повредился в уме, объясняла она. Уэйн Клеммонс покинул округ на следующий день после того, как дал показания. Люди говорили, что Мэддокс каким-то образом подействовал на него - подкупил или запугал. Некоторые даже считали, что Мэддокс напал на Лиз в такси, зная, что сможет заставить Уэйна свидетельствовать в его пользу.

В общем, когда суд закончился, Мэддокс решил, что может делать все, чего бы ему ни захотелось, и на фабрике, и в городе. Он и до суда был наглым мерзавцем, но после того, как его оправдали, перестал себя контролировать, ругал мужчин, хватал женщин за грудь и попки. Он поймал одну девушку, которая ела сандвич у своего ткацкого станка в рабочее время, и размазал этот сандвич по ее лицу. Вот тогда все и началось. Рабочие просто больше не могли терпеть выходки Мэддокса и были готовы на все, лишь бы доставить ему неприятности. Ниточка натянулась. Стали ломаться станки и веретена, и их ремонт затягивался. Выключался свет. Испортились туалеты, и нечистоты поднимались вверх.

Владельцы фабрики ждали от старших мастеров результатов, но если один из них не мог этого добиться, то это была его вина. Владельцы не желали слушать никаких извинений. Мэддокс начал еще хуже погонять рабочих, и они ответили ему войной, темп работы замедлился.

Наконец Мэддоксу все это надоело, продолжила тетя Эл, и прошлым вечером он сорвался. Стал упрекать Джулиуса Джонсона, крепкого черного парня, который был дядей Ванессы, в том, что тот слишком долго находился в туалете. Мэддокс начал орать на Джулиуса и толкать его в грудь. Ходили слухи, будто Мэддокс ударил Летисию из группы поддержки, хотя цветные помалкивали. В общем, Джулиус, который был почти таким же здоровенным, как и Мэддокс, схватил того за руку и сказал, чтобы Мэддокс оказывал людям хоть немного уважения. Мэддокс ударил Джулиуса по лицу, прямо там, перед всей сменой. Джулиус обхватил Мэддокса, и кончилось это тем, что они оказались на полу, стали обмениваться ударами и дрались до тех пор, пока их не растащили охранники.

- Мэддокса и Джулиуса уволили, - добавила тетя Эл. - Джулиус сразу же стал героем среди черных жителей Байлера, а Сэмьюэл Мортон из похоронного бюро, который обслуживал цветных, уже предложил ему работу. Люди также говорили, что владельцы фабрики радовались уходу Мэддокса. Он стал приносить больше неприятностей, чем пользы.

Тетя Эл потянулась и похлопала Лиз по руке:

- Если худенькая белая девочка решилась выступить против Джерри Мэддокса, то и Джулиус Джонсон сообразил, что может поступить так же.

Глава 53

Мы приходили из школы и кормили эму кормом, который дядя Тинсли покупал недорого у мистера Монки. Стоило птицам нас увидеть, как они сразу бежали к забору, впереди выступал Юджин, а Юнис следовала за ним, ее вывихнутая нога подворачивалась при каждом шаге. Я любила этих переросших цыплят, но не так, как Лиз. Она любила их просто до безумия. Приносила им угощение, например, печенье и брокколи. Ходила за ними по полю, изучая их поведение. Юджин позволял ей приближаться, и она могла погладить его. Он даже ел из ее рук. Но Юнис была более пугливой, не желала, чтобы к ней прикасались, и убегала. Лиз оставляла ей еду на земле. Сестра чувствовала свою ответственность, была их покровителем и постоянно волновалась за них. На эму могла напасть рыжая рысь, какой-нибудь мальчик мог ударить их, они могли заблудиться и погибнуть.

Однажды, через две недели после того увольнения Мэддокса, мы пришли на пастбище и обнаружили, что ворота открыты и эму ушли. Мы побежали домой, и дядя Тинсли сказал, что утром служащие из энергетической компании освобождали провода от упавших веток и могли забыть запереть ворота. Лиз так расстроилась, что ее затрясло. Мы сели в машину, стали объезжать округу и вскоре увидели эму на поле для сенокоса, в миле от «Мэйнфилда».

Поле для сенокоса, принадлежавшее мистеру Монки, имело проволочное ограждение, но ворота были распахнуты. Лиз вышла и закрыла ворота, так что на время эму оказались в безопасности, но мы не знали, как доставить их домой. Мы смогли отвести их на большое пастбище у «Мэйнфилда», когда они были только в нескольких футах от ворот. Но невозможно было бы гнать их по дороге на большое расстояние - от поля для сенокоса до «Мэйнфилда». Даже с Тэйтором и его приятелями мы не сумели загнать эму в трейлер. У Лиз началась истерика.

- Мы должны связать птиц, - сказал дядя Тинсли.

Вечером он позвонил кузнецу Бадю Хокинсу, у которого была лошадь, выступающая на родео, чтобы тот попытался поймать эму с помощью лассо. Бад обещал завтра приехать на поле. Дядя Тинсли велел нам позвать приятелей. Чем больше рук, тем лучше. На следующий день в школе я все рассказала Джо, и он сказал, что приведет друзей. Лиз пригласила своих новых подруг, приходивших на время ленча к мисс Джефферсон, но мы не знали наверняка, на сколько человек можно рассчитывать.

Когда мы приехали к полю, Бад Хокинс уже находился там, он выводил из своего трейлера крепкую лошадь. Эму с подозрением наблюдали за этим с противоположной стороны поля. Пока Бад садился на лошадь, на зеленом «Рамблере» приехала мисс Джарвис, она привезла нескольких учеников, в том числе Кеннета Дэниелса. Минуты через две появились тетя Эл с Эрлом, Джо с приятелями. Потом прибыли Рут, Ванесса, Летисия и пара черных

спортсменов, одним из них был Башня.

Все смотрели, как Лиз направилась к Юджину, она несла миску с едой и большой кусок веревки с петлей. Поставила миску на землю и, когда Юджин начал клевать корм, надела ему через голову петлю, которая обвила его шею. Джо поднес Эрла, и мальчик погладил шею Юджина.

Бад погнал свою лошадь к Юнис. Когда она убегала от Бада, тот галопом скакал за ней, раскручивая лассо над головой. Несколько ребят бегали вокруг, пытаясь ему помочь, Кеннет размахивал своей черной пелериной, Башня вытягивал свои длинные руки, Рут и Летисия хлопали и подбадривали их.

Несмотря на раненую ногу, Юнис носилась по полю и кидалась в сторону каждый раз, как только Бад бросал лассо. После часа погони за Юнис Бад подъехал к забору. Он вспотел, от пота у него промокла рубашка, а спина лошади покрылась пеной.

- Есть хорошая новость - птица начинает уставать, - сказал он. - Есть и плохая новость - мы совершенно выдохлись.

Дядя Тинсли стоял, прислонившись к машине. Он сказал, что все должны пойти на поле, собраться около Юнис и потом, вытянув руки, встать в длинную шеренгу. Лиз повела Юджина через ворота на дорогу. А за Юнис выстроилась шеренга ребят, которые притрагивались к ней кончиками пальцев, и потому птица могла двигаться только вперед. И она медленно последовала за Юджином.

Дядя Тинсли стоял, прислонившись к машине. Он сказал, что все должны пойти на поле, собраться около Юнис и потом, вытянув руки, встать в длинную шеренгу. Лиз повела Юджина через ворота на дорогу. А за Юнис выстроилась шеренга ребят, которые притрагивались к ней кончиками пальцев, и потому птица могла двигаться только вперед. И она медленно последовала за Юджином.

Все шло очень хорошо, пока мы не добрались до поля мистера Монки, где заканчивалось ограждение. Там Юнис занервничала и начала кидаться на проволоку загородки. Она пыталась протиснуться сквозь проволоку, но только до крови исцарапала спину. Сообразив, что Юнис уводят, Юджин тоже занервничал и стал так раскачиваться и дико шипеть, что Лиз сняла веревку с его шеи, и он, как и Юнис, принялся протискиваться сквозь ограждение и тоже ободрал спину.

Я чувствовала себя так, будто меня избили. Птицы снова бродили по тому же проклятому полю, и нам всем теперь нужно было все еще раз повторить. Странно, мы с Лиз были расстроены, а остальные веселились. Дядя Тинсли сиял и похлопывал людей по спинам, поздравлял их с прекрасной работой, дети гудели, свистели и колотили друг друга, наклоняли головы и взмахивали плечами, имитируя эму, когда мы при свете уходящего дня шли назад к машинам.

Глава 54

Теперь, когда стало теплее, я взяла за правило по субботам ездить на велосипеде к Уайеттам, чтобы пообщаться и получить яичницу с беконом. Лиз обычно ездила проверить эму. Мистер Монки сказал, что пусть уж эму остаются на его поле, пока мы не сообразим, как забрать их

обратно. Сестра говорила, что поймать эму невозможно – нам не удастся перегнать их или перехитрить. Единственное, что мы могли делать, – дружить с ними и пытаться завоевать их доверие.

В субботу, в начале мая, я вошла в кухню Уайеттов и увидела, что тетя Эл сидит за столом рядом с Эрлом и пишет письмо Труману. Он объяснял, что старался быть оптимистом, но, несмотря на усилия военных США, война шла совсем не так, как об этом говорили генералы. Американцы пытались изменить ход войны, но вьетнамцы, казалось, этого не хотели, да и наркотики стали серьезной проблемой. Труман и его девушка Ким Ан, которая обучала на базе военнослужащих вьетнамскому языку, вели серьезные разговоры о браке. Но Ким Ан тревожилась о своей семье, ее отец тоже работал на американцев, и ей хотелось знать, смогла бы она привезти родителей и сестер в Штаты, если они с Труманом поженятся.

– Кларенса не радует эта идея, – добавила тетя Эл, – и я всегда думала, что Труман женится на местной девушке. Но я говорю ему, что, если он привезет домой Ким Ан, я переверну небеса и землю, чтобы только помочь здесь ее семье, потому что нет ничего более важного, чем семья. – Она свернула письмо и положила его в конверт. – Как насчет яичницы?

Когда я тостом вычищала тарелку, в кухню вошел Джо.

– Я собираюсь на свалку, – сказал он. – Хочешь пойти?

На свалку свозили всякие замечательные вещи, и Джо нравилось находить вещи, которые кто-то выбросил, а он мог бы починить. Можно было бы найти разбитую газонокосилку, проигрыватель, швейную машинку, принести домой, разобрать на части и снова собрать.

Свалка находилась на противоположной стороне реки. Мы шли через мост, Пес трусил за нами. Был ясный, но ветреный весенний день, по небу плыли большие, плоские облака.

– Что ты думаешь о новостях от Трумана? – спросила я.

– О войне или о вьетнамской девушке?

– И о том, и о другом.

– Труман умница, – произнес Джо. – Ты никогда не выиграешь пари с Труманом. Если он говорит, что война идет плохо, значит, война идет плохо, и мне неважно, что считает папа.

Мы дошли до дальнего конца моста.

– Значит ли это, что ты не будешь поступать на военную службу? – спросила я.

– Совсем не значит. – Джо поднял плоский камушек и бросил его в реку. – Не перестают воевать потому, что начинают проигрывать. – Он обернулся. – Если Труман выберется оттуда и захочет привезти с собой эту девушку и ее семью, я не стану возражать. Восточные женщины симпатичные. Роджер Брам вернулся со службы женатым на филиппинской девчонке. И у них симпатичные ребяташки.

Свалка была окружена забором из цепей и листов рифленой жести, там цвел лилейник и за оградой росли деревья. Люди оставляли электроприборы и разные механизмы слева от ворот. Мы копались в коробках, рассматривая взбивалки для яиц, пишущие машинки и старые

радиоприемники. Пес грыз куриные косточки и гонялся за крысами. Джо нашел часы, которые можно было бы починить, и взял их с собой.

Мы шли назад через мост и по Холлидей-авеню, Пес бежал у наших ног. Пройдя мимо суда, мы свернули и двинулись по кварталу старых домов, перешли через железнодорожные пути, потом зашагали по вымощенной булыжником аллее, между аптекой и страховым агентством. Позади аптеки была небольшая стоянка машин, на второй этаж аптеки вела деревянная лестница. Внизу, у лестницы, рядом с металлическим баком для мусора стоял «Понтиак» Мэддокса.

После суда я не видела Мэддокса, но понимала, что рано или поздно столкнусь с ним, и боялась этого. Когда мы подходили к автомобилю, Пес побежал вперед, остановился, поднял ногу и начал писать на колесо. Будто знал, кто хозяин этой машины. Джо прыснул от смеха, я – тоже.

Вдруг дверь распахнулась, и вниз стал спускаться Мэддокс. Он возмущался: как смеет эта проклятая собачонка писать на его машину, это вандализм, это так же мерзко, как то, что мы порезали шины, и на сей раз он поймал нас за руку. Мэддокс схватил Пса за загривок, открыл багажник и бросил собаку туда.

- Не пораньте Пса! - воскликнула я. - Вы всему наносите вред. Вы нанесли вред моей сестре и знаете это.

- Суд отнесся к этому по-другому, - усмехнулся Мэддокс. - Так или иначе, но мне досталось от тебя, так что заткнись. Собака опасна, она бегает тут без поводка. - Он открыл дверцу машины и сдвинул переднее сиденье. - Вы, оба, садитесь назад! - велел Мэддокс. - Поедем, навестим ваших родственников.

Мы с Джо переглянулись. Я очень испугалась, но мы не могли позволить Мэддоксу уехать с Псом. Джо бросил часы в мусорный бак, и мы влезли в машину. В дороге все молчали. Я уставилась на толстую шею Мэддокса, как делала и во время суда, и слушала приглушенный лай Пса из багажника. Невозможно поверить! Я думала, мы покончили с Мэддоксом, но теперь, казалось, все снова началось. Ему было недостаточно того, что он выиграл дело в суде. Он всегда будет против нас. Это вражда будет тянуться вечно.

Мэддокс остановился перед домом Уайеттов, открыл отделение для перчаток, вытащил оттуда револьвер и засунул его в карман куртки с капюшоном. Потом он вышел, открыл багажник, схватил Пса за загривок и держал его на вытянутой руке, когда шагал в дом. Мэддокс даже не постучал в дверь. Мы с Джо следовали за ним. Тетя Эл была у кухонного стола, отрезала кончики спаржи.

- Позовите мужа, - сказал Мэддокс.

Тетя Эл посмотрела на него, на Пса, затем на Джо и на меня.

- Что происходит?

- Я сказал, позовите мужа.

Тетя Эл встала, она двигалась медленно, будто тянула время, обдумывая, как поступить. В дверях появился дядя Кларенс.

- У вас есть ружье, Кларенс? - спросил Мэддокс.

- Почему вы спрашиваете?
- Потому что нам нужно убить эту собаку. Она неуправляемая. Она опасна.
- Пес на кого-то напал? - удивилась тетя Эл.
- Он всего лишь пописал на машину мистера Мэддокса, - объяснила я. - На шину.
- И все? - усмехнулась тетя Эл. - Так делают все собаки.
- Он повредил мою собственность, - заявил Мэддокс. - Он должен быть убит. И я здесь не для того, чтобы это обсуждать. Я хочу видеть эту собаку мертвой.
- Вы больше не хозяин, - произнес дядя Кларенс.
- Однако могу дать тебе под зад. У тебя, Кларенс, нет ружья, а у меня есть револьвер.
- У меня есть ружье, - возразил дядя Кларенс.
- Иди, возьми его и принеси.

Все это время Пес рычал и извивался в руке Мэддокса. Тот миновал гостиную и вышел через заднюю дверь на маленький дворик. Дядя Кларенс исчез, затем, спустя минуту, вернулся. С ружьем.

- Папа, ты не можешь убить Пса! - крикнул Джо.

Дядя Кларенс не обратил на него внимания.

- Вы все оставайтесь здесь, - сказал он и вышел в заднюю дверь вслед за Мэддоксом.

Мы стояли как парализованные. Я была в шоке. Знала, дядя Кларенс не хотел убивать Пса, и не могла поверить, что он застрелит малыша. Я посмотрела на Джо. Он ничего не говорил, но у него лицо стало серым.

Мы услышали громкий выстрел, который эхом отразился в горах за домом. И потом залаял Пес. Мы побежали к задней двери. Солнце село, но в тусклом свете мы увидели дядю Кларенса с ружьем в руках. Мэддокс лежал вверх лицом в огороде дяди Кларенса. Он был мертв.

- Боже правый, Кларенс... - пробормотала тетя Эл.
- Думал, это медведь, - сказал он. - Услышал сзади шум и пошел посмотреть. Вы находились в доме. Ничего не видели. - Он взглянул на свое ружье. - Думал, это медведь, - повторил он.

Глава 55

То же самое дядя Кларенс говорил и полицейским, которые пришли в дом. Думал, это медведь. Было темно. Мэддокс был большим, как медведь, в черной куртке. Когда полиция спросила дядю Кларенса, что Мэддокс делал на заднем дворе, тот ответил, что не знает. Не спросил его, поскольку решил, будто это медведь.

Тетя Эл, которая держала на коленях Эрла, заявила, что мы находились в доме и ничего

не видели. Мы с Джо согласно кивали. Никто не упоминал о Псе. Полицейские окружили задний двор веревкой, вызвали «Скорую помощь» и увезли дядю Кларенса с собой, допрашивать. Тетя Эл позвонила дяде Тинсли, чтобы он приехал за мной. Когда он появился, она рассказала ему то же самое, что мы говорили полицейским. Дядя Тинсли спокойно выслушал ее.

- Понятно, - кивнул он.

По дороге домой мы молчали. Наконец дядя Тинсли произнес:

- Думал, это был медведь...

- Да, - сказала я.

- Что ж, это такое объяснение, с которым люди здесь смогут жить, - проговорил он. - Я смогу. А ты держисься очень хорошо. Ты в порядке?

- Да.

Никогда прежде я не видела мертвого человека. Думала, что стану нервничать, но ничего такого не произошло. То, что Мэддокс мертв, не сделало меня счастливой, если можно так сказать, ведь я даже когда-то сама хотела убить его. Возникло ощущение, будто я иду через тоннель, не позволяя себе смотреть по сторонам, но при этом должна быть очень внимательной к тому, что было передо мной, и продолжать двигаться вперед.

Дядя Тинсли опустил стекло и глубоко вздохнул.

- Пахнет жимолостью, - сказал он.

Когда мы приехали домой, на небе появилась серебряная луна. Лампа в портике горела, на верхней ступеньке, ожидая нас, стояла Лиз.

- Что случилось? - крикнула она.

- Мэддокс мертв!

Мы с дядей Тинсли поднялись на первую ступеньку.

- Было темно, и Кларенс Уайетт услышал шум за домом, - сказал дядя Тинсли. - Он подумал, что это медведь, и выстрелил в него. Оказалось, что это Мэддокс.

Сестра пристально смотрела на нас.

- У меня закружилась голова, - сказала она. - Меня тошнит. Мне нужно лечь.

И побежала в дом. Я последовала за ней на второй этаж, потом по коридору «птичьего крыла». Лиз бросилась на кровать, но через минуту села и стала раскачиваться.

- Дядя Кларенс не думал, что Мэддокс медведь, - произнесла сестра. - Что случилось на самом деле?

Я села рядом с ней и начала объяснять. Лиз расплакалась.

- Все в порядке, - сказала я.
- Нет, - рыдала Лиз. - А как же Дорис и дети? Как новорожденный ребенок?
- У Мэддокса есть деньги и дома, которые он сдавал в аренду, - напомнила я. - Дорис будет лучше без него.
- Но у этих детей теперь не будет отца.
- И у нас нет отца. Ничего, справляемся.
- Нет. И все это моя вина.

Лиз начала рыдать еще громче. Она довела себя до того, что никак не могла успокоиться, стала задыхаться, хватать ртом воздух, и я боялась, что она снова примет снотворные таблетки или сделает еще что-нибудь похуже. Потом трясла головой и повторяла, что она убила Мэддокса - убит Мэддокс, Мэддокс убит, безумный бык убит, черный медведь в траве лежит, Мэддокс убит, девочка в машине сидит, Мэддокс убит, плохой медведь, плохой медведь, безумный бык убит, дом Мэддокса горит, Мэддокс убит - это сделала она, все это ее вина, ее вина, ее вина.

- Это не твоя вина, - возразила я. - Он сам все начал. Но теперь с этим покончено. - Я стала гладить сестру по волосам и говорить: - Это не твоя вина. Все кончено, все кончено. - И постепенно Лиз перестала плакать и начала зевать.

Я сидела около нее, прислушиваясь к ее дыханию, затем встала, выключила свет и направилась к двери. Неожиданно Лиз произнесла:

- Из-за медведя.

Я посмотрела на нее. Лиз говорила во сне.

Глава 56

Сказать по правде, я боялась, что все еще не кончено. А если кто-нибудь на аллее видел, как мы садились в машину Мэддокса? А если соседи на холме заметили нас троих в этой машине? И наконец, полицию должно заинтересовать: какого черта Мэддокс делал на заднем дворе Уайеттов?

В воскресенье я проснулась от солнечного света и птичьего щебета. Лиз крепко спала. Я сочла это добрым знаком. Дядя Тинсли надел костюм из жатой индийской ткани в полоску и полосатый галстук. Сказал, что решил съездить в город, показаться перед людьми и послушать, что говорят. Следовало побывать в двух местах - в баптистской церкви и в «Обеде Бульдога».

Лиз поднялась немного позже, она выглядела гораздо лучше, но все равно была бледной. Все утро она играла на гитаре, а я в это время работала в саду, выпалывала сорняки вокруг ирисов и думала о ней. Сестра заслужила медаль за все, что пережила, сказала я себе.

Я отложила лопатку, направилась в «птичье крыло» и достала «Серебряную звезду» из коробки из-под сигар. Я чувствовала, что заработала право это сделать. Лиз заслужила медаль, и не только за то, что она через все это прошла, но и за то, что защищала свою

младшую сестру от безумств нашей матери. Так же, как заслужил медаль и дядя Кларенс, не за убийство Мэддокса, но за то, что еще мальчиком стал работать, как настоящий мужчина, чтобы у моего папы был свой дом. Так же, как и тетя Эл, за то, что ночами дышала на фабрике очесами льна и потом заботилась о больном муже и странном маленьком Эрле. Так же, как и дядя Тинсли, за то, что взял к себе двух капризных племянниц, как и мама, за возвращение в Байлер. А я всего лишь воевала с Лизой Сондерс и дерзила мисс Клэй.

Я понесла «Серебряную звезду» вниз. Лиз с гитарой сидела на табурете у рояля.

- Это тебе, - сказала я, протягивая ей медаль. - Ты ее заслужила.

Сестра опустила гитару и взяла медаль. Минуту смотрела на нее.

- Я не могу это взять, - произнесла она. - Это медаль твоего папы. Но я никогда не забуду, что ты хотела отдать ее мне.

Дядя Тинсли вернулся, и мы пошли за ним в гостиную. Он сел в парчовое кресло-качалку и ослабил узел галстука. Все в Байлере, конечно, знали об убийстве, сказал он. Только об этом и говорили. Но никто не мог понять, что Мэддокс делал за домом Уайетта. Спросили у Дорис. Она пожимала плечами, но требовала расследования. Полицейские разговаривали и с соседями Уайеттов, но люди на фабричном холме ненавидели Мэддокса и не очень-то любили копов. Никто ничего не видел, никто ничего не слышал - кроме выстрела. Его слышали все.

Город был полон предположениями. Люди подозревали, что это связано с какой-то враждой. Он что, прятался? Шпионил за семьей? Планировал засаду? Но если Мэддокс из-за этого там оказался, то почему его машина была припаркована перед домом? И к тому же у него был при себе револьвер. Наконец, он нарушил границы чужого владения, а человек имеет право защищать свою семью и собственность. Вот почему полиция не арестовала дядю Кларенса после допроса. Его история была простой и разумной. В этой части страны всегда мог произойти несчастный случай на охоте. Например, в соседнем округе какого-то северянина, любителя птиц, на котором была белая рубашка, убили белым днем в сезон оленьей охоты.

К тому же Мэддокс и в полиции считался смутьяном, с его бесконечными тяжбами и жалобами, он выгонял арендаторов, угнетал мужчин на фабрике и приставал к женщинам по всему городу. И еще копы знали, что все в Байлере, кроме Дорис, радовались, что Мэддокса больше нет, так что, несмотря на несколько вопросов, оставшихся без ответов, они горячо желали забыть об этом деле.

- Произошла случайность. - Дядя Тинсли вскинул вверх руки. - Думал, это медведь.

Он минутку посидел в кресле-качалке, а потом произнес:

- Пожалуй, пойду поиграю на рояле.

Он открыл двери в зал и снял с большого рояля зеленое бархатное покрывало. Подпер открытую крышку, сел на табурет, пробежал пальцами по клавишам, взял несколько аккордов и начал играть что-то классическое. Звучало красиво, даже для такого человека без слуха, как я. Вскоре Лиз сказала:

- Нам нужно пойти к эму.

Когда мы уходили из дома, дядя Тинсли еще играл. Мы взяли в сарае веревки и зашагали по дороге к полю. Приближалось время кормежки, и эму стояли у ворот, как делали это обычно, ожидая нас.

После трех недель попыток Лиз, в конце концов, приучила Юнис есть из миски, которую она ей подавала. Неделя ушла на то, чтобы Юнис позволила Лиз поглаживать ей спину во время еды. В этот день, когда Юнис клевала корм, сестра погладила птицу веревкой, чтобы эму привыкла, а потом надела веревку ей на шею. Юнис замерла, но вернулась к еде. Я быстро накинула веревку на Юджина.

Мы с Лиз знали, что дело спасения эму могло обернуться большой тратой времени. Или чем-то похуже. Теперь, когда мы поймали эму, они могли ударить нас своими когтистыми лапами, или клюнуть в глаза, или убежать на дорогу и попасть под машину. И как только птицы снова окажутся в «Мэйнфилде», они могут запросто сбежать. Но при всем при этом теперь птицы находились под нашей опекой, и мы делали то, что должны делать.

Мы вывели эму на дорогу. Сначала они немного нервничали, но затем, казалось, нашли в веревке нечто успокаивающее. Будто испытали облегчение от того, что не надо больше бороться. Мы с Юджином шли первыми. На самом деле, он шел передо мной и тянул веревку, словно зная, куда мы направляемся, и хотел туда попасть. Мимо проезжали машины, водители замедляли ход, а дети опускали стекла и махали руками при виде Лиз и меня, ведущих этих замечательных птиц обратно домой.

Примечания

1

Затерявшееся озеро (англ.) – *Здесь и далее примеч. пер.*

2

День независимости Америки.